

ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2016, № 2 (56)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (главный редактор)
С.С. Сибатрова (зам. главного редактора)
Т.Л. Молотова (отв. секретарь)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Сибатрова С.С.</i> О пополнении состава марийских междометий, обращенных к птицам, за счет русских заимствований.	3
<i>Зиявадинова О.С.</i> Художественное воплощение темы природы в коми поэзии (конец XIX – первая треть XX вв.).	14
<i>Акишиков А.Г.</i> К вопросу об основании города Йошкар-Олы.	38

СООБЩЕНИЯ

<i>Теуш О.А.</i> Новые материалы по коми заимствованиям в географической терминологии Русского Севера: Ленский район Архангельской области.	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Из военной истории финнов и карел.	55
<i>Молотова Т.Л.</i> Влияние общинного менталитета на традиционный костюм луговых марийцев в конце XIX – начале XX веков.	71

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Федосеева Н.А.</i> Вклад А.А. Васинкина в развитие марийского литературоведения (к 65-летию со дня рождения).	77
<i>Ракин А.Н.</i> В.И. Лыткин – выдающийся финно-угровед XX столетия (воспоминания).	81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Сергеев О.А.</i> Рец.: Е. Ласточкина. Лексико-семантические особенности омонимов в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. – Тарту, 2016. 206 с.	85
<i>Цыпанов Е.А.</i> Рец.: Н.А. Ракин. Коми перевод «Калевалы» в контексте некоторых аспектов истории и теории (художественного) перевода. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. – Тарту, 2014. – 338 с.	90
<i>Молотова Т.Л.</i> Рец.: Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография) / Р.Р. Садиков, Уфа: ООО «Первая типография», 2016. – 276 с.+20 с.илл.	98

ХРОНИКА

<i>Кудрявцева Р.А.</i> Юбилейная конференция в Марийском государственном университете.	101
<i>Максимов В.Н., Сергеев О.А.</i> Памяти Гурия Ивановича Лаврентьева (1933–2016).	105
<i>Максимов В.Н.</i> Памяти Анатолия Николаевича Куклина (1948–2016).	108
Сведения об авторах	111

СТАТЬИ

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

О ПОПОЛНЕНИИ СОСТАВА МАРИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ, ОБРАЩЕННЫХ К ПТИЦАМ, ЗА СЧЕТ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается происхождение марийских слов для призыва и отгона птиц как лексем, составляющих одну из подгрупп побудительных междометий, обращенных к животным. Особое внимание уделяется русским заимствованиям, определению их места среди единиц данной тематики. Согласно материалам словарей и работ по грамматике, в марийских наречиях и говорах представлено немало слов и их фонетических вариантов для зова, также отгона птиц – гусей и гусят, уток и утят, кур и цыплят, а также голубей. Наиболее многочисленными являются ряды вокативных междометий, обращенных к домашним птицам. На формирование изучаемой системы лексических средств существенное влияние оказал русский язык. Из него заимствованы: все 4 подзывания для уток и утят, 6 – для гусей и гусят (из 10 выявленных единиц), 6 – для кур и цыплят (из 7 единиц), 1 – для голубей (из 3 единиц) и, возможно, 1 слово для отгона птиц (из 3 единиц). В целом, из 24 зафиксированных междометий для зова и отгона птиц из русского языка вошло 17 единиц (или 70,8 %).

Ключевые слова: марийский язык, междометия, слова для призыва и отгона птиц, русские заимствования.

В марийской лингвистике междометия, обращенные к животным, рассматриваются как одна из подгрупп побудительных междометий [1, с. 318; 2, с. 90; 3, с. 177; 4, с. 284; 5, с. 334]. При этом отмечается их использование для зова, призыва или подзывания – с одной стороны, и для отпугивания или отгона – с другой. Однако, очевидно, ввиду отсутствия концентрированного фактического материала (например, весьма ограниченного отражения в рамках одного словаря) и при всем при этом достаточно большого разнообразия и пестроты в выражении даже одного и того же «объекта», значительной сложности разгадки происхождения, специальному изучению такие слова не подвергались.

Между тем побудительных междометий, обращенных к животным, в марийском языке довольно много. Об этом свидетельствует обобщение материалов современных марийских грамматик и соответствующих разделов других работ по марийскому языку [1, 2, 3, 4, 5], лексических данных десятичного «Словаря марийского языка» [6], марийских диалектных словарей А.А. Саватковой, Э.Беке, В.И. Вершинина [7, 8, 9] и, в особенности, «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева [10, 11]. На наш взгляд, первые два тома словаря Ф.И. Гордеева, несмотря на то что они охватывают лексемы только на буквы *А–Д*, содержат бóльшую часть марийских подзывных слов, ибо в них нашли отражение также варианты на согласные *п, к, т*, а эти согласные встречаются, как известно, «с древнейшего периода в разных фонетических положениях», в том числе и в начале слова [см. 12, с. 146]. Богатый языковой материал по императивным междометиям зова и отгона животных представлен в монографии М.Н. Кузнецовой «Названия диких и домашних животных в марийском языке», кроме того, во многих случаях прослеживалась их этимология в связи с освещением вопроса о происхождении конкретных зоонимов [13].

Настоящая статья ограничена изложением истории слов для призыва и отгона птиц как лексем, составляющих одну из подгрупп побудительных междометий, обращенных к животным. При этом особое внимание уделяется русским заимствованиям, определению их места среди слов данной тематики (правда, ввиду большой звуковой вариативности марийских слов, значительных внешних расхождений от своих источников, недостаточности зафиксированных фактов по подзывным словам рассматриваемых языков их этимология в некоторых случаях остается предположительной. Безусловно, слова для призыва и отгона птиц заслуживают специального глубокого исследования на основе более широкого полевого материала).

Так, в источниках – в вышеуказанных словарях и работах по грамматике обнаружено значительное количество марийских междометий для призыва гусей и гусят, уток и утят, кур и цыплят, голубей, а также для их отгона (к сожалению, междометия в статье даются без конкретных ссылок). Среди них большим обилием отличаются подзывные слова для домашних птиц, в особенности для гусей и гусят, уток и утят.

Судя по источникам, самым богатым является ряд подзываний **для гусей и гусят**. В наречиях и говорах зафиксированы следующие междометия данной подгруппы (около 10 единиц с весьма разными фонетическими вариантами):

л. *дига-дига, диги-диги, дигу-дигу, теги-теги, дыж-дыж; гид-гид, гиди-гиди, гуди-гуди, гыди-гыди; вит-вит, вить-вить, вите-вите, види-види, видий-видий, буй-буй, вуй-вуй; вир-вир; дайкай; гяр-гяр, гяри-гяри; виви, вивий, вый-вый, биби, биви, биви-биви, виги-виги; гали-гали, галя-галя, гали-галя;*

в. *дига-дига, диге-диге, дьгä-дьгä, тик-тик, чиги-чиги; гет-гет, гать-гать, гäди-гäди; гä-гä-гä; ги-ги-ги; дигäйкäй, дигäйкäй-дигäйкäй, дьгäйкäй, дайкай, дäйкäй, гайкай, гäйкäй, гäйкäй-гäйкäй, кайкай, геикай, геикей-геикей,*

кейкей-кейкей, дәйтәй, дәйтәй-дәйтәй; гәр-гәр, гер-гер; виви, вивий, биби, биви-биви; гали-гали, гая-гая, гали-гая;

г. тигә-тигә, тига-тига; гый-гый; вите-вите; виви;

с.-з. дига-дига, тига-тига; виви.

Как видно, междометия ряда *дига-дига* в довольно разнообразном звучании являются общемарийскими. Ф.И. Гордеев, отмечая их распространение «как в тюркских, так и в уральских языках», допускает вероятность русского наследия во всех языках, при этом приводит из русских источников аналоги: *теги-теги, тига-тига, тиги-тиги, дига-диганькья, тега* [11, с. 263]; см. также «*дига, диганька* об. пск. тига, тиженька, тега, кличка гусей» [14, с. 435]. К единицам этого ряда примыкает и л. (с. Кокшамары) *дыж-дыж*, которую, как и татарское соответствие *дижа-дижа*, Ф.И. Гордеев рассматривает как «русское проникновение» и делает ссылку на русские параллели *тежа-тежа, тега, тежа, тежи* [11, с. 276]; см. у В. Даля призывные клички гусей «*тежь* и *тежи*, ряз. вор. юж.» наряду с *тега, тига, теганька* [15, с. 395]. М. Фасмером «подзывание гусей и лебедей» *тига-тига*, «южн., ряз., воронежск.» *тега, тежа, тежи* объяснено как звукоподражание [16, с. 55].

Ф.И. Гордеев в междометиях л. *гид-гид, гиди-гиди, гуди-гуди, гыди-гыди* видит результат перестановки слогов: «*диги > ди-ги > ги-ди*» [11, с. 232], что, конечно, вполне могло (бы) произойти при многократном быстром повторе. Однако эти подзывные единицы, скорее всего, представляют собой непосредственные заимствования из русского языка, правда, с некоторыми фонетическими преобразованиями. Так, в ярославских говорах для подзывания гусей используются слова *гути-гути, гутю-гутю, гутя-гутя* [см. 17, с. 12]. Относительно звуковых изменений на почве марийского языка (*и < рус. у, ы < рус. у*) надо отметить, что в истории языка прослеживаются (хотя и немногочисленные) примеры развития гласного *и* из домарийского *у*: «*ийаиш, ийәиш* ‘плавать’ ср. фин. *ui-*, морд. *уйнемс*» [18, с. 88; 12, с. 88]; также наблюдаются случаи передачи русского предупредительного гласного *у* через *ы*: *кымажньык < рус. бумажник, кылкой < рус. глухой* [19, с. 20]. Очевидно, к данной серии подзываний относятся по своему происхождению и в. *гет-гет, гать-гать, гәди-гәди* (Ф.И. Гордеев допускает другое развитие – выпадение слога: *теге-теге > тегет-тегет > гет-гет* [11, с. 231]). Возможно, к русскому *гути-гути* восходит и г. *гый-гый* (Ф.И. Гордеев приводит в качестве источника рус. «*гиги* – о крике гусей» [11, с. 248]). Замена русского *д* ‘марийским *й* (г. *йела < рус. д’ела, г. мылойец < рус. мълод’ец*), прежде всего в горном и восточном наречиях, отмечается А.А. Саватковой [19, с. 32–33], т. е. здесь можно предположить следующие фонетические преобразования: *гут’(и)-гут’(и) > гуд’(и)-гуд’(и)* (озвончение *т* ‘в интервокальном положении) > *гид’(и)-гид’(и)* (редукция рус. *у > мар. ы* в предупредительном слоге, см. выше) > *гый-гый*.

Междометия л. *вит-вит, вить-вить, види-види, видий-видий*, л., г. *вите-вите* и (для подзывания гусят) л. *буй-буй, вуй-вуй* Ф.И. Гордеев рассматривает как заимствования из русского языка, соотносит их с русскими подзываниями для

гусей и гусят *вити-вити* и *уть-уть* (< *утя-утя, вутя-вутя*), зафиксированными в ряде источников [11, с. 101; 10, с. 113, 217, 236].

Несомненно, русизмом является «подзывание и подражание крику гусей» *га-га-га* (в источниках распространение не указывается), ср. рус. *га-га-га* [11, с. 221]. М. Фасмер представляет ряд соответствий из славянских (а также из балтийских и других) языков при глаголе *гагать, гагакать*, образованном от данного звукоподражания [20, с. 380]. По-видимому, с рус. *га-га-га* связано и подзывное слово в. *гä-гä-гä* (Ф.И. Гордеев предполагает, что оно является «заимств. из тат. яз. – представляет усеченный вариант *гäла-гäлä-гäлä* ‘тж’» [11, с. 221]). В говорах восточного наречия появление переднерядного гласного *ä* на месте заднерядного *a* нередко встречается (чаще всего под действием регрессивной гармонии) и в русских заимствованиях: *йäишик* ‘ящик’, *äрмий* ‘армия’, *чäйник* ‘чайник’, *прäн’ик* ‘пряник’ [21, с. 56, 62, 68].

Ф.И. Гордеев с определенной долей вероятности допускает русское происхождение подзываний для гусей л. *вир-вир* («см. *ври-ври*» ... «слово для подзывания овец, ягнят») и в. *ги-ги-ги* («ср. *гик, гика* ‘крикун’, *гиги* ... ‘крик загонщиков в облаве’»), зафиксированных в единичных населенных пунктах [11, с. 110, 151, 231]. (Во втором случае также приводится параллель из эрзя-мордовского языка (*гига* ‘дикий гусь’) и высказывается версия об ономастопозитическом характере слов «в обоих языках» [11, с. 231]).

Остальные подзывные слова для гусей и гусят имеют нерусское (во всех случаях тюркское) происхождение. Междометия в. *дигäишкäй, дбгäишкäй, дашкäй* (представлено и в прилегающих к восточному наречию населенных пунктах лугового наречия), *дäишкäй, гаишкäй, гäишкäй, кашкäй, геишкäй, геишкäй-геишкäй, кеишкäй-кеишкäй, дäиштäй*, судя по ареалу их распространения и наличию соответствий в татарском языке, безусловно, являются заимствованиями из последнего, ср. тат. *дегеишки-дегеишки* [см. 22, с. 125; 23, с. 35; 9, с. 72]. Надо заметить, единицы *дигäишкäй, дбгäишкäй, дашкäй* Ф.И. Гордеев считает заимствованиями из русского языка: *дига* + ласкательный суффикс *-ика* + марийский звательный формант *-й* [11, с. 257, 263], *дигä-дигä* + суффикс *-аи*, выступающий в составе марийских антропонимов, + ласкательный формант *-кай* татарского происхождения [11, с. 228]; однако слова *геишкäй-геишкäй, кеишкäй-кеишкäй, дäиштäй-дäиштäй* определены им уже как заимствования из татарского языка [11, с. 231, 257]. К татарским источникам восходят также подзывные междометия: в. *гäр-гäр, гер-гер, гбр-гбр*, л. *гäр-гäр, гäри-гäри* («< *гäр-гäр* + зват. суф. *-и*»), ср. башк. *гер-гер* – «межд. для отгона гусей» [11, с. 226, 227, 230]; общемарийское *виви*, л., в. *биби, биви, биви-биви, вивий*, а также л. *виги-виги, вбй-вбй*, ср. тат. диал. *биби* [10, с. 216; 11, с. 100; также: 24, с. 37; 9, с. 40, 51] (в слове *виги-виги* усматривается звукопереход *в > г* «на мар. диалектной основе» [11, с. 101], а в *вбй-вбй* – присоединение вокативного форманта («< *виви* + зват. *-й*») [11, с. 206]); л., в. *гали-гали, гäля-гäля, гали-гäля*, ср. тат. *гала-гала, галь-галь* [11, с. 225].

В словарях и грамматиках (практически в марийских наречиях и их говорах) также обнаруживается значительное количество междометий, используемых для подзывания **уток и утят**. Они в целом генетически родственны, однако имеют весьма пестрый фонетический облик. Внешнее многообразие подобных возгласов обусловлено не только характерными звукоизменениями на почве марийского языка, но и их происхождением от разных форм одного и того же источника заимствования. В изучаемых словарях и грамматиках зафиксированы следующие слова для подзывания уток и утят (4 единицы, ряд с *ути-ути* имеет множество фонетических вариантов):

л. *ути-ути, ути-вуди, бутти-бутти, буди-буди, бучи-бучи, биди-биди, вуди-вуди, вуди-вуди, вуть-вуть, вуй-вуй, вуд-вуд, вучи-вучи, вучу-вучу, види-види, вить-вить, выти-выти, выди-выди, вычи-вычи, выч-выч, визи-визи; гуди-гуди; буль-буль;*

в. *ути-ути, бутти-бутти, буть-буть, бутыр-бутыр, бучи-бучи, бучыр-бучыр, вуди-вуди, вуть-вуть, вучи-вучи, вучий-вучий, вуч-вуч, вучыш-вучыш, вити-вити, вити-вит, вичыж-вичыж, вычыш-вычыш; гули-гули;*

г. *ути-ути, уть-уть, утю-утю, уть-утью, утюр-утюр, вуди-вуди;*

с.-з. *бутти-бутти, вуди-вуди.*

Ф.И. Гордеев происхождение большей части этих междометий связывает с рус. *вутья-вутья, уть-уть, утья-утья, вуть-вуть, вуди-вуди* [10, с. 234; 11, с. 178]; ср. также «*уть-уть, ути-ути* – призывная кличка уток» [14, с. 520]. Надо заметить, рус. *утка, утица* возводится к праславянскому **otь* или *oty* [16, с. 174].

Звуковые изменения, наблюдающиеся в ряде подзывных слов, в целом объяснимы. Так, развитие *в* «под влиянием огубленных гласных» в начале слова могло иметь место и в самом марийском языке, например, *вучаш* ‘ждать’, ср. морд. *учомс*, фин. *odottaa* [12, с. 149]. Вполне возможны: озвончение *д' < т'* в положении между гласными [18, с. 199]; замещения *ч < т'*, например, *пачер* ‘квартира’ < рус. *фат'еръ, вачышка* < рус. *бат'ушка* [19, с. 38–39; также 12, с. 166], *й < д'* и *й < т'* в случае л. *вуй-вуй*, например, л. *пуйто* < рус. *бутть* [19, с. 33; также 18, с. 209] (*будто < будьто* [20, с. 231]), *з < ч* в случае л. *визи-визи*, например, *изи* ‘маленький’, ср. коми *ичӧм*, удм. *ичи* [12, с. 163].

Междометия с гласными *-и* (многочисленны) и *-у* (л. *вучу-вучу*, г. *утю-утю, уть-утью*), с согласными *-ш, -ж* (в. *вучыш-вучыш, вычыш-вычыш, вичыж-вичыж*) и *-р* (в. *бутыр-бутыр, бучыр-бучыр*, г. *утюр-утюр*) в конце слова, появились, очевидно, в результате того, что их русскими источниками стали разные словообразовательные варианты – исходные «формы» множественного числа на *-и*, вокатива на *-у*, ласкательности на *-ур(а)* и *-уш(а)* [относительно *вычыш-вычыш* см. также 11, с. 218] (однако в статьях о *вичыж-вичыж* и *вучыш-вучыш*, также *вычыш-вычыш* в качестве источника *-ш, -ж* Ф.И. Гордеевым называется и «усилит.-выдел. ч-ца» *-ж, -же* [11, с. 122, 180]). Известно, что в русском языке у подзывных слов широко распространены словообразовательные варианты, связанные по происхождению с формами единственного или множественного

числа, именительного или звательного падежа, а также с уменьшительно-ласкательными формами имен существительных [см 17, с. 12–13]. В современном русском языке суффикс *-ур(а)* сохранился в составе «мертвого суффикса» *-урк(а)*, например, *дочурка, девчурка, печурка* [см. 25, с. 145], а с помощью суффикса *-уш(а)* «ласкательное значение выражается» преимущественно в собственных именах [26, с. 70; также 25, с. 144]).

Возможно, к этому же генетическому ряду относится и как бы «выбывающее» из общей системы слово «для подзывания утят» л. волж. *гуди-гуди*. В отношении его истории можно согласиться с Ф.И. Гордеевым, который здесь усматривает «переоформление *вуди-вуди*» [11, с. 244]. Действительно, на наличие соответствия *в – з* в разных марийских говорах, в том числе, судя по примерам, и в волжском («волж., уфим. *тогын* ... ‘обод’ – морк. *товын*; ... больш. диал. *сүвö* ‘кострика’ – волж. *сүгö (сүкö)*»), обращает внимание Л.П. Грузов [18, с. 219–220]. Но здесь на самом деле может иметь место переосмысление семантики идентичного возгласа для подзывания гусей, тем более *гуди-гуди* как «императивн. межд. для подзывания гусей» и как слово «для подзывания утят» зафиксировано Ф.И. Гордеевым в одной и той же местности [см. 11, с. 232, 244].

Подзывания л. *буль-буль* и в. *гули-гули*, встречающиеся в отдельных населенных пунктах, Ф.И. Гордеев также считает русскими заимствованиями: л. *буль-буль* < звукоподражание *буль-буль* («перенос семантики») < рус. *буль-буль* [10, с. 240]; при в. *гули-гули* приводится «понудительный окрик на гусей» *«гыль и гыля* курск.-орловск.» [11, с. 244].

Вокативных слов для кур и цыплят, в особенности их вариантов, выявлено в источниках относительно немного (7 единиц, в иных случаях восходящих к генетически родственным источникам):

л. *чи-чи-чи; чиви-чиви, чип-чип; вич-вич;*

в. *чи-чи-чи, т'и-т'и-т'и; т'ип-т'ип-т'ип, т'ипи-т'ипи-т'ипи; чипи-чипи, чиви-чиви; кич-кич;*

г. *ци-ци;* (килем.) *т'ип-т'ип-т'ип, т'иви-т'иви-т'иви; кыт-кыт; гыд'и-гыд'и; кыль-кыль-кыль;*

с.-з. (не зафиксированы).

Нет сомнений, л., в. *чиви-чиви*, л. *чип-чип*, в. *чипи-чипи* происходят от широко распространенного русского подзывного слова для кур *цыты-цыты, цып-цып*; ср. *цып-цып, цып-цып-цып* «возглас, которым подзывают кур» [27, с. 732], (в иллюстрации) *цыпушки-цыты* [27, с. 728, 731]. М. Фасмер относительно ряда соответствий слов *цыпленок* и *цып-цып* в славянских языках утверждает, что все они «произошли от подзывания» [16, с. 307]. Развитие в марийском языке звонкого согласного *в* на месте глухого *п* в середине слова между гласными, в том числе в русских заимствованиях, типично, например, *товар* < рус. *топор, реве* < рус. *репа* [см. 18, с. 199; 12, с. 149–150]. Также хорошо известна передача русского согласного *ц* через *ч* «в основных говорах лугового диалекта и в восточном наречии», например, *черке* < рус. *церковь, чеп* < рус. *цепь* [см. 18, с. 179; 12, с. 149–150; 19, с. 39].

Подзывания л., в. *чи-чи-чи*, в. *т'и-т'и-т'и*, г. *ци-ци*, а также в., г. *т'ип-т'ип-т'ип*, в. *т'ипи-т'ипи-т'ипи*, г. *т'иви-т'иви-т'иви* также взяты из русского языка, ср. «*ти-ти-ти*, ряз. *тибъ-тибъ*, *типъ-типъ*, призывная кличка курь» [15, с. 405], «*ти-ти-ти* – возглас для подманивания цыплят, кур» [28, с. 474]. Как видно, вариант л., в. *чи-чи* появился в результате замены русского согласного *т'* палатальным *ч* (*чи-чи* < рус. *ти-ти*), достаточно характерной для соответствующих марийских наречий, например, *четрач* < рус. *тетрадь*, *чоска* < рус. *тёзка* [18, с. 216; 12, с. 181; 19, с. 38]. Также имеются примеры прямой передачи русского согласного *т'* согласным *ц* в горном наречии: *т'аж*, *т'аж*, *цаж*, *цаж* (ср. л., в. *чаж*) < рус. *тяж* [19, с. 119], также ср. с.-з. *цыжолка* 'кафтан' < рус. *тяжелко*.

Междометие г. *кыль-кыль-кыль*, возможно, одного происхождения с подзывным словом для голубей *гуль-гуль-гуль*, вошедшим из русского языка (см. ниже). Замена *к* < *г* вполне свойственна марийскому языку, например: г. *кориок* < рус. *горшок*, г. *куверн'а* < рус. *губерния* [19, с. 44, 93, 94]. Как и в случае г. *гый-гый*, в середине слова произошла редукция *ы* < *у*, вероятно, ввиду того что подобные многократно повторяющиеся слова, как правило, произносятся очень быстро, без особого выделения ударных звуков.

Ф.И. Гордеев этимологию междометия для зова цыплят г. *гыди-гыди* (зафиксировано в дер. Яштуга) объясняет в связи с призывными словами для гусей л. *гиди-гиди*, *гид-гид*, *гуди-гуди*, *гыди-гыди*, образованными, по его мнению, в результате перестановки слогов от *диги* [11, с. 248, 232; см. выше]. Однако, исходя из материалов горного же наречия по подзывным словам для гусей, можно допустить, что г. *гыди-гыди* представляет собой как бы промежуточное звено в звуковом развитии г. *гый-гый* из русского подзывного слова для гусей *гути-гути*: *гут'и-гут'и* > *гуд'и-гуд'и* (озвончение *т'* в интервокальном положении) > *гид'и-гид'и* (редукция рус. *у* > мар. *ы* в предударном слоге) (см. выше).

Подзывное слово л. *вич-вич* (зафиксировано в дер. Большая Сосновка Волжского района) Ф.И. Гордеев соотносит с вокативными словами для гусей и гусят *види-види* и для уток и утят *буди-буди* (и др.). Происхождение последних возводится к русским междометиям для призыва уток и утят *вутья-вутья*, *утья-утья* [11, с. 119, 101; 10, с. 234]. Очевидно, это вполне приемлемо, так как для подзывания (как и для отгона; см. ниже) разных птиц нередко используются одни и те же междометия.

Появление слов для подзывания цыплят г. *кыт-кыт*, в. малм. *кич-кич* очевидно, связано с тюркскими источниками, ср. чув. *кйт-кйт* – подражание призывному квохтанью курицы [29, с. 164], тат. *кыт-кытыйк* – звукоподражание кудахтанью курицы [22, с. 316]. Развитие аффрикаты *ч* из *т* (в случае *кич-кич*) в истории марийского языка известно, например, *тич* 'полный', ср. фин. *täyte-*, хант. *tét*; *вич*, ср. фин. *viti*, венг. *öt* [12, с. 166], также ср. г. *кйтыйк* 'короткий' – в. малм. *күчүк* 'тж'; г. *витä* 'хлев' – в. малм. *вичä* 'тж' [см. 18, с. 177].

В источниках зафиксированы следующие подзывные слова для голубей:

л., г. *гуль-гуль*, *гули-гули*; в. *гёл-гёл*, *гёр-гёр*. Немногочисленность таких

междометий, по-видимому, объясняется тем, что голуби не являются домашними птицами и в сельской местности встречаются весьма редко, поэтому нет особой необходимости обращаться к ним.

Варианты *гуль-гуль*, *гули-гули*, безусловно, представляют собой русские заимствования (< рус. *гуль-гуль*, *гулю-гулю*) [11, с. 244], ср. также *гуль-гуль*, *гуля-гуля* «звуки, издаваемые для приманивания голубей» [30, с. 478], *гули*, также *гуль* «возглас, которым приманивают голубей» [31, с. 145]. В русском языке *гуля* ‘голубь’ и подзывание *гуль-гуль*, по мнению М. Фасмера, имеют звукоподражательное происхождение [20, с. 473; см. также 14, с. 406].

Междометия в. *гӧл-гӧл*, *гӧр-гӧр* вошли из татарского языка, ср. тат. «*гӧл-гӧл* (< русск. *гуль-гуль*)», *гӧр-гӧр* [11, с. 239, 249–250].

Для отгона, отпугивания птиц (кур и цыплят, уток и утят, гусей и гусят, голубей и вообще птиц) в марийских диалектах используются в целом одни и те же возгласы. Их немного (выявлено 3 единицы с вариантами):

- л. *кӱш*, (для отгона гусей) *гӱж-ж*; (для отгона уток) *бӱш-бӱш*;
- в. *кӱш*, *гӱш-гӱш*, *гӧш*; *гӱр*;
- г. *кӱш*, *бӱш*;
- с.-з. (не зафиксированы).

Междометие в., л. *кӱш*, в. *гӱш-гӱш*, *гӧш*, л. *гӱж-ж* Ф.И. Гордеев отмечает как заимствование из татарского языка, при этом проводит параллель с тат. «*кӧш-кӧш* ‘кыш-кыш’ (возглас, которым отгоняют птиц)», «башк. *гӧш-гӧш*» (возглас, которым отгоняют птиц) [11, с. 246, 248]; ср. также чув. *кӱш* ‘кш, кыш’ [29, с.165]. Происхождение тюркских единиц он связывает с рус. *киш*, *кыш* – «межд. для отогнания с места или прогнания откуда-н. овец, кошек, особенно птиц» [11, с. 239–240]. Однако некоторые тюркологи к тюркским междометиям для отгона домашних птиц (например, тат. *кеш-кеш*, *кӧш-кӧш*, *кӧшэ*, тат. диал. *кшя*, *кшья*, *кыш*, чув. *кӱш*, *кша*, *каша*, *кшуй*, *ки*) возводят общепонятный термин для обозначения птицы (например, тат. *кош* ‘птица’, чув. *кӱшӱк* < междометие *куш* + уменьшительный аффикс -*ӱк*), являющийся одним «из древнейших наименований, употребляемых во многих тюркских языках» [см. 32, с. 62]. С другой стороны, в русских словарях представлены такие варианты крика для пуганья и отгона птиц, как «*киш*, *кишишь* юж. ‘кишь’» [33, с. 230], *киш*, *ки*, *кыш* [34, с. 981]. М. Фасмер при русском междометии *киш* дает соответствия из литовского и латышского языков (балтийских языков, самых близких славянским), также используемые «при распугивании кур и птиц» [35, с. 242, также 440, 441]. Поэтому в данном случае однозначное утверждение только о татарском заимствовании не без основания вызывает сомнение. Вполне возможно, что часть вышеприведенных марийских возгласов (г. *кӱш*, *бӱш*; л., в. *кӱш*) проникла непосредственно из русского языка. Тем более имеются примеры передачи русского гласного *и* гласным *ӱ* в горном наречии (*кӱшӱл* < рус. *кисель*), появления редуцированного или другого гласного, а также выпадения одного из звуков при стечении согласных, прежде всего в начале слова [см. 18, с. 226; 12,

с.185; 19, с. 50], исторической лабиализации в сочетании с «новообразованным» согласным *ш* (л. *нүйшталаш* ‘сморкаться’, ср. фин. *niistää*; *күйшталш* ‘велеть’, ср. фин. *käskeä*; также: *көстөн* < рус. *кистень*) [12, с. 124; 18, с. 130].

Слово для отгона уток л. *быш-быш* (зафиксировано в дер. Мари-Луговая Звениговского района) сравнивается Ф.И. Гордеевым с «башк. *быш-быш*, тат. *пыш-пыш*» – подражанием шепоту [10, с. 255].

Окрик в. *гүр*, которым «загоняют кур в курятник», скорее всего, одного происхождения с междометиями для подзывания гусей в. *гәр-гәр*, *гер-гер*, *гёр-гёр*, которые Ф.И. Гордеев сравнивает с башк. *гер-гер* – «межд. для отгона гусей» [11, с. 226, 227, 230; см выше].

Таким образом, в марийском языке, в его наречиях и говорах, представлено немало императивных слов и их фонетических вариантов для зова и отгона птиц – гусей и гусят, уток и утят, кур и цыплят, а также голубей. Наиболее многочисленными (в немалой степени за счет вариативности) являются ряды вокативных междометий, обращенных к домашним птицам. На формирование изучаемой системы лексических средств существенное влияние оказал русский язык. Из него заимствованы: все 4 подзывания для уток и утят, 6 – для гусей и гусят (из 10 выявленных единиц), 6 – для кур и цыплят (из 7 единиц), 1 – для голубей (из 3 единиц) и, возможно, 1 слово для отгона птиц (из 3 единиц). В целом, из 24 междометий для зова и отгона птиц, зафиксированных в источниках, из русского языка вошло 17 единиц (или 70,8 %).

СОКРАЩЕНИЯ

- башк. – башкирский язык
- в. – восточное наречие марийского языка
- венг. – венгерский язык
- волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка
- г. – горное наречие марийского языка
- диал. – диалектный
- килем. – килемарский говор лугового наречия марийского языка
- л. – луговое наречие марийского языка
- малм. – малмыжский говор восточного наречия марийского языка
- мар. – марийский язык
- морд. – мордовские языки
- рус. – русский язык
- с.-з. – северо-западное наречие марийского языка
- тат. – татарский язык
- удм. – удмуртский языка
- фин. – финский язык
- хант. – хантыйский язык
- чув. – чувашский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.
2. *Коведяева Е.И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. С. 3–96.
3. *Учаев З.В.* Марий йылме: факультативный занятияым эртарыме учебный пособий. Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.
4. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca seremissica*. Т. V. – Savariae, 2002. 292 с.
5. *Мустаев Е.Н.* Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учеб. пособие. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 396 с.
6. Словарь марийского языка: в 10 т. – Йошкар-Ола, 1990–2005.
7. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.
8. *Beke Ödön.* Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Т. I – IX. – Savariae, 1997–2001.
9. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.
10. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.
11. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 288 с.
12. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 211 с.
13. *Кузнецова М.Н.* Названия диких и домашних животных в марийском языке / Мар. гос. ун-т; М.Н. Кузнецова. – Йошкар-Ола, 2010. 316 с.
14. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I: А–З. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 699 с.
15. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV: Р–V. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 683 с.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т–Ящур / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – М., 1987. 864 с.
17. *Кандакова Е.Н.* Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (на примере ярославских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003 // www.twirpx.com/file/1347868
18. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.
19. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Д / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. 576 с.
21. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий: университеттесе студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1981. 98 с.
22. Татарско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл. 1966. 863 с.
23. *Илиева А.А.* Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т; А.А. Илиева. – Йошкар-Ола, 2009. 160 с.

24. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. II: Словарь татарских и башкирских заимствований. – Йошкар-Ола, 1994. 208 с.
25. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.–Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
26. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
27. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. XVII: X–Я. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 2126 с.
28. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. XV: Т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 с.
29. Чувашско-русский словарь / Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др.; под ред. М.И. Скворцова; 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985. 712 с.
30. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. III: Г–Е. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 1339 с.
31. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. 960 с.
32. *Сафина Э.И.* Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005 // <http://www.dslib.net/jazyki-rosii/nazvanija-ptic-v-tatarskom-jazyke-i-ih-leksikografirovanie.html>
33. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. II: И–О. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 779 с.
34. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. V: И–К. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1918 с.
35. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2: Е–Муж / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. 671 с.

Serafima Sibatrova

**THE COMPLETION OF THE COMPOSITION
OF THE MARI INTERJECTIONS ADDRESSED
TO THE BIRDS DUE TO THE RUSSIAN BORROWINGS**

The article discusses the origin of the Mari words for calling and distillation birds as tokens that make up subgroup of imperative interjections addressed to animals. Special attention is removed Russian loanwords, placing them among the units of this subject. According to the dictionaries materials and works on grammar, in the Mari dialects there are many words and their phonetic variants for the call, also repelling birds, such as geese and goslings, ducks and ducklings, hens and chickens and pigeons. The series vocative interjections, addressed to home birds are the most numerous. Russian language heavily influenced on the formation of the system of studying lexical means. From it borrowed: all 4 words for recruitment ducks and ducklings, 6 – for geese and goslings (from 10 identified units), 6 – hens and chickens (from 7 units), 1 for pigeons (from 3 units) and maybe 1 word to flush birds (from 3 units). Overall, to call and flush birds included 17 units (or 70.8 per cent) from the 24 recorded interjections from the Russian language.

Keywords: *Mari language, interjections, words of calling and distillation birds, Russian borrowings.*

Ольга Зиявадинова
Сыктывкар

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ПРИРОДЫ В КОМИ ПОЭЗИИ (конец XIX – первая треть XX вв.)

Аннотация: В статье рассмотрены основные мировоззренческие аспекты воплощения темы взаимоотношений природы и человека в творчестве И. Куратова, В. Савина, В. Чисталева, В. Лыткина, А. Размыслова, заложивших основы изображения природы в коми поэзии. В статье рассматривается творчество поэтов, которые воплотили традиции в развитии художественного изображения природы, заложили основы разнообразных форм ее описания.

Ключевые слова: человек, природа, коми поэзия, поэтика природоописаний.

В данной статье анализируется творчество поэтов, которые дали начало литературной традиции в развитии художественного изображения темы природы, заложили основы разнообразных форм ее описаний. Выделив творчество И.А. Куратова, В.А. Савина, В.Т. Чисталева, В.И. Лыткина, А.П. Размыслова, мы можем осветить широкий спектр философско-эстетических идей и художественных особенностей воплощения темы, характерный для коми литературы данного периода, представить систему идей, связанных с пониманием человека и природы в произведениях коми поэтов, выявить типологию образов природы, специфику образного мышления, отраженную в поэтике природоописаний.

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) – поэт-философ, проявлял глубокий интерес к вопросам о смысле жизни, сущности человека, а также о его отношении к природе. В.Н. Демин писал, что И. Куратов был знаком с экономическими теориями П. Прудона, Дж. Милля, с произведениями В. Гюго, Г. Гейне, Ф. Шиллера и английских философов [1, с. 27]. Это свидетельствует об осведомленности коми лирики в новейших веяниях в области естественных наук и философии, мировой культуры и поэзии. Как поэт И. Куратов формировался под воздействием русской и мировой культуры, в которой был выражен философский взгляд на мир, и это усилило его стремление к философским обобщениям. Он, в целом, не был поэтом натурфилософского склада мышления, но его понимание мира включало в себя натурфилософский аспект как один из важнейших аспектов его индивидуальной мировоззренческой системы.

Рассмотрим отражение в лирике натурфилософских представлений автора. Поэт пытался философски осмыслить феномен природы, проникнуть в тайны ее устройства. Об этом свидетельствует его стихотворение «Со кызд сійос тōда ме» («Знаю я ее такой», 1867). Что дает нам основание говорить о форме художественно-философского осмысления природы? Во-первых, это форма произведения, представляющая собой размышление о природе, целью которого является открытие закономерностей ее устройства. Во-вторых, интеллектуально-аналитическая направленность мысли, использование системы философских понятий (материя, движение, конечность, бесконечность, жизнь, смерть), что, в конечном счете, создает философски осознаваемую картину мира.

Осмысление природных явлений привело И.А. Куратова к выводу, что природа вечна и бесконечна. Автор не стремился идеализировать природу, показать в ней то, что хотелось бы ему видеть – мир и любовь к человеку, он открывал реальную природу, «остро ощущая холодное безразличие ее к людям»; поэта потрясает ее «суровое безразличие ко всему живому, отсутствие у нее нравственного начала, бесчувственность к добру и злу» [2, с. 57]:

<i>... И кор войны сы водзын</i>	...И когда тонуть пред ней
<i>Пондан – вой, оз мездыв!</i>	Будешь – тони, не спасет!
<i>Коть тэ кызди кевмысь сэн,</i>	Хоть как ты молишь там,
<i>Коть тэ кызди чездыв!</i>	Хоть как ни старайся! *

(здесь и далее в случаях отсутствия фамилии переводчика перевод подстрочный наш – О.З.).

Поэт пытается определить место человека в мире, природа представляется автором как живое, бесконечное, величественное начало, она «вознесена над людьми и холодна в своем недоступном человеку бессмертии» [2, с. 57]. Человек понимается им как маленькая частица большого мира, вселенной, он бессилен перед силами природы, зависит от нее. Поэт философски осмысляет проблему разлада человека с природой: причина его заключается, по И.А. Куратову, в том, что живая индивидуальность оказывается чуждой обезличенному потоку жизни. Кроме того, природа долговечна, а существование человека скоротечно, и это определяет различие закономерностей жизни природной и человеческой. Окружающий мир, по мнению автора, не может сделать жизнь человека прочной и счастливой. Поэт замечает, что в природе осуществляется гармония вечности и цельности, но ей не хватает важного, завершающего элемента – человеческой чуткости, способности к состраданию. Это – трагическое понимание природы, которое было продиктовано острым осознанием неустроенности человека в мире, поэтому его можно определить как социально-философское истолкование отношений человека и естественной среды. В данном стихотворении воплощена тема равнодушия природы к человеку, ее ужасающего безразличия к его жизни и смерти: мир природы с ее совершенной отрешенностью от человека представляется для мысли и чувства притягательной и мучительной загадкой, и чем трагичнее и темнее жизнь, тем

мучительнее эта загадка. Это тема несопричастности человеческой гармонии природной. Природа не постигает человека, не видя его, уничтожает, как и все остальное, в свой час. Человек, таким образом, обречен на муки разлада с природой; он, устремляясь к миру красоты от зла и дисгармонии собственного мира, увы, не обретает в слиянии с ней ожидаемого спасения, исцеления, разочарование и горечь от осознания страшной разобщенности природы и человека неизбежны. Взаимоотношения человека и природы в художественном мире И.А. Куратова напряженно-драматические: мир природного бытия равнодушен к человеку; несопричастность природного мира человеческому является наиболее драматическим узлом в его натурфилософской лирике.

Накануне смерти поэт пишет стихотворение «Важся коми войтырлõн кодралõм» («Поминки у древнего народа коми», 1875). А.К. Микушев отметил, что это своего рода «райская» утопия. Она основана на древних верованиях и легендах коми народа, на его поэзии и обрядах [3, с. 25]. Лирический герой произведения рассуждает о легендарной земле, где человек и природа пребывают в гармоническом нерасторжимом единстве. Страдальца после смерти ждет новая жизнь, воплощенная в прекрасной природе: «там текут реки, поднимаются травы, сияет солнце, блещут молнии и небо синее в вышине», кроме того, в новом краю ждут «отзывчивые, добрые, просветленные люди» [3, с. 25]:

<i>Та кодъ турун, пұяс,</i>	Там тоже и реки, и травы,
<i>Шонді, чардби, юяс.</i>	И солнце, и дождь, и дубрава,
<i>Енвевт сідз жсӧ лӧз,</i>	Лишь небо сияет светлей.
<i>Сӧмын бурджык йӧз.</i>	Да люди добрей и милей.

(Пер. С. Северцева)

По мнению И.А. Куратова, в ином мире осуществляются идеальные отношения между людьми, о которых он мечтал всю жизнь, исчезнут жестокость, злоба, равнодушие, природа даст человеку счастье. Таким образом, картина рая свидетельствует о стремлении коми автора к идеалу, который он видел в гармонии между людьми, в гармонии между человеком и окружающей средой.

Особое место в художественном мире лирика занимает образ солнца – *шондібан*, солнечный свет, источник формирования и эволюции жизни на земле, существования человека и общества. Символика солнечного света широко используется в его художественном творчестве. «Светлое солнце и шиповый цвет составляют постоянные и роскошнейшие краски зырянской поэзии» [4, с. 44], – писал И. Куратов в заметках о коми устной поэзии. Поэт не рассматривает солнечный свет как символ красоты, предмет восхищения и радости, хотя эстетическое воздействие света на человека является одной из важнейших проблем эстетики. На первое место он ставит предназначение света как источника жизни («Шонді йылысь» / «О солнце», 1867). У коми-зырян следы обожествления солнца не прослеживаются, в то же время его антропоморфизация в традиционном мировоззрении выявлена достаточно

четко. Ю.Г. Рочев напоминает о непосредственном обращении к солнцу в детских закличках: *Югыд шонді, шоныдсö öдйöджык вай!* [5, с. 91] ‘Светлое солнце, тепло скорее принеси’. Необходимо заметить, что И.А. Куратов осмысляет образ солнца на разных уровнях. Во-первых, ему присуща социальная трактовка образа света. Тенденции подобного изображения ощущаются в стихотворении «Шонді йылысь», которое начинается с обращения к солнцу:

<i>Шондібаной! Горны-кодзны,</i>	Солнышко! С тобой нам нужно
<i>Нянь воодны, госсö вочны.</i>	И пахать и сеять дружно,
<i>Коло на тай мянлы...</i>	Чтоб земля была щедрей...
<i>Югйышитлы тэ, шонтышитлы!..</i>	Посвети еще! Пригрей!

(Пер. Б. Иринина)

Произведение вводит нас в круг забот крестьянина: на севере солнце светит редко, нет хорошей земли и урожая. Солнце как персонаж в данном случае – деталь скорее земная, чем небесная, речь о нем идет не в возвышенных тонах, оно воспринимается как обыденное явление. Во-вторых, образ солнца несет на себе символическую нагрузку. В произведениях «Том ныв» («Молодая девушка»), «Шонді садьмас, шонді чеччас» («Солнце проснется, солнце встанет»), «Пемыд» («Тьма») светлое солнце противопоставлено мраку, тлену, оно является символом свободы, наступления новой жизни:

<i>Петас, вокьяс, шонді – й тан!</i>	Братья! Солнцу быть и здесь.
<i>Ме нин аддза – роммо ылын...</i>	Я уж вижу – вон светает.
<i>И енвевтса лысваыс</i>	И небесная роса
<i>Югйышитас сэк шонді ылын!</i>	Вновь на солнце засверкает!

(Пер. А. Смольникова)

В художественном мире коми поэта почти нет «лунарных» картин. Этот поэтический образ в повествовании автора невыразителен, и, по всей видимости, намеренно. И.А. Куратов на первом плане изображает земную жизнь, он стремится охватить мир в целом, поэтому связывает с образом солнца деятельное начало, солнце, солнечный свет воспринимаются им как один из важнейших элементов жизни.

В центре поэмы «Ягморт» («Лесной человек», 1870–1873) – размышления о национальном феномене Ягморте, который «олицетворяет своеобразие и противоречия народного характера» [1, с. 50]. В основу произведения положена легенда о лесном богатыре, враждебно настроенном к людям и причиняющем им много неприятностей [1, с. 50]. Обращение к легенде создает условия для особого созерцания действительности, позволяет подняться над временем, перенестись в историческое прошлое. И.А. Куратов повествует о великом переселении народов, когда коми обосновались на берегах Печоры, Вычегды, Сысолы. Экскурс в историю помогает раскрыть особенности характера коми, «которые отличались воинственностью, жестокостью, но здесь присмирели» [1, с. 50]:

*... Войвьёлё. И войвьылыс
Регьд русё налысь вежис.
Регьд вир тан дэбаліс,
Этша вывті нин – и понмысь
Лоис кукань, пöчö – зонмысь...*

... Ближе к северу
Кровь, кипевшая когда-то,
Стала стыть, подобно людям:
У собак – телячий нюх,
У парней – сердца старух...

(Пер. С. Сорина)

Поэт описывает, что все живое – северные леса, звери, природа – погружено в сон, который символизирует покорность коми народа. И. Куратов, безусловно, придерживается распространенного мнения о воздействии природы на характер человека. Например, в статьях Н.М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» (1802) и «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре» (1803), В.Г.Белинского «Сочинения Державина» (1843) и «Русская литература в 1841 году» высказывается мысль о влиянии природы на национальный характер. П.А. Вяземский в путевых заметках «Путешествие на восток» (1849–1850) связывает облик турецкой природы, красочной, кричащей и чрезмерно «материальной», с определенными аналогичными свойствами мусульманской религии. Мысль о природе как факторе формирования национального менталитета является одной из центральных в книге В.П. Боткина «Письма об Испании» (1857), в цикле очерков В.И. Немировича-Данченко «По Волге» (1877) и др. Позже этот взгляд найдет отражение в концепции коми философа, писателя К. Жакова и всемирно известного ученого-социолога П. Сорокина.

Описания природы в поэме И.А. Куратова построены по принципу реалистического изображения: привычные для коми края «говорящие» признаки (тайга, лютый мороз, который сковал все живое) объединяются в поток достоверности, укрепляющий образ. Обычной детали иногда достаточно, чтобы возникла цельная картина – снежная, холодная зима в коми крае, всюду застывшие на морозе ели и на фоне этого общий вид деревеньки. Поэт выделяет наиболее выразительные штрихи: погода соотносится с урожаем, рыбной ловлей, почва не кормит человека, колючий порошащий снег создает препятствия бегущей лошади и т. д.

И.А. Куратов являлся художником философского масштаба, решавшим проблемы бытийного значения, взаимоотношений человека и природы. Тема природы в произведениях коми автора достаточно актуальна, так как в них воссоздается уклад жизни, не просто связанный с окружающей средой, но и определяемый ею.

Вениамин Тимофеевич Чисталев (1890–1939) – автор широко известных стихотворений о природе: «Арьявыв» («К осени», 1921), «Кайла, видзöдла» («Поднимусь, взгляну», 1921), «Гожся лунö» («Летним днем», 1922), «Гожöм пом» («Конец лета», 1922), «Тувсовъя» («Весеннее», 1922), «Ывлавыв» («Природа», 1922), «Тувсов войясын» («Весенними ночами», 1923), «Ар» («Осень», 1924), «Югьд тöлысь» («Светлая ночь», 1925). Тема человека и природы – одна из главных в творчестве поэта, которого принято считать

основоположником национального пейзажа. Особое место в коми поэзии 20-х годов XX в. занимают пейзажные миниатюры В. Чисталева. В. Савин писал, что их называли шедеврами [6, с.163].

Особенностью поэзии В. Чисталева является то, что тема природы тесно связана с темой творчества, последнее осмыслено в сопоставлении бытия природы и жизни человека. Окружающий человека мир рассматривается автором как источник вдохновения. Природа и человек, по мнению лирика, – два активных начала, в общении с естественной средой человек познает самого себя. Подобную зависимость поэт обнаруживает в собственной творческой биографии, что отражено в стихотворении «Поэзия артмём» («Рождение поэзии», 1923). Неслучайно в одном из своих ранних сборников оно помещено в разделе «Водзкыв пыдди» («Вместо предисловия») и является своеобразным эпиграфом ко всему творчеству:

<i>Ог тӧд, кодӧ менӧ чужтліс,</i>	Кто родил меня – не знаю,
<i>Кодӧ быдтіс, вердіс-удіс,</i>	Кто вырастил, выкормил,
<i>Съывны-мойдны йӧзсӧ лӧдзліс...</i>	Вдохновил на песни о народе...
<i>Гашкӧ, лӧзов чӧд тусь пыын</i>	Может, среди черничных ягод
<i>Быдми меӧй вӧр туй дорын,</i>	Вырос я около лесной дороги
<i>Да ӧктіс кудьяс ветлысь-мунысь.</i>	И собрал меня в пестер прохожий.
<i>Гашкӧ, вӧр ты пыдӧс ваыс</i>	Может, вода со дна лесного озера
<i>Вӧлі меным пӧтан пыдди,</i>	Была мне вместо люльки,
<i>Чож-поткаыс ӧвӧ съывліс.</i>	Пела мне песни лесная птица.
<i>Гашкӧ, вӧлі лоня вӧрыс...</i>	Может, лес был тихий...
<i>Меным висытьяс йӧлӧгаӧ</i>	Мне рассказы эхом
<i>Тӧлысь югӧр чукӧрталіс.</i>	Доносил блик луны...

Лирический герой В.Т. Чисталева чувствует себя частью природы, он обязан ей своим поэтическим талантом. Композиционно стихотворение состоит из двух частей, вторая часть – пейзажная. В ней вырисовывается целостный образ окружающего мира, описание построено на перечислении конкретных мотивов и образов из естественной среды. В стихотворении постепенно возникают реалии, представляющие четыре мировые стихии: земля (черничные ягоды, лесная дорога), вода (лесное озеро), воздух (эхо), огонь (свет луны). Время действия данного стихотворения – вечность природного бытия, его пространство – весь мир. Мировые стихии, несмотря на различные функции, связаны с философскими понятиями – любовью, творческим началом в человеке. В содержательном плане стихотворение строится на оппозиции «верх» – «низ», однако у коми поэта эти понятия не столько противопоставлены, сколько связываются; природный мир распахивается для лирического героя, раскрывается для его поэтического дарования по вертикали и горизонтали.

О значимости природы, ее величии и зависимости от нее человека, многосторонности чувственных связей с окружающим миром В.Т. Чисталев размышляет в автобиографическом рассказе «Миян нэмӧ (Менам олом)» («В наш век (Моя жизнь)», 1927). Он пишет: ...*Сэк ар 4–5 кымын вовсьома.*

*Волі тулыс. Лым сылома нин. Ытва дыр... Чеччи ме сійо асылас водз, быдон на узыоны волі. Чеччи да муні яг выло. Пукала кер вылын да нимкодяся гажя ывланас. Аслым зэв долыд. Эжва ойдома – море кодъ лоз. Уткаяс ва вылын уялоны да гетиконы... Модарын, ягын посни лэбачъяс дзользыоны-сьылоны. Кысько зэв ылысь, Эжва сай ягсьыс кыло таръяслон койтом: «трррр-кррр...» Увтасын кок коко... Тайо гажя тувсов асылыслон серпасыс меным зэв чорыда пуксьома юро, онодз на пыр син водзын, пель дорын став шыыс кыло ‘Лет 4–5 было. Была весна. Снег уже растаял. Время половодья. Проснулся я в то утро рано, когда все еще спали. Пошел в лес. Сажу на полянке и люблюсь природой. Самому так хорошо, радостно. Вычегда похожа на море. На ней плавают утки. В лесу щебечут, поют маленькие птички. Откуда-то издалека, в бору из-за Вычегды, доносится токование тетеревов: «трррр-кррр...». В низине кукует кукушка... Эта веселая картинка весеннего утра крепко засела в моей голове, до сих пор она перед глазами, слышатся все ее звуки...’ Здесь же поэт говорит о своих симпатиях как читателя: *Лыдди ме школа библиотекасыс унджык книгаё, дугдывтөг вөлі лыддыся коть мукөдсө и сьёкыда гөгөрвоа да. Медся ена вөлі радейта лыддыны крестьянин удж йылысь да ывла выв йылысь гижём книгаяс...* ‘Прочитал я в школьной библиотеке большинство книг. Читаю, бывало, без конца, хотя некоторые с трудом понимал. Больше всего нравилось читать мне книги о крестьянском труде и о природе’.*

В.Т. Чисталев, подобно русским педагогам Н.Г. Чернышевскому, Н.Д. Ушинскому, В.А. Сухомлинскому, был просветителем. Думается, это была мощная единая тенденция в культуре России. Идея просвещения впервые возникла у В. Чисталева в 1908 г., когда он находился в Усть-Сысольске и узнал о попытке профессора К.Ф. Жакова издавать газету на коми языке. В 1908 г. поэт устраивается работать учителем в начальную школу в село Пожег, обучает детей на родном языке. Наряду с творческой работой он пишет книги на коми языке, стихотворения о природе, которые оценивал как средство воспитания детей. Автор старался привить своими книгами интерес и любовь к окружающей природе, бережное отношение к ней. Вместе с учащимися он организовал школьный музей, где хранились собранные детьми экспонаты, характеризующие природу и быт села. В школе руководил литкружком, совместно с кружковцами издавал рукописный журнал «Подув вөр» («Молодая порось»), а в сельском клубе при его активном участии выходила стенгазета «Ытва» («Половодье»). В.Т. Чисталев активно занимался общественными делами, организовывал субботники, с детьми и односельчанами сажал деревья.

В 1921 г. поэт создает стихотворение «Чукөстчөм» («Призыв»), посвященное Первому съезду учителей, несущих в народ свет знаний. В данном произведении осмысливается проблема воспитания чувства природы в процессе школьного обучения; его беспокоила мысль о том, что с развитием промышленности погибнут леса, исчезнет красота родных просторов:

<i>Геждодмас-шочаммас вөрьяс;</i>	Поредеют леса;
<i>Кушмалас пармаяс, ягьяс;</i>	Будут вырублены чаща и бор;
<i>Гудыртчас, нййтчалас юяс;</i>	Помутнеют, загрязнятся реки;
<i>Синва кодь сётём ва пемдас.</i>	Вода, прозрачной слезы, потемнеет.
<i>Лёнъ гажыс бырö,</i>	Исчезнет тихая радость,
<i>Важ съылём кусас,</i>	Погаснет старинная песня,
<i>Чужан кыв</i>	Родная речь
<i>Мисьтёммас, торксяс.</i>	Засорится, потеряет красоту.

В. Чисталев призывает к сохранению основанного на историческом опыте представления о гармоничном соотношении двух основных величин на земле – природы и человека, говорит о необходимости беречь окружающую природу молодому поколению. Забота о природе связана у него с мечтами о будущем: земля, дающая радость и счастье человеку, должна сохранить свою красоту для последующих поколений.

В 1923 г. поэт пишет стихотворение «Веж, гажа лун» («Светлый, веселый день») – гимн детям, где призывает воспитывать бережное отношение к природе с детских лет. В стихотворении «Ывлавыв» («Природа»), жанр которого сам лирик определил как восхваление, выражено восхищение беспредельными просторами северной природы. Зачином произведения является мысль о диалектическом противоречии: человек захвачен красотой познания мира и вместе с тем осознает свою беспомощность перед вселенной, космосом. Природа, на взгляд автора, – величественное начало, нечто чудное, сокровенное, она обладает неразгаданной самостоятельной сущностью; соответственно, человек понимается как маленькая частица большого, прекрасного, гармонического целого. Лирический герой рефлектирует по поводу своей связи с космосом, пытается определить свое место и предназначение в нем, оценивает свою жизнь с точки зрения вечного и бесконечного Бытия, Космоса, Вселенной:

<i>Ог, ог лысьт ме, ичöтиктор тэнад,</i>	Нет, нет не смею я, твоя частичка,
<i>Мувыкса лов кутысь, шыасьны.</i>	Земную жизнь творящий, подать голос.
<i>Сöмын нö шемöсöн коля тэ</i>	Только, потрясенный, остаюсь
<i>водзын сулалан.</i>	стоящим перед тобой...

(Пер. В.Н. Демина)

Для большинства поэтических произведений автора характерно неторопливое воссоздание целой картины, постепенно складывающейся из тщательно воспроизведенных деталей. Поэт шел от точной фиксации мельчайших подробностей из окружающего мира: хлопотливый воробей строит гнездо, звонкая весенняя капля нарушает тишину, снег оседает и темнеет, бегут ручейки, ярко зеленеют луга, приближается весна, на деревьях распускается нежная зеленая листва, лирический герой видит и слышит, как шумят весной ручьи, как поют прилетевшие птицы («Тувсовья» / «Весеннее»). Автор описывает процессы оживания природы под животворящими лучами

весеннего солнца, расцвета и созревания растительности. Необходимо заметить, что один из самых распространенных мотивов в пейзажах поэта – жизнь как смена форм и ситуаций, смена времен года и типа поведения «персонажей» из мира природы или перемены в их состоянии и поведении. В этом плане важным элементом в общем портрете природы воспринимается, например, такой «пустяк» для человека, но не для птицы, как строительство гнезда («Пышкой» / «Воробей», 1921). Коми лирик находит в этом ценность: подобные мелочи свидетельствуют, что жизнь продолжается, птицы заняты делом – живут, растут, заботятся, чтобы поддерживать и осуществлять вечный процесс развития, обновления. Размышление о родственном внимании ко всему живому на земле, таким образом, является составной частью философского понимания единства человека и природы.

В стихотворениях есть зарисовки видов природы, воплощающие аспекты экономической, сельскохозяйственной деятельности людей, т. е. произведения с социальным планом изображения. Мотив весны прочно ассоциируется с надеждой и счастьем, лирический герой чутко прислушивается к шороху молодой листвы, любителю зеленеющим лесом («Тувсовья» / «Весеннее», «Тувсов войясын» / «Весенними ночами»). Мотив лета связан с занятиями героев: лето – пора сенокоса. В стихотворении «Кайла, видзодла» («Поднимусь, взгляну») повествуется об окончании тяжелой крестьянской страды, описывается процесс расчищения человеком леса, целью которого является отвоевание пространства для земледелия. Позиция поэта во взгляде на отношения человека и окружающей среды изменилась, т. к. в этот исторический момент в общественном сознании укреплялись идеи природоборчества – преобразования природного облика страны, укрепления мощи человека достижениями науки и техники. В данной позиции главное – возвышение роли человека в земной цивилизации: человек оценивается как движитель жизни, а природа – как косная среда, препятствующая развитию.

Таким образом, тема взаимоотношений человека и природы в творчестве В.Т. Чисталева осознавалась как фундаментальная, стержневая и развивалась по нескольким узловым аспектам:

- философскому: природа истолковывалась автором как уникальная целостность, как величественное, сокровенное начало, прекрасное гармоничное целое, составной частью которого является человек; она понимается как важнейшая часть мироздания, как неременная составляющая бытия человека;
- социальному: задачей виделось или лучшее приспособление к естественной среде для улучшения условий жизни, преобразования природного облика страны, укрепления мощи человека достижениями науки и техники, или замена ее «второй» природой, т. е. созданной руками человека;
- просветительскому: автор говорил о целенаправленном воспитании в детях чувства природы, бережного отношения к окружающей среде. Книжки, учебники, которые В. Чисталев писал на коми языке, выполняли задачу

популяризации знаний о естественном мире и, что важно в русле наших рассуждений, воспитывали в детях, в читателе уважение к живому;

– художественному: поэт обогатил природоописания живописностью, необычайной красотой и поэтичностью, отобразил естественный мир в традициях «реалистического» рисунка, с тщательно выписанными деталями; этот факт свидетельствует о том, что природа сохраняет свое значение как объект художественного познания в литературе в целом.

Виктор Алексеевич Савин (1888–1942) – поэт, драматург, художник огромного гуманистического дарования. Подобно В. Чисталеву, является одним из крупнейших поэтов природы, которая устойчиво присутствует в его творчестве, получая разные художественные решения: «Вундём» («Жатва», 1918), «Товся рыт» («Зимний вечер», 1918), «Арся мойдкыв» («Осенняя сказка», 1919), «Веж видз вывті муна» («Я иду зеленым лугом», 1919), «Гажа тулыс» («Веселая весна», 1921), «Ўтчыд овлё» («Однажды бывает», 1921), «Аддзысян тай» («Встретишься вот», 1921), «Коми море» (1933), «Нэм томмодысь кад» («Время омоложения жизни», 1935) и др.

Природа представлялась В. Савину символом могучих нравственных сил и возможностей коми народа, источником поэзии и красоты, творческой силы. Несколько лет поэт провел на Украине, прекрасная природа которой, песни, быт народа произвели на него большое впечатление. В своих поздних воспоминаниях он писал: «Веселая жизнь на Украине произвела на меня большое впечатление, теперь еще иногда вспоминаю ее природу и как будто все еще скучаю по ней...» [7, с. 569]. Вместе с тем он любит родную коми землю, хорошо знакомую и близкую ему с детства:

Как я люблю тебя, Край мой родимый, Землю, где давнее Детство бродило. Стоит уехать в другие края, Рвусь к тебе сердцем, Как к матери я...	И суровую зиму, Как бы морозом Она ни грозила, Как бы ни слала Бураны-ветра И непогоду С утра до утра.
Как я люблю твоё жаркое лето, Праздник цветов и И неяркого света, И голубую Усладу-весну, Что у зимы Истомилась в плену. Осень люблю	Реки люблю И не меньше болота, Где и простора И дичи без счета, Горы люблю И глухие леса, Что подпирают собой небеса... («Край радостный, край любимый», 1923; пер. И. Рыжикова)

Окружающий мир в творчестве автора – это естественная среда национальной жизни, наблюдаемая не со стороны, в самых общих чертах, а как бы изнутри, в процессе непосредственного общения с нею. Поэт изображает

природу с позиции хозяйственного к ней отношения, воспринимает ее глазами сельского труженика, изображает в повседневных состояниях и в тесных соприкосновениях с человеком. Повествование о рыбной ловле, например, сопровождается описанием растительности по берегам:

<i>Отарас – кыркотти, мөдарас – лыа, Шөрөдыс визувтө Эжва. Рытыв төв нуикө, Эжва зэв гыа, Веськыда муткыртө вежбөн. Кыркотти дор йылас ньывьяс да козьяс Шувгёны, ызгёны зыкён. Ва вылын пыжа: Митипер гозья Подольник кыйбёны кыкён... Кыркотти дор йылын ньывьяс да козьяс, Пыдынджык – видзьяс да муяс...</i>	Там – обрывистый берег, там – песок, Посреди течет Эжва. Западный ветер бушует, Эжва волнуется, Скрещивая волну с волной. На краю обрыва – пихты да ели Бушуют, шумно ругаясь. На реке люди в лодке: Митипер с женой Подольник вместе ловят... По краям обрывистого берега пихты да ели, Дальше – луга и пашни...
--	--

(«Гыа ва вылын кыйсьбём»)

(«Рыбная ловля в ненастье», 1926)

Социальный «клик» природы здесь – лишь маленький элемент. В целом это описание природы как стихии, с выраженными романтическими тенденциями, это «самостоятельная», романтизированная природа.

Героям В.А. Савина, всецело погруженным в сельскохозяйственные заботы, характерно прагматическое отношение к природе как к арене труда. Сущность природы крестьяне познают в трудовых процессах, поэтому созерцательное отношение к ней как к храму красоты и поэзии отражает авторский взгляд, свидетельствующий о выраженном лирическом начале:

<i>Гажса на ывла выв, нуксис көть ар нин, Мичаа шывгё лонь Сыктывлён ва; Сбёмын тай төдчымён шондйыс кольччө, Оз нин дзик гожся моз югёрнас кы. Сыктыв сикт турун-нянь идралис – шойччө, Асьядор кывльвлө вартан чап шы...</i>	Красива еще природа, хоть настала уже осенняя пора, Величественно несет свои воды Сысола; Только вот уже зримо отстает солнце, Не по-летнему светит. Сысольское село убрало урожай – отдыхает, По утрам слышны звуки молотильной цепи...
--	--

(«Сыктывкар», 1933)

В целом, в творчестве В. Савина обнаруживаем два ведущих типа природоописания. Стихотворения «Вундём» («Жатва»), «Мельница» («Мельница», 1930), «Медводдза бөрөзда» («Первая борозда», 1931) содержат описание естественной основы жизни человека – пашен, лесов, полей. Автор воссоздает жизнь человека в окружении естественного мира, ведет повествование о полевых, сельскохозяйственных работах. Речь идет, следовательно, об описаниях природы, которые функционально связаны с социальной проблематикой произведения и формируют соответствующий эмоциональный фон повествования:

<i>Ылын-ылын, войвылын Джуджыд парма сулалө. Парма пасьта шувгё вөр.</i>	Далеко-далеко на севере Стоит тайга дремучая. Шумят леса.
--	---

*Кодзыд вой төв шутьяля.
Парма пөвстын пемыд йёз-
Коми войтыр олёны;
Югыдінө петан туй
Нэм чөж найё корсьёны.
Парма пөвстын олёмьсь
Жугыльтчёма съёлмьяс:
жугыль коми войтырлөн
Эз вөв гажса съёлмьяс...*

(«Варыш поз»)

Свистят холодные ветры.
В той тайге неграмотные люди,
Прозываемые коми, живут;
К свету дорогу
Веками ищут.
От таежной жизни
Сердца их опечалились:
Тоскливо коми людям,
Не веселы были их песни...

(«Соколиное гнездо», 1923)

В этом стихотворении дается такое толкование образов природы, которое было характерно в целом для революционно ориентированных российских писателей. Тайга символизирует тьму, захолустность, неустроенность жизни; основной сюжетный мотив – стремление героев к свету (солнцу, загораживаемому тайгой); композиция призвана реализовать противостояние «вчера» – «завтра», в котором «вчера» – негативный, а «завтра» – позитивный нарратив. Этот мотивно-образный комплекс изменяется в применении к картине современной жизни, героями которой становятся молодые люди. Например, стихотворение «Отчюд овлө» («Однажды бывает») повествует о народном празднике-гулянии и начинается с диалога девушек и парней, переправляющихся через Вычегду. Образ реки – открытого пространства – является эквивалентом образа света. Река – это движение, которое противостоит замкнутости, застойности жизни. В таком художественном пространстве молодые герои, открытые движению в будущее, по-другому воспринимают природу – как гармонию, воплощающую радость.

В некоторых стихотворениях бросается в глаза высокая степень живописности картин природы, их разработанность и наличие открытой авторской оценки эстетических свойств описываемого уголка природы. О таком типе пейзажа говорит Т.Я. Гринфельд-Зингурс [8, с. 27]. В стихотворениях «Веж видз вывті муна» («Я иду зеленым лугом»), «Кор долыд» («Когда радостно», 1920), «Нэм томмодысь кад» («Время омоложения жизни») В.А. Савин обращает внимание читателя на красоты специфической северной природы, как бы полемизирует с принятым мнением о Севере как крае, обделенном красотой, однообразном и блеклом. Он стремится показать богатое разнообразие природных форм, в его изображении коми природа выглядит неожиданно красочной:

*Веж видз вывті муна, муна,
Мича дзоридз сэні уна,
Зарни дзоридз вывті уна.
Меным гажса, съыла-йөкта,
Мича дзоридз водзё өкта,
Зарни дзоридз өдйё өкта.
Муса зонлы юркытши кыа...*

(«Веж видз вывті муна»)

Иду, иду зеленым лугом,
Много там красивых цветов,
Очень много золотых цветов.
Мне весело, пою-пляшу,
Дальше собираю красивые цветы,
Золотые цветы быстро собираю.
Любимому сплету веноч...

(«Я иду зеленым лугом»)

Поэт изображает природу чаще в момент ее пробуждения, расцвета и зрелости, чем увядания. В его художественном мире большое место уделено весне: «Кор дольд» («Когда радостно»), «Тувсов вой» («Весенняя ночь», 1927), «Нэм томмодысь кад» («Время омоложения жизни»). В названных стихотворениях описания сосредоточены на изменениях, которые происходят в природе: весной все обновляется, листочки тянутся к солнцу, ветер теплеет, снег убегает с полей, лопаются почки на деревьях, все вокруг зеленеет, солнце согревает поля. Весна символизирует счастье, радость, обилие, довольство, плодородие (весной все рождается заново, обновляется весь мир).

Для В.А. Савина характерны описания природы, которые акцентированы на изменениях, происходящих в ней (поэма «Сыктывкар», 1933). Явления природы, как правило, изображаются динамично. Поэт разрабатывает один из основных принципов существования материи (в художественном образе) – движение, процессы, перемещения, взаимопереходы и взаимодействия, которые отражают изменчивость в жизни природы. Динамичность пейзажа создается подбором глагольных форм (налетит прохладный ветер, снег убегает с полей, над землей снежок завился). Мотивом движения пронизана также жизнь человеческого общества и личности, которые в значительной мере повторяют то, что характерно для природного мира (циклы трудовой, общественной жизни, ступени жизни отдельного человека).

В стихотворении «Коми море» В. Савин сопоставляет красоту моря с красотой родной пармы – бескрайних лесов, пишет о коми парме с тонким пониманием ее красот; настроение данного произведения – величавое раздумье, горделивый восторг за свой родной край. Удмуртский исследователь Ф.К. Ермаков отмечает, что К. Герд поддерживал дружеские контакты с коми поэтом В. Савиным, который по мотивам стихотворения К. Герда «Я ни разу не видел море» создал свое знаменитое стихотворение «Коми море», переведенное на ряд языков [9, с. 173–174].

В 20–30-х гг. XX в. перед советской литературой государством была поставлена задача создания образа человека-творца, строителя новой действительности. На первый план выдвигались проблемы революционного содержания, активности рабочего класса, социалистического строительства, научных экспедиций, борьбы с разрухой и т.д. Пафос преобразования земли затронул творчество таких крестьянских писателей, как С. Есенин и Н. Клюев; последовательными сторонниками антропоцентристских идей являются два крупных художника XX в. М. Горький и А. Платонов; М. Пришвин писал о Севере и Уссурийской тайге, К. Паустовский – о Каспии, Колхиде и средней России, М. Шолохов – о Донских местах, Ф. Гладков – о Новороссийске, Вс. Иванов – о территориях от Кавказа до Владивостока и т.д. В художественную литературу входило ощущение огромности природной силы страны, неучтенных возможностей, неизученных истоков – все это соответствовало пафосу трудовой темы. Коми литература в этом смысле не оставалась в стороне. В. Савин, В. Чисталев, В. Юхнин, Е. Колегов, Я. Рочев разделяли

общий настрой: восторженный гимн вселенскому труду, гигантской стройке, осуществляемой коллективным дерзанием, мощью машин, громко раздавался в их творчестве.

В поэме «Сыктывкар» В. Савина звучит идея преобразования земли, преобразования жизни. Поэт размышляет о характере прогресса и принципах отношения человека к естественному миру. Он не рассматривает последствия вмешательства человека в природную жизнь как губительные, не оценивает ситуацию как трагическую, а наоборот, приветствует долгожданное время перемен. Лирический герой с восторгом рассказывает, как изменился Коми край к лучшему в результате его освоения человеком:

<i>... Пырис нин комиб грымалан пбра,</i>	Уже вошла в коми громкая пора,
<i>Зумьда тувччёмсьыс парма шбр вбрб –</i>	От твердых шагов сердце пармы дрожит –
<i>Швачкбб-ызбб промышленной гы:</i>	Грохочут-клокочут промышленные волны:
<i>Горалб некор на вбвльйтбм шы,</i>	Гремят небывалые звуки,
<i>Зэлббчб некор на вбрзьвйтбм шы,</i>	Напрягаются, напрягаясь, нетронутые еще звуки,
<i>Вбр весьтб кьтббчб заводской тиын,</i>	Над лесом поднимается заводской дым,
<i>Пармалбн шоналб морбсьыс – пым,</i>	Грудь пармы нагревается горячо,
<i>Сьлб вой тундралбн нэмбвбй кын...</i>	Тает вековой слой льда в тундре...

Человек рисуется как преобразователь земли, преодолевающий сопротивление, косность природы, уверенный в своих силах и полномочиях, как средоточие разума, полновластный хозяин окружающего мира. При этом автор не осуждает лирического героя, жестоко относящегося к природе, более того, он считает, что такие изменения в природе необходимы, поскольку они облегчат жизнь человека; поэт оценивает как благо, что государство взялось за масштабное освоение земли.

Предпринятый анализ текстов дает основание утверждать, что природа естественно входит в художественный мир В.А. Савина, она является составной частью его поэтической системы, поэтому сегодня оценка коми лирика как поэта, чуждого природе, кажется устаревшей, и она со временем, безусловно, уступит место новому взгляду на В. Савина как на одного из мастеров коми пейзажной лирики.

Василий Ильич Лыткин (1859–1981) – один из крупнейших коми поэтов и ученых XX в., общественный деятель, исследователь коми литературы. Вместе со своими коллегами и учителями В.А. Молодцовым, И.Т. Чисталевым и другими принимал активное участие в подготовке к изданию первых учебных книг на коми языке. Поэт создал художественный мир, в котором отразилась народная жизнь, связанная с природой, национальным самосознанием и миропониманием: «Эжва» («Вычегда», 1916), «Арся вой Эжва вылын» («Осенняя ночь на Вычегде», 1918), «Тувсов рытын сербн» («Весенним вечером поздно», 1921), «Тулысын» («Весной», 1922), «Медводдза лым» («Первый снег», 1922), «Колип» («Соловей», 1923), «Эжва вылын» («На Вычегде», 1924), «Тбв ныр» («Порыв ветра», 1924), «Видз вывти» («По лугу», 1924), «Ывлаыс»

(«Улица», 1925), «Воис тулыс» («Весна пришла», 1925), «Асьявыв» («На заре», 1926), «Гожся асыв» («Летнее утро», 1926), «Арся мөвпьяс» («Осенние думы», 1926), «Вёрын» («В лесу», 1926), «Войын» («Ночью», 1927), поэма «Мунёны» («Идут», 1927), «Төвся вой» («Зимняя ночь», 1928), «Шойччө тувсов вой» («Отдыхает весенняя ночь», 1928), поэма «Эжва йылысь сьыланкыв» («Песня про Вычегду», 1962).

В.И. Лыткин, подобно В.Т. Чисталеву, развивает идею о том, что природа является источником творчества, усиливает жажду познания жизни, исцеляет от мирских тревог и забот:

*Висьё кё сьёлөмыд, курыд кё оломыд,
Шудьд кё тэ ордэ сути кежлө волёма,
Сэки тэ ва дорё лэччы.
Бадьяслөн кышодчөм, турунлөн копрасьём,
Эжвалён шлыгёмыс, черилён тювкьялём
Бурдодас сьёлөмтё тэнсьюд.
Сьёкыд кё овнытё, чорзьё кё сьёлөмыд,
Ичотсянь быдмигад шудтём кё вёлөмыд,
Мун сэки сьёд парма-вөрё.
Күзь кока пожёмыс, дзор тошка коз пуыс,
Зарниа корьяснас кышодчысь кыз пуыс
Небзьодас сьёлөмтё тэнсьюд.*

(«Мудзём войтырлы»)

Если сердце болит, если жизнь горька,
Если счастье лишь на миг заглянуло,
Тогда ты сойди к реке.
Шелест ивы, качание трав,
Плавное течение Вычегды, мелькание рыб
Вылечат сердце твое.
Если трудно жить, если сердце черствеет,
Если с детства несчастлив был,
Иди тогда в темную парму-лес.
Длинноствольная сосна, седебородая ель,
Шелестящая золотой листвою береза
Смягчат сердце твое.

(«Уставшим людям», 1921)

Природа коми края для В.И. Лыткина – символ могучих сил жизни, поэт предпочитает изображать ее в простоте и естественности, но в то же время в многообразных ее проявлениях. Он подробно описывает флору и фауну, погодно-климатические условия, для его стиля характерны природоописания с множеством уточняющих деталей и подробностей, присуще нанизывание образов природы, благодаря чему постепенно возникает панорама окружающего мира. Автор щедро, с реалистической точностью рисует естественную среду, подмечает самое характерное в ней. Следует подчеркнуть, что это типичная для коми литературы особенность: многие писатели подробно описывают животных, растения, погодные явления. В творчестве В. Лыткина наблюдаем сосредоточенность при описании природы на изменениях в ней, на смене части суток, времен года: «Арся вой Эжва вылын» («Осенняя ночь на Вычегде»), «Тувсов рытын серён» («Весенним вечером поздно»), «Тулысын» («Весной»), «Медводдза лым» («Первый снег»), «Воис тулыс» («Весна пришла»), «Асьявыв» («На заре»), «Гожся асыв» («Летнее утро»), «Войын» («Ночью»), «Төвся вой» («Зимняя ночь»), «Шойччө тувсов вой» («Отдыхает весенняя ночь»). Поэт подробно останавливается на сезонных изменениях, на описании весны, тех процессов, которые происходят в природе после зимы: пришла весна, отовсюду слышно пение петухов, все вокруг мерцает, солнце льет на землю животворящие лучи, шелестит листва («Воис тулыс»).

Для значительной части стихотворений, в которых осмысливается тема взаимоотношений человека и окружающей среды, характерен прием одухотворения

природы: Вычегда «нахмурена», солнце «радуется», деревья «мерзнут», горы «спят», звезды «переговариваются друг с другом» (поэма «Мунёны» / «Идут»). Персонажи из природного мира подобны людям: они рождаются, растут, чувствуют, переживают различные коллизии, умирают. В связи с вышесказанным необходимо заметить, что поэтика очеловечивания природы – тема малоосвещенная. Исследователи приходят к различным теоретическим выводам, говоря о видах соотнесенности человека и «души» природы, определяющих место и роль пейзажа в структуре произведения. Например, Е.Н. Купреянова, анализируя тему человека и природы у Л.Н.Толстого, его философию природы, выделяет несколько форм одухотворения: в одних случаях это изображение параллельных рядов, т. е. объективное описание природы, сопровождающееся анализом ее субъективного восприятия, или же «настроение» природы, которое может быть эмоциональным аккомпанементом к душевному состоянию героя. Возможен вариант, когда образ природы полностью конструируется душевным состоянием ее наблюдателя [10, с. 121].

В приеме очеловечивания окружающего мира в коми литературе находят свое воплощение представления о единстве человека и природы. Так, В.П. Налимов приводит факт, что человек, по верованиям зырян, не был создан Еном (Богом), он произошел от соединения дерева и травы [11, с. 82]. По мнению зырян, в животном, растении, так же, как и в человеке, есть душа; зырянам было свойственно представление о тождестве жизни природы и человека. Этой мыслью пронизаны мифологические представления древних коми.

К.Ф. Жаков в работе «Языческое мирозерцание зырян» (1901) рассматривает проблему одухотворения коми человеком природных явлений, говорит об антропоморфизме древних зырян, отражающем идею родства природного и человеческого, указывает на непосредственную взаимозависимость истории природы и истории общества [12, с. 72, 83–84]. Ведущим мотивом концепции мира зырян было ощущение родственных связей всего живого, с учетом различных зависимостей психологии общества от условий жизни, от окружающей среды. В.М. Найдыш называет подобные художественные явления «паракультурными образованиями», в которых соединяются научное (от автора) и мифологическое (от героев), рациональное и иррациональное, логическое и поэтическое, и определяет это как особый способ духовного освоения мира в искусстве XX в. [13, с. 45].

Вопрос об одухотворении природы – центральный в статье П.А. Сорокина «Пережитки анимизма у зырян» (1910). В работе утверждается, что зырянам были свойственны анимистические воззрения, основанные на одухотворении предметов и явлений окружающего мира, у них был развит фетишизм, культ животных и растений [14, с. 24]. Основным свойством анимистического мировоззрения автор считает восприятие природного мира как одушевленного. Л.С. Грибова, исследуя мотивы пермского звериного стиля, обосновывает принцип одухотворения природы; говорит о священных деревьях, почитае-

мых коми людьми, об антропоморфизме, порожденном языческим мировосприятием среды, когда воображение создавало очеловеченного соперника или друга из растительного и животного царства [15, с. 25]. Таким образом, в мировоззрении народа коми жизнь человека и жизнь природы были тесно связаны, существовали в единстве.

Русские писатели-очеркисты XVIII–XIX вв. А.В. Круглов, П.В. Засодимский, О.И. Ишимова, С.В. Максимов, Ф.А. Арсеньев, побывавшие в Коми крае, приписывали северному человеку одухотворение растений, камней из чувства равенства. Например, лес в изображении П.В. Засодимского представлен как единое живое существо, обладающее огромной силой, многообразием жизненных проявлений, голосами. Антропоморфным персонажем выступает корабельная чаща в повести М.М. Пришвина: охотники из коми рассказывают предание о заповедном лесе как о живом сообществе – дерево к дереву плотно стоит, защищая друг друга от ветра, и так служит мудрым примером человеку. Таким образом, богатое воображение предков, развитое языческим восприятием природы, привело к тому, что антропоморфная типизация в фольклоре и литературе стала системой образного языка.

Заметим, что анимизм в восприятии природы свойствен народам не только на определенной стадии развития, но и сохраняется в их мировосприятии в XIX и XX вв. Русские писатели, отмечая это явление и отражая его в своем художественном изображении природы, оценивали его как принципиально важное для духовности XX в. – «как форму противодействия отчуждения человека от природы» (например, В. Арсеньев, Л. Леонов)» [16, с. 41]; с этой мыслью Л.В. Гурленовой следует согласиться и предположить, что для ряда коми писателей подобная позиция весьма характерна (В. Чисталев, В. Лыткин).

Природа в произведениях В.И. Лыткина является источником силы, красоты, в ней все воспринимается как живое, наделяется свойствами и качествами, присущими человеку. Сохраняется также объективная природа с намеком на человеческие черты, отраженная в эпитетах, деталях, активности глагольных форм. Естественные качества природного существа при этом остаются незыблемыми, хотя для их выражения привлекаются эпитеты из сферы человеческой психологии, жизни. Персонаж в своих главных действиях остается частью природы, которая представляет внешний объективный мир, сопутствующий человеку. Кроме того, нужно отметить, что антропоморфизация образов природы служит также задаче повышения экспрессивности описаний. Вероятно, к ней следует отнести сравнительные обороты, в которых внешний вид персонажа из природного мира уподобляется человеческому.

Важным природным образом в стихотворениях В.И. Лыткина является одна из основных природных стихий – вода. Образ Вычегды – символ истока всей жизни на земле, выступает в роли элемента космогонического мира. В повествовании о Вычегде встречаются описания бегущей воды в реке: Вычегда журчит, прыгает («Эжва» / «Вычегда»), течет спокойно («Эжва

вылын» / «На Вычегде»). Идея движения времени в стихотворениях поэта более всего выражена в образе реки. Автор подчеркивает особую роль воды в жизни человека и природы: вода дает человеку пищу, служит путем сообщения; в то же время символизирует связь жизни и смерти, с одной стороны, несет человеку пользу, с другой, как стихийная энергия, – гибель («Мича ва дорын» / «У красивой реки», 1925). Образ воды у В.И. Лыткина приобретает множество смыслов, каждый из которых имеет свою локальную сферу бытования, это получившие авторское осмысление образы льда (если бегущая вода символизирует ток времени, то лед, напротив, служит символом безвременья), воды как рождающего начала («Эжва-ань» / «Вычегда-женщина»). Мы привели лишь наиболее часто встречающиеся значения, в самом широком смысле символ воды связан у автора с очищением, обновлением, материнским началом, жизнью. Стихия воды в художественном мире поэта изображается как антропоморфная, явно наделена мифологическим смыслом.

Из растительных образов наиболее часто встречается образ дремучего леса, пармы, который, как правило, обозначен лишь в общих чертах. Подчеркиваются прежде всего его величие, красота, первозданность, дикость: *парма* ‘девственный лес’, *гажса яг* ‘веселый бор’, *мича парма* ‘красивая парма’, *сьёд вор* ‘темный лес’. В стихотворениях «Коми йёзлы» («Коми народу», 1923), «Пожём» («Сосна», 1923), «Войын» («Ночью») предстает обобщенный образ коми пармы; в поэме «Мунёны» («Идут») образ леса значительно усложняется, он возникает из перечисления конкретных деревьев: *пожёмьяс* ‘сосны’, *козьяс* ‘ели’, *ниа ну* ‘лиственница’, в их трактовке усилена социальная идея. Описания природы в поэме обращают к мотиву поиска истинной жизни, новых начал человеческой истории. Образ лиственницы связывается с проблемой войны и мира: «...с удивлением прислушивалось каждое дерево, насторожила уши застывшая земля, белки спрятались в дупла, облако загораживало от солнца картину боя...»; создается универсальная оппозиция прошлое – будущее, жизнь – смерть, добро – зло. Идеальный, цельный образ пармы раздвоился в поэме по принципу контраста на два «лика»: один – парма прекрасная, нетронутая человеком, она разворачивается преимущественно в реалистических пейзажных зарисовках, другой – парма уродливая, страшная как результат действий человека.

В.И. Лыткин с самого начала своего творческого пути отличался масштабным взглядом на коми природу. Природа в его стихотворениях реалистична, освещена прежде всего в плане практических интересов героев, вместе с тем она – неисчерпаемый источник творчества, вдохновения, что сближает поэта с В. Чисталевым. В пейзажах можно выделить сложные сплетения природного и человеческого, что является не только художественным приемом, а отражает фундаментальные представления о мире – идею всеобщей одушевленности природной среды. Антропоморфизация природных явлений превращается у автора в форму выражения натурфилософской концепции. Герои В.И. Лыткина предстают в тесной взаимосвязи с природой, с ее отдельными явлениями и

стихиями, которые приобретают обобщающе-символическое значение (образ воды, реки). Поэт сумел воплотить в художественном творчестве реальные краски, звуки природы – все, что составляет ее материальную красоту.

Существуют писатели, значение творчества которых со временем только возрастает: каждое поколение читателей находит в их произведениях нечто новое, созвучное эпохе, в которой они живут, одновременно актуальное и вечное. Именно к числу таких творцов относится А.П. Размыслов (1915–1943). Он сумел создать за свою недолгую, но яркую жизнь художественный мир, отразивший самобытность его личности. В центре созданной им художественной системы одной из главных является тема взаимоотношений природы и человека, тема связи человека с миром живой природы; формирование его художественного мира во многом обусловлено восприятием проблемы человек – природа – цивилизация, причем сквозь призму нравственных приоритетов.

Ключевой особенностью творческого мировоззрения А. Размыслова является то, что природа для него не просто поэтический фон, пейзаж души лирического героя, но особый предмет символического изображения, проекция человеческих переживаний, необходимый материал для философского размышления о мире – его происхождении, развитии: «Пемыд вёр» («Темный лес»), «Эжва вылын» («На Вычегде»), «Тувсов стих» («Весеннее стихотворение»), «Арся войын» («Осенней ночью»), «Асья серпас» («Утренняя зарисовка»), «Тулыс» («Весна») и др.

Стихотворение А. Размыслова «Пемыд вёр» («Темный лес», 1932), на наш взгляд, дает возможность увидеть точку соприкосновения-отталкивания в параллели В. Чисталев – В. Лыткин – А. Размыслов. Перед нами – эпопея леса, жгучего ветра, свежего воздуха, лирический герой восторгается коми пармой, он начинает свой монолог с показа общей картины дивного леса: древний лес, погруженный в себя, вскормивший зверей и вырастивший дичь, навевает радость и грусть:

*Пемыд вёр, тэнад кёнджык пом?
Кёни пемыд тіль помасьё тэнад?
Кымын пёткалысь пёткёдлин вом?
Кымын зверёс тэ быдтін ас дінад?*

Темный лес, где пределы твои?
Где заканчивается твоя темная чаша?
Сколько птиц ты вскормил?
Сколько зверей вырастил?

Во второй строфе поэтическое пространство расширяется, мы видим образ ветра, подпевающего лесу, трактовка образа леса эмоциональна, она передает трепет, волнение, восхищение лирического героя окружающим миром.

Внешний мир произведения предстает как видимый и слышимый; чувственно-предметный, природный мир дан как принципиально не замкнутый, распахнутый до горизонта. Движение идет по вертикали сверху вниз и обратно: вой северного ветра, песня, разливающаяся в лесу (верх), лес, нашептывающий сказки, звери, дичь бродячая (низ). Шум пармы, шум жгучего северного ветра – все эти звуки находятся в полной гармонии. Для коми человека лес, парма, является сущностным элементом национального образа

мира, отношение к нему – это некая мера природных и духовных ценностей, при общении с ним происходит максимальное приближение человека к его сущности. Кроме того, в образе леса отражена душа коми человека, сильная, величественная, широкая и свободная. Эпический гимн темному лесу, коми парме, осмыслен в повествовании глазами философа и поэта, влюбленного в жизнь, во все ее проявления, оценивающего окружающий мир в плане вечности, восхищающегося и преклоняющегося его величавой красотой и мудрым равновесием. Стихотворение А. Размыслова «Пемыд вӧр» по своему пафосу, материалу, общему тону схоже с рассмотренными произведениями В. Чисталева и В. Лыткина.

А. Размыслов обладал особым чувством природы, он создал не обычные пейзажные зарисовки, а стремился рассказать о своих впечатлениях, навеянных природой. В каждом произведении поэт выражает целую гамму изменчивых чувств, переживаний, настроений, вызванных различными явлениями природы. Его лирику можно рассматривать как «дневник души», живущей личными предчувствиями, откликающейся на яркие впечатления, происходящие в окружающем мире.

В произведениях «Тувсов стих» («Весеннее стихотворение»), «Тулъс» («Весна») утверждается мотив всеобщего движения, торжества природы, обновления мира, чувство гармонии, постоянная изменчивость, вечное обновление, динамика. Лирический сюжет стихотворения составляет бесконечное пробуждение, бесконечное движение. Мир весенней природы у А. Размыслова поет, звенит, играет, переливается разными красками и звуками:

*Лун шӧр кад. Дзӱрдалӧ шонді.
Гажпырысь лым гӧгӧр сьлӧ.
Ӧшинь ув гож водзын помтӧг
Челядӧлӧн ворсӧм шы кылӧ.*

*Польдӧма юыс йи улын,
Дзольгӧны, бузгӧны шоръяс,
Со ӧд и воис нин тулъс,
Менам дыр виччысянторйӧй!*

(«Тулъс»)

Полдень. Солнце сияет.
Вокруг весело тает снег.
Под окнами на солнце бесконечно
Слышны звуки детских игр.

Подо льдом река набухла,
Журчат, бурлят ручьи,
Вот и пришла весна,
Которую я с нетерпением ждал!

В художественном мире А. Размыслова движение – один из мотивов его натурфилософии. Взгляд художника отличается тем, что он группирует признаки явлений в картину и выделяет в привычной сфере ее новизну, неповторимость. Сюжеты движения присутствуют в богатом жизненном разнообразии: птицы щебечут; солнце блестит, сияет, вселяет радость; земля поет с небывалой, чудесной силой. Чувственно-видимый мир в стихотворениях становится эпическим потоком: о сложном, невидимом можно догадываться – это перемены в пространстве. Движение как поэтическое явление отражает в первую очередь очевидное, внешнее, эта форма или процесс бытия пронизывает

природное описание, она преобладает в пейзажных ситуациях и утверждает мысль о всеобщей текучести, изменчивости сущего.

Произведение «Арся войын» («Осенней ночью») передает все многообразие осенней природы: заря спряталась за облако, еще недавно Вычегда переливалась серебристым светом, было тепло, сейчас целый день льет – моросит дождь, возле березы воет северный ветер, срывая золотистые листья... В нем сохраняется естественная и характерная для образа осени минорная тональность, пейзаж вводит читателя в художественный мир, создает определенный эмоциональный настрой, ощущение тоски, печали, светлой грусти. Осень связана с увяданием, пейзаж печальный. Природная стихия наступившей осени в произведении коми лирика составляет его основу, способствует быстрому, стремительному движению, представляя прежде всего художественную реальность постоянно изменчивой, отражающей ежесекундные колебания пространства. Порывы этой стихии создают ощущение внезапной перемены, когда знакомые параметры реальности дополняют друг друга, неожиданно меняя образ мира.

В описании природы в данном случае следует отметить контрастную заключительную его часть; если в первой части изображается осеннее состояние природы, то в последней – внутреннее состояние лирического героя, его настроение. Характер осеннего пейзажа соотносится с мироощущением лирического героя, для которого важно некое внутреннее уподобление природной и человеческой жизни, что находит свое выражение в приеме психологического параллелизма; природа выступает в роли «барометра», отражающего состояние человеческой души. В последнем фрагменте текста акценты несколько смещаются, здесь видим откровенную тоску от наступления осени и ощущение потери от ухода любимой девушки. Образ осени олицетворяет грусть, одиночество, разлуку лирического героя. Именно пейзаж создает психологический настрой восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героя, изменения в его жизни.

В стихотворении «Ылӧ лӧбӧны» («Далеко летят») лирический герой, взглянув на мутное, осеннее небо, увидел летящий клин журавлей. Суровый северный ветер выгоняет их далеко в чужие страны, где живут незнакомые люди; березовая роща в печали, природа осиротела без родной стаи. Тональность текста напряженно-тоскливая. Умиротворенная торжественность начальных строф А. Размыслова дает возможность ощутить тихое восхищение поэта птицами, их первозданной красотой, перед которой можно замереть в восторге, но которую нельзя понять и объяснить словами.

В.Н. Демин отмечает, что свое произведение «Медводдза любов» («Первая любовь», 1939) А. Размыслов строит как лирико-философскую поэму. Это размышление-рассказ о вечной молодости, поэма-воспоминание, поэма-размышление, размышление о любви, готовности к подвигу [17. с. 292], произведение охватывает семь лет жизни молодых людей, две встречи лирического героя с любимой девушкой. Исторические события в тексте

подвергаются глубокому поэтическому и философскому осмыслению в авторских отступлениях, в размышлениях о природе, в которых отразилась философская мысль эпохи, мысль о месте человека в мире и его судьбе. В поэму включено развернутое пейзажное описание, когда герой возвращается после долгого отсутствия в родное село. Данное лирическое размышление, создающее эмоционально-экспрессивный настрой произведению, выступает своего рода смысловым «кодом» ко всей поэме. Образы «милого сада» с цветущими зеленеющими деревьями, «зари», передающие хрупкость мира, вводят повествование в общий культурный контекст, расширяя при этом рамки конкретного художественного текста. Образ сада важен в структуре поэмы в целом, он является символом детства, утраченного рая. В своем первом и главном значении образ сада воплощает образ созданного богом рая, ограниченного и отделенного от окружающего недружелюбного человеку пространства. Внутренний сюжет может быть соотнесен с библейской образностью: он запечатлевает момент обретения героем опыта – вкушения от древа познания и изгнания из райского сада – из того места, где лирический герой умел любить и был счастлив; это момент перехода из одного состояния в другое, завершения старого и начала нового.

Особенность данного пейзажа заключается в том, что он дается в искусном переплетении с описанием душевного состояния, характера, жизни, судьбы лирического героя. Прием психологического параллелизма находит здесь наиболее полное отражение. Сад в произведении предстает как место встречи и воспоминаний, как настроение исчезнувшего идиллического мира, память о нем, сад детства, сказочный сад.

Описания природы в лирике А.П. Размыслова – важнейшая черта его поэтики, они обуславливают эстетическое и философское единство произведений и отражают логику его творческой эволюции. Художественной особенностью стихотворений поэта является их проникнутость поэтическим настроением и авторскими переживаниями, в которых отразились проблемы взаимодействия человека с миром природы. Мир понимается автором как законченное, прекрасное, упорядоченное целое, где все элементы связаны в едином организме, человек выступает неотъемлемой частью всеобщего космического процесса.

Анализ темы природы в коми поэзии позволяет сделать важные для нашего исследования выводы. Тема природы в конце XIX – первой трети XX вв. развивалась в художественном творчестве И.А. Куратова, В.А. Савина, В.Т. Чисталева, В.И. Лыткина. Среди названных поэтов выделяются прежде всего И.А. Куратов и В.Т. Чисталев. Программными следует признать стихотворения «Со кызд сійос тода ме» («Знаю я ее такой») И.А. Куратова и «Поэзия артмём» («Рождение поэзии») В.Т. Чисталева. Их осмысление природы можно назвать натурфилософским, т. к. естественная среда была для них постоянным объектом наблюдений и размышлений, понималась как вечная

основа жизни человека. Их понимание мира включало в себя вопрос о месте человека в природе и об отношении природы к человеку. Проблемы, в которых выразилась натурфилософская мысль, это – человек в масштабе земли, природа и творческое начало в человеке.

Коми поэзия первой трети XX в. отразила несколько типов отношения человека к природе, которые можно назвать «положительным» и «отрицательным» (поэма В.А. Савина «Сыктывкар», стихотворение В.Т. Чисталева «Кайла, видзёдла» / «Поднимусь, взгляну»).

Тема природы в коми поэзии конца XIX – первой трети XX вв. включает различные мировоззренческие аспекты (философский, социальный, природо-защитный, просветительский). Художественное освоение темы начинается с философского аспекта, осложненного социальным спектром видения вопроса. Коми поэты философски осмысливают мир, они понимают природу как живую, рождающую материю, в целом – как живое существо. Окружающий, естественный мир истолковывается ими как уникальная целостность, составной частью которой является человек (В.Т. Чисталев).

Социальный компонент не снижает монументальности природы, ее величественного положения в общей с человеком сфере жизни, но придает трагизм пониманию судьбы и возможностей человека, который предстает малой и зависимой от окружающей среды величиной. Социальный аспект в понимании природы в следующий период значительно изменяет философский подход: природный мир понимается как среда, предназначенная для устройства человека, т. е. как некая функциональная величина. Главной силой представляется человек, а его важнейшей задачей – пересоздание природы с целью формирования удобной для человека среды обитания. Центральным становится образ «второй» природы, созданной руками человека (В. Савин, В. Чисталев).

В творчестве писателей выражена просветительская задача, особенно в произведениях для детей (В.Т. Чисталев, В.И. Лыткин), которые популяризировали знания о природном, окружающем мире, содействовали эмоциональному воспитанию ребенка, пробуждению чувства природы. Коми поэзия развивает художественные формы изображения природы. В пейзажных описаниях природа, как правило, представлена в конкретных материальных формах, в пластике, цвете; образ природы опоэтизирован.

Особенностью произведений многих поэтов является то, что тема природы тесно связана с темой творчества. Природа рассматривается как источник творческой энергии человека (В.Т. Чисталев, В.И. Лыткин). Для большинства коми поэтов характерно реалистическое изображение естественного мира, установка на воспроизведение материального облика окружающей среды. В целом для коми поэзии характерна динамичность описаний. Думается, это продиктовано природным ритмом, цикличностью, традиционностью уклада жизни (ритмом труда, бытовой жизни).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Демин В.Н. Рифмою крылатой свяжем строки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 287 с.
2. Вулих Н.В. Поэзия добра и света. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 72 с.
3. Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 128 с.
4. Куратов И.А. Сочинения: Лингвистические работы. Т.2. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939. 136 с.
5. Рочев Ю.Г. Детский фольклор коми // Научн. архив КНЦ УрО РАН, 1972. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. 153 с
6. Савин В.А. Мусюр сайын: проза гижодъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 367 с.
7. Савин В.А. Менам том кадея олём // Савин В.А. Кывбуръяс. Поэмаяс. Пьесаяс. Вистъяс. Очеркъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. 584 с.
8. Гринфельд-Зингурс Т.Я. Материальность природы в художественных произведениях В.И. Даля // Прекрасное в образном мире произведения. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 24–36.
9. Ермаков Ф.К. Удмуртский поэт и ученый: очерк. – Ижевск, 1988. 263 с.
10. Курпянова Е.Н. Эстетика Л.Толстого. – М.; Л.: Наука, 1966. 333 с.
11. Налимов В.П. Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 57. № 2. С. 76–86.
12. Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 68–84.
13. Найдьш В.М. Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопросы философии. 1994. №2. С. 45–54.
14. Сорокин П.А. Этнографические этюды: сб. этн. ст. П.А.Сорокина / сост: Д.А. Насанелис, В.А.Семенов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 127 с.
15. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. – М.: Наука, 1975. 148 с.
16. Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. 179 с.

Olga Ziyavadinova

THE ARTISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF NATURE IN KOMI POETRY (THE END XIX – FIRST THIRD XX CENTURIES)

The article describes the main philosophical aspects of the embodiment of the theme of the man and nature relationship in the works of I. Kuratov, V. Savin, V. Chistalev, V. Lytkin, and A. Razmyslov. The aim of the study is to analyze the works of poets, who gave rise to the literary traditions in the development of the artistic image of the nature theme, laid the foundations of the varied forms of its description.

Key words: *man, nature, Komi poetry, poetics of nature describing.*

Александр Акшиков
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ЙОШКАР-ОЛЫ

Аннотация: В статье дается новое прочтение исторических источников, относящихся к вопросу об основании города Йошкар-Олы, в прошлом называвшегося Царевым городом, Царевококшайском. Автор пришел к выводу, что город был основан по указу царя Федора Ивановича городовыми воеводами из Казани и казанских пригородов в сентябре 1584 г. Князь Д.П. Елецкий, которого в настоящее время считают основателем Царева города, в действительности этот город не основывал. Он ходил в поход против восставших марийцев, живших в Закамье, и там построил некие безымянные города.

Ключевые слова: Царев город, Царевококшайск, Казанская земля, Казанский уезд, луговые марийцы, марийцы Закамья, Д.П. Елецкий, XVI век.

Наиболее распространенной версией событий, связанных с возникновением города Йошкар-Олы, является версия докторов исторических наук К.Н. Санукова и А.Г. Бахтина. Они полагают, что он был основан в августе 1584 г. в Тутаевой волости воеводой князем Д.П. Елецким, посланного царем с тремя полками в район междуречья Малой и Большой Кокшаг для подавления восстания луговых марийцев. Вначале его называли Царев город, а несколько позднее за ним закрепилось название Царевококшайск [5; 8]. Их концепция строится на интерпретации комплекса разнохарактерных источников, касающихся основания Царева города: летописных сообщений, записей разрядных книг, выписок из посольских книг по сношению России с Польшей. Важнейшие, на наш взгляд, из этих документов приведены в приложении к настоящей статье. В целом, предлагаемая К.Н. Сануковым и А.Г. Бахтиным версия выглядит убедительной, и мы разделяли ее, за исключением некоторых деталей [см.: 4, с. 168, 169], пока не обратили внимание на существенные разночтения ряда документов, которые, казалось бы, должны были сообщать об одном и том же.

Мы имеем в виду фрагменты наказов (инструкций) из посольских книг по сношению России и Польши датированных 22 ноября 1584 г., 10 февраля и концом февраля 1585 г. (см. докум. 3, 5, 6), в которых сообщаются сведения, касающиеся состояния дел в Казанской земле. А.Г. Бахтин, комментируя их,

пришел к выводу, что в них идет речь о походе воевод Д.П. Елецкого, Р.М. Пивова и И.М. Бярятинского (главным среди них был Д.П. Елецкий), состоявшемся летом 1584 г., и об основании Царева города [5, с. 557]. К этим источникам, можно добавить также отрывок из наказа, данного в декабре 1584 г. посланнику Лукьяну Новосильцеву, отправленному из Москвы с дипломатической миссией в Священную Римскую империю к императору Рудольфу II (см. докум. 4). В значительной мере он представляет собой несколько сокращенный пересказ текста наказа от 22 ноября, рассказывающий о событиях в Казанской земле, но при этом в нем сообщаются и новые данные. Этот фрагмент декабрьского наказа был обойден вниманием К.Н. Санукова и А.Г. Бахтина. Изучив эти четыре документа, мы пришли к выводу, что в них говорится не об одной, а о двух военных операциях против луговых марийцев. В декабрьской и ноябрьской инструкциях рассказывается о походе полков под общим началом Д.П. Елецкого, а в февральских наказах имеется в виду совершенно другой поход. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что в ноябрьской и декабрьской инструкциях сообщается о военной операции *полковых воевод* Д.П. Елецкого, Р.М. Пивова и И.М. Бярятинского (имена воевод нам известны из записей в Разрядных книгах (см. докум. 1, 2)), а в февральских наказах говорится о походе *городовых воевод* из «Казани и пригородов казанских с прибыльными людьми». В данном случае следует иметь в виду, что разница между полковыми и городскими воеводами была значительной. Полковой воевода командовал войском, или полком, а городской воевода управлял городом, а зачастую, если он возглавлял уездный город, то и уездом. Городской воевода имел военные полномочия, но только в пределах своего уезда, а полковой воевода исполнял свои обязанности там, где указывал царь, но не вмешиваться в уездные административные дела. Таким образом, в февральских наказах сообщается о внутриуездной военной операции, проведенной городскими воеводами, войска которых были усилены присланной царем дополнительной ратью – «прибыльными людьми». В ноябрьской же и декабрьской инструкциях говорится о походе, цели и задачи которого, по всей видимости, превосходили военные возможности и компетенцию уездных властей. Поэтому для его осуществления из Москвы были посланы войска во главе с полковыми воеводами, наделенными необходимыми полномочиями.

Во-вторых, при сравнении фрагментов наказов бросается в глаза противоречивость приведенных в них сведений о количестве городов, основанных при подавлении восстания марийцев. В наказе от 20 ноября говорится о том, что в ходе военной экспедиции Д.П. Елецкого был основан некий безымянный город, а в декабрьской инструкции сообщается уже о «поставленных» городах, также безымянных. По-видимому, в период времени с 20 ноября и до момента составления декабрьского наказа в Москву пришло известие об основании во время этого похода как минимум еще одного города. Если

исходить из предположения, что в февральских наказах сообщается о походе Д.П. Елецкого, то в инструкции от 10 февраля речь должна была бы идти об основанных городах. На самом же деле в ней говорится только об одном Цареве городе. И только в наказе, написанном в конце февраля, рассказывается о двух построенных «городах Царевых», а именно о Цареве городе и Царевосанчурске. Можно сделать вывод, что в ходе военных походов Д.П. Елецкого и городских воевод из Казани и казанских пригородов строились города. Причем, Царев город и Царевосанчурск были основаны городскими воеводами, т.к. названия этих городов приведены в февральских инструкциях.

В-третьих, необходимо четко различать интерпретацию встречающегося в документах слова «лето». Его можно понимать двояко – или как время года, или как год. В февральских наказах в предложении «для чего государь сего лета в Казань рать свою посылал?», словом «лето», по нашему мнению, обозначается не время года, как считает А.Г. Бахтин [5, с. 557], а год. Следует иметь в виду, что в XVI в. новый год начинался не с 1 января, а с 1 сентября. Февральские инструкции, соответственно, сообщают о событиях, произошедших после 31 августа. Если бы в наказах речь шла о «лете» как времени года, то выходило бы, что второй «город Царев» (Царевосанчурск), упомянутой в наказе, написанном в конце февраля, был основан в августе 1584 года. Но такового не могло быть, т.к. такой вывод противоречит дате возникновения Царевосанчурска, установленной А.Г. Бахтиным. По его расчетам этот город был построен только в январе 1585 г. [5, с. 558]. Таким образом, городские воеводы из Казани и казанских пригородов ходили воевать с луговыми марийцами после 31 августа, в отличие от полков Д.П. Елецкого, которые были отправлены в «летний поход» до 1 сентября, а именно 20 июля 1584 г. (см. докум. 2).

В-четвертых. В ноябрьском и декабрьском наказах есть выражение «дальние волости ... поддались к Сибири» (см. докум. 3, 4). Почему-то К.Н. Сануков и А.Г. Бахтин его никак не комментируют. Мы считаем, что в данном контексте слово «поддаться» употреблено в значении «принять подданство». Следовательно, речь идет о том, что марийцы, проживавшие в «дальних волостях», решили принять подданство Сибирского ханства. По нашему мнению, этот факт важен для определения местности, где полки Д.П. Елецкого вели боевые действия, но об этом мы будем говорить ниже. Что касается февральских инструкций, то в них выражение «поддались к Сибири» отсутствует, т.е. луговые марийцы, с которыми воевали городские воеводы, не выражали желания принять подданства Сибирского ханства.

В-пятых, следует иметь в виду, что в наказах, составившихся в Посольском приказе для лиц, задействованных на дипломатической службе, как правило, излагалась официальная точка зрения московского правительства на положение и события внутри страны, состояние дел во внешней политике. Позиция Москвы в наказе оформлялась в виде ответов на вопросы, которые, как предполагалось, могли быть заданы российскому служащему за грани-

цей в ходе его дипломатической миссии, либо, наоборот, они могли быть заданы прибывшими в Московию иностранными дипломатами, лицам «приставленным» к ним от имени московского правительства. Если вопрос, указанный в наказе, задавался, то дипломатический служащий обязан был отвечать на него в точности так, как ему было предписано. Нужно заметить, что в царствование Федора Ивановича в Посольском приказе хорошо представляли себе, какой круг вопросов интересовал государства, с которыми Московское царство входило в дипломатические отношения. Например, посланнику Лукьяну Новосильцеву в ходе его дипломатической миссии в Священную Римскую империю все предполагаемые в наказе вопросы были заданы, и он соответствующим образом ответил на них [2, ст. 920 – 924, 938 – 944]. То, что фрагменты ноябрьской и декабрьской инструкций отличаются по содержанию и смыслу от фрагментов февральских наказов, свидетельствует о том, что речь в них идет о разных военных походах против марийцев. При составлении ноябрьского и декабрьского наказов в Посольском приказе уже знали, что правительства Польского королевства и Священной Римской империи заинтересовались дошедшими до них сведениями о посылке в Казанскую землю войск под общим руководством Д.П. Елецкого. Московские дипломаты озвучили при дворах короля и императора зафиксированную в инструкциях трактовку причин посылки войск Д.П. Елецкого и итогов военных действий. Следовательно, точка зрения Москвы по данному вопросу была доведена до сведения правительств двух европейских держав. Было бы странно, если бы официальные лица этих государств задали его повторно. А если бы его и задали вновь, то было бы еще более странным, если бы Москва изменила смысл позиции по данному вопросу, ведь такая легкомысленная неопределенность могла непредсказуемым образом сказаться на межгосударственных отношениях. Таким образом, в февральских наказах речь уже шла не о походе Д.П. Елецкого, а о военной операции городских воевод, интерес к которой проявили в Польском королевстве.

Итак, представленные факты свидетельствуют, что в анализируемых нами наказах сообщается о двух разных военных походах. Рассмотрим подробнее поход городских воевод из «Казани и пригородов казанских с прибыльными людьми». Из февральских инструкций известно, что они выступили в карательный поход против «луговых людей дальних», которые восстали и перестали платить «дань». В итоге, мятеж был успешно подавлен и городские воеводы по повелению царя в Луговой стороне поставили Царев город. Нужно отметить, что выражение «велел государь поставить город», употребленное в наказе от 10 февраля (см. докум. 5), следует понимать не в смысле, что по повелению царя город предстояло еще только основать, а в значении, что город уже был построен. Ведь впервые название Царев город встречается в разрядных записях от 11 октября и 1 ноября 1584 г., в которых говорится о назначении на должности городских воевод нового города И.А. Ноготкова и

М.А. Нагого (см. докум. 7, 8). Следовательно, городские воеводы из Казани и казанских пригородов были в походе и основали Царев город в период времени с 1 сентября по 11 октября 1584 г. После этого они приступили к исполнению повеления царя об основании второго «города Царева» – Царевосанчурска, строительство которого было завершено в январе 1585 г. Информация о его постройке поступила в Москву после 10 февраля, и поэтому эта новость была включена в наказ, датированный уже концом месяца – «и в Луговой стороне велел государь поставить за то два города Царева» (см. докум. 6), т.е. Царевококшайск и Царевосанчурск.

Читатель, хорошо знакомый с историческими источниками, может отметить, что установленная нами дата основания Царева города противоречит дате его основания, приведенной в летописном отрывке, написанном в начале XVII в. [10]. Он интересен тем, что в нем приводятся даты возникновения городов, построенных на восточных окраинах Московского царства и в Поволжье в конце XVI в. Однако следует заметить, что летописный отрывок в ряде случаев неточен. На это обратил внимание чувашский историк В.Д. Димитриев, отметив, что этот памятник нельзя признать достоверным [6, с. 98]. Например, в нем приведены неправильные даты основания таких городов как Кокшайск, Козьмодемьянск, Тобольск. Работая с этим источником, необходимо по возможности перепроверять приведенные в нем сведения, сверяясь с другими историческими документами. Кроме того, следует обратить внимание на то, что в летописном отрывке используется два варианта сообщения информации об основании городов. В одних случаях употребляется выражение «повеле [царь – А.А.] поставить град (город)», а в других – «поставлен град (город)». Едва ли это случайно. В записи за 1584 г. об основании Царева города сказано следующее: «повеле (царь Федор Иванович – А.А.) ... поставить ... в Черемисе Царев город» (см. докум. 9). Напомним, что в XVI в. новый год начинался с 1 сентября. Следовательно, царь повелел поставить Царев город не позже 31 августа, а вот когда он был построен – то ли до 1 сентября, то ли после 31 августа – летопись ответа не дает. Но, как выше было показано, Царев город мог возникнуть только после 31 августа, в сентябре.

Теперь более детально рассмотрим поход Д.П. Елецкого. При сопоставлении источников может сложиться впечатление, что полки Д.П. Елецкого и войска городских воевод из Казани и казанских пригородов действовали против луговых марийцев в одних и тех же местах Казанского уезда. Однако такой вывод при более внимательном изучении исторических документов перестает казаться очевидным. Если допустить мысль, что карательный поход Д.П. Елецкого был успешно совершен в междуречье Кокшаг в августе-сентябре, то зачем в сентябре в те же края нужно было посылать городских воевод с «прибыльными людьми» подавлять восстание луговых марийцев? Ведь в это же время там должны были находиться победоносные полки Д.П. Елецкого. И зачем городским воеводам ставить Царев город, если Д.П. Елецкий с

«товарищами» уже поставили безымянный город в тех же местах? По нашему мнению, эти вопросы разрешаются единственно возможным ответом: войск Д.П. Елецкого в междуречье Кокшаг не было ни в августе, ни в сентябре. Полки князя воевали с луговыми марийцами в каком-то другом месте.

Чтобы понять, куда ходили полки Д.П. Елецкого, нужно разобраться, что представлял собой Казанский уезд, и где в нем проживали марийцы. В 1584 г. накануне основания Царевококшайска Казанская земля (так называли территорию завоеванного Казанского ханства и прилегавших к ней зависимых земель) в административно-территориальном плане была разделена на уезды: Казанский, Свияжский, Чебоксарский, Кокшайский и, возможно, Козьмодемьянский, если только Козьмодемьянский острог, основанный в 1583 г., имел в это время статус уездного центра. Из них самым крупным являлся Казанский уезд. Он почти весь раскинулся по левую (луговую) сторону Волги, за исключением незначительной территории на правом высоком (горном) берегу в окрестностях города Тетюши. В настоящее время границы уезда можно определить только примерно. На юге он граничил с владениями ногайцев, на востоке его граница терялась где-то за рекой Белой. Уезд также занимал правый берег Камы, правда, неизвестно на какую глубину. Частью уезда являлись земли междуречья рек Ветлуги и Вятки, достигавшие на севере примерно условной линии современных городов Уржум, Яранск и далее, если продолжить линию, вплоть до Ветлуги. На луговом берегу Волги к Казанскому уезду не относились только левобережная часть Кокшайского уезда, а также Чебоксарского или Козьмодемьянского уезда.

Все марийцы Казанского уезда проживали по левую сторону Волги, причем подавляющее большинство из них населяли территорию, за которой исторически закрепилось географическое название «Луговая сторона». Она располагалась примерно в междуречье Ветлуги и Вятки, а марийцы ее населявшие назывались «луговыми». Можно отметить, что марийцы Казанской земли, жившие на правом высоком берегу Волги, именовались «горными». Марийцы Луговой стороны, селившиеся восточнее р. Малой Кокшаги ближе к Казани, носили название «черемиса ближняя» [7, с. 88, 89]. За Малой Кокшагой жила «черемиса кокшайская» (междуречье Малой и Большой Кокшаг), а еще западнее – «черемиса ветлужская» [1, с. 86]. Кроме того, кокшайских, а возможно, и ветлужских марийцев именовали «луговыми людьми дальними», именно так были названы в одной из февральских инструкций марийцы, против которых был направлен поход войск городских воевод [см. докум. 6].

Выше уже говорилось о том, что полков Д.П. Елецкого не было в междуречье Кокшаг. Теперь же можно убедиться, что они не могли вести боевых действий также и против марийцев, живших восточнее Малой Кокшаги, т.к. здешних марийцев называли «черемисой ближней», а из декабрьского наказа известно, что войска князя ходили воевать с марийцами «дальних волостей луговой стороны» [см. докум. 4], т.е. с дальними луговыми марийцами. Следовательно,

Д.П. Елецкий не мог вести военные действия в междуречье Ветлуги и Вятки. Но тут возникает вопрос: если его не было в Луговой стороне, то о какой «луговой стороне» идет речь в декабрьском наказе? По нашему мнению, он решается просто, если различать «Луговую сторону» как географическое название и «луговую сторону» как географический термин. Термином «луговая сторона» называют местность, простирающуюся вдоль низкого (лугового) берега реки. Таким образом, в Казанском уезде «луговой стороной» называлась не только территория по левую сторону Волги примерно в пределах междуречья Ветлуги и Вятки, но и вообще вся левобережная часть уезда.

Кроме луговых марийцев ветлужско-вятского междуречья, заметными по численности были марийцы, издавна жившие на востоке Казанского уезда за р. Камой. Русские летописцы фиксировали их в районе устья р. Белой в середине XV в. [9, с. 87]. Автор «Казанской истории» отмечал, что в 700 верстах от Казани еще «до Казанского взятия» в «башкирских улусах» жила «черемиса дальняя» [1, с. 174]. Если перевести 700 верст в километры, то мы получим расстояние в 684 км (1 верста в XVI в. равнялась 977,9 м). Очевидно, что расстояние от столицы ханства было указано примерно и отмерялось отнюдь не по прямой линии. В противном случае выходило бы что «черемиса дальняя» жила за Уралом, но этого не могло быть, или за пределами «башкирских улусов», но это противоречило бы тексту «Казанской истории». По нашему мнению, расстояние от Казани в данном случае отмерялось по рекам Каме и Белой. Если бы мы проплыли по этому водному пути 684 км, то в итоге не доплыли бы 110 км до г. Бирска. Таким образом, марийцы Закамья проживали вдоль р. Белой от ее устья и примерно до нынешнего г. Бирска. Вероятнее всего, марийцы могли селиться и на правом берегу Камы в районе устья р. Белой.

По нашему мнению, Д.П. Елецкий «с товарищами» ходил в поход против закамских марийцев. Ведь они были луговыми марийцами, т.к. проживали на луговой стороне Казанского уезда, причем, как известно из «Казанской истории», считались дальними марийцами. Следовательно, они проживали в волостях, которые в декабрьской инструкции именуются «дальними волостями луговой стороны» (см. докум. 4). Кроме того, в ноябрьском и декабрьском наказах сообщается, что «дальние луговые волости ... поддались к Сибири» (см. докум. 3, 4). Как мы говорили выше, это выражение означает, что марийцы, населявшие дальние волости приняли решение принять подданство Сибирского ханства. В то время Москва вела с ним войну, и повстанцам логично было заручиться поддержкой врага Московского царства. Закамские марийцы могли бы при определенных обстоятельствах избавиться от власти московского царя и сменить подданство. В 1584 году они проживали на границе Казанского уезда, которая одновременно являлась окраиной Московского царства. На востоке за Уралом уже начинались зависимые от сибирского хана земли. Южнее в степях начинались кочевья ногайцев. Между Московским царством и Сибирским ханством находились башкиры, за влияние над которыми боролись

оба государства. В отличие от марийцев Закамья, марийцы ветлужско-вятского междуречья едва ли могли решиться на такой политический шаг. Он был бы бессмысленным, учитывая то, что они находились в глубине Казанского уезда и были отрезаны от выходов в Сибирь и степь цепью городов – Казань, Алаты, Арск, Лаишево, Тетюши, Свияжск, Кокшайск, Чебоксары, Козьмодемьянский острог, Васильсурск.

Война с сибирским ханом Кучумом крайне осложнила обстановку на восточной окраине московских владений в начале царствования Федора Ивановича. Поэтому вспыхнувшее восстание закамских марийцев, принявших решение перейти в подданство Сибирского ханства, несомненно, обеспокоило московское правительство. Никто не знал, как отреагируют на это ногайцы, что предпримут башкиры и не последуют ли этому примеру другие народы Поволжья. Неудивительно, что во главе полков, посланных 20 июля 1584 г. подавить марийское выступление, был поставлен Д.П. Елецкий, считавшийся в то время опытным дипломатом [о Д.П. Елецком как дипломате см.: 5, с. 617–632], а один из полков возглавил думский дворянин Р.М. Пивов, также не обделенный дипломатическими талантами. По всей видимости, цель похода сводилась не только к выполнению карательной операции, но и к попытке выяснить причины, заставившие марийцев пойти на такой политический шаг, и устранить их, чтобы такого не происходило впредь, а также оценить обстановку на месте, возможно, через переговоры с башкирами и ногайцами. Военно-дипломатическая миссия в целом оказалась успешной – восстание было подавлено, а марийцы, насколько можно судить по историческим документам, в дальнейшем не предпринимали попыток перейти в подданство какого-либо государства.

Однако обстановка на месте в целом была признана сложной настолько, что воеводы, возглавлявшие полки, «в большой волости в Тутаеве, от которой все воровство ставилось» (см. докум. 3) основали безымянный город. Когда он возник, сказать точно трудно. Очевидно только то, что это произошло до написания ноябрьской инструкции, т.е. до 22 ноября 1584 г. Кроме этого города, воеводами до конца года был построен как минимум еще один город, т.к. в декабрьском наказе речь идет уже о городах. По-видимому, эти города представляли собой маленькие остроги с небольшими гарнизонами, не имевшими изначально ни статуса уездного города, ни статуса пригорода какого-либо города. Они были возведены, чтобы «укрепить», т.е. держать в повиновении, волости, где проживали марийцы.

Где могли находиться города, возникшие во время похода Д.П. Елецкого не совсем ясно. В настоящее время по этому поводу можно строить лишь более или менее правдоподобные предположения. Из текста ноябрьской инструкции следует, что один из безымянных городов был основан «в большой волости в Тутаеве» (см. докум. 3). Но где она находилась понять сложно, т.к. ничего неизвестно о расположении марийских волостей на территории современной

Башкирии во второй половине XVI в. Впрочем, на территории Удмуртской Республики есть речка Тутайха, название которой можно увязать с именем Тутай. Она является правым притоком Камы и впадает в нее в районе поселка Тарасово. Возможно, название речки связано с тем, что она находилась «в большой волости в Тутаеве». Или же, может быть, ее название связано с тем, что в окрестностях речки находились либо охотничьи владения, либо «бобровые гоны», либо «бортные ужожаи» человека, от имени которого произошло название волости. Но это всего лишь гипотезы.

Итак, по-нашему мнению, известные из исторических источников военные походы полков князя Д.П. Елецкого и войск городских воевод из Казани и ее пригородов с «прибыльными людьми» против восставших марийцев следует считать разными военными операциями, а не одной и той же, как считается до сих пор. Д.П. Елецкий был послан в Закамье, чтобы подавить мятеж марийцев, «подавших» к Сибирскому ханству. Князь успешно справился с поставленной перед ним задачей. Чтобы закрепить власть Москвы на месте, полковые воеводы Д.П. Елецкий, Р.М. Пивовов и И.М. Барятинский основали безымянные города. По поводу того, где они находились в настоящее время можно строить только предположения. Казанские городские воеводы усмиряли восстание луговых марийцев, живших в междуречье Большой и Малой Кокшаг. Они, руководствуясь указом царя, в сентябре 1584 г. основали Царев город, а затем приступили к возведению Царевосанчурска, строительство которого было завершено в январе 1585 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Казанская история. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 194 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб.: , 1851. – XXV с., 1620 с.
3. Разрядная книга. 1475–1598 гг. – М.: Наука, 1966. 614 с.
4. *Акшиков А.Г.* Основание Царева города и поход князя Д.П. Елецкого // *Марийский архивный ежегодник*. – 2016. – С. 168–175.
5. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. 660 с.
6. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары: Чувашское книжн. изд-во, 1986. 456 с.
7. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. 345 с.
8. *Сануков К.Н.* Царевококшайск – Йошкар-Ола: основание и этапы истории // *Города Среднего Поволжья: история и современность*. – Йошкар-Ола, 2009. – С. 14–30.
9. *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.
10. *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // *Исторические записки*. Т. 10. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – С. 84, 94.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1. В разрядной записи за 1584 г. сообщается следующее: «Того же лета государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал послати воевод в казанской в летней поход на луговую черемису на три полки: В болшом полку околничий и воевода князь Дмитрий Петрович Елецкий да голова Микифор Чепчюгов. В передовом полку Роман Пивов да голова Федор Ельчанинов. В сторожевом полку князь Иван Борятинской да голова Василий Биркин»

Разрядная книга. 1475 – 1598 гг. – М.: Наука, 1966. – С. 346.

Документ 2. В другой редакции Разрядной книги в записи за 1584 г. говорится следующее: «Того же году июля в 20 день послал государь царь и великий князь Федор Ивановичи всеа Руси воевод своих в Казань, а велел им быть на три полки и воевать луговую черемису. И тогда были воеводы по полкам: в Большом полку окольничий и воевода Дмитрий Петрович Елецкой да Микифор Павлов сын Чепчюгов; в Передовом полку Роман Михайлов сын Пивов да Федор Ельчанинов; в Сторожевом полку князь Иван князь Михайлов сын Борятинской да Василий Биркин».

Цит. по: Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – С. 555.

Документ 3. 22 ноября 1584 г. в Посольском приказе отъезжающим в Речь Посполитую послам Ф.М. Троекурову и М.А. Безнину была дана инструкция о том, что отвечать на вопросы, которые могли бы им задать при дворе польского короля. В частности, на вопрос о состоянии дел в «Казанской земле» предлагалось отвечать следующее: «А нечто учнут говорити: Государя вашего воеводы ныне для чего были на Казанской земле? И послам говорити, что далние волости луговые, которые поддались к Сибири, учили было воровати, и государь наш посылал воевод своих князя Дмитрея Петровича Елецкого с товарищи те волости укрепити и воров сыскав перевешати. И государя нашего воеводы тех волостех изменников всех сыскав казнили, а в большой волости в Тутаеве, от которой все воровство ставилось, город поставили. И Казанская вся земля во всей государя нашего воле утвердилась, а ясаки платят государю нашему по-прежнему».

Цит. по: Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – С. 556.

Документ 4. В декабре 1584 г. отъезжающему в Священную Римскую империю посланнику Лукьяну Новосильцеву был написан наказ, в котором предписывалось, в частности, отвечать при дворе императора Рудольфа II на вопрос о состоянии дел в «Казанской земле» таким образом: «А нечто впросят про Казань и про Астарахань, как ныне Казань и Астарахань государю царю и великому князю служит? И Лукьяну говорити: Казань и Астарахань во всем в государя нашего воле, и ратные люди на службу ходят; а которые ясачные люди живут в Казанском уезде, и те государевым казанским воеводам ясаки платят и на государевы службы ходят, куды им на которого своего недруга государь велит ийти; а которые далние волости луговые стороны поддались к Сибири и учили были воровать, и государь наш посылал воевод своих, и государя нашего воеводы в тех волостях всех изменников, сыскав, казнили и города поставили для укрепления, и Казанская земля во всем в государя нашего воле утвердилась».

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1851. – Ст. 921, 922.

Документ 5. 10 февраля 1585 г. в Посольском приказе приставам Ивану Васильевичу Кобылину и Постнику Огареву, назначенным встречать прибывающего в Москву польско-литовского посланника, было дана инструкция, как отвечать на его возможные

вопросы. Касательно состояния дел в населенных марийцами землях в ней было написано следующее: «И нечто спросят, для чего государь сего лета в Казань рать свою посылал? Ивану и Постнику говорити: Поворовали было луговые люди и дани сполна давати не почали. И городовые воеводы ис Казани и ис пригороды казанских с прибыльными людьми войною на них ходили и воевали. И они, узнав свои вины, государю доби́ли челом, и дань дают по-прежнему. И в Луговой стороне велел государь поставити город, имя ему Царев город».

Цит. по: Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – С. 557.

Документ 6. В конце февраля 1585 г., для отбывающего в Речь Посполитую гонца Ивана Всевожского, был составлен наказ, о том, как отвечать на разные вопросы поляков. В нем говорилось следующее: «А нечто спросят: Для чего государь сего лета в Казань рать свою посылал? И Ивану говорити: Поворовали были луговые люди далние, дани сполна давати не почали и к воеводам в Казань и в пригороды в казанские ходить не почали. И государевы воеводы ис Казани и ис пригородов казанских с прибыльными людьми войною на них ходили и их воевали. И они, узнав свои вины, государю доби́ли челом, и дань дают по-прежнему. И в Луговой стороне велел государь поставити за то два города Царева». Под вторым городом подразумевается Царевосанчурск, основанный в 1585 г.

Цит. по: Бахтин А.Г. Марийский край в XIII – XVI веках. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – С. 557, 558.

Документ 7. «Того же году (1584 г. – А.А.) октября в 11 день приговорили бояре послать воевод в новый Царев город с нарядом и з запасы на три полки: в большом полку воеводы князь Иван Ондреевич Ноготков да князь Григорий Бельской; в передовом полку окольничей и воевода князь Иван Васильевич Гагин-Великого; в сторожевом полку князь Петр Михайлов, сын Шеховской. А как воеводы запасы и наряд привезут и бытии в Цареве городе воеводам князю Ивану Ондревичу Ноготкову да Михаилу Александровичу Нагово, а в городничих бытии Иваке Воейкову, а князю Ивану Гагину иттить в Казань, а князь Петра Шеховского и князь Григорья Бельского отпустить».

Разрядная книга. 1475 – 1605 гг. – Т. 3. – Ч. 2. – М.: Наука, 1987. – С. 47.

Документ 8. В другой редакции Разрядной книги в записи о назначении воевод в Царев город зафиксировано: «Лета 7093 (1584 г. – А.А.) ноября в 1 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал послати в новый Царев город с нарядом и с запасы на три полки:

В болшом полку воевода князь Иван Ондреевич Ноготков да голова князь Григорей Бельской.

В передовом полку воевода князь Иван Васильевич Гагин-Великого.

В сторожевом полку князь Петр Шеховской.

А как воеводы запасы и наряд в город привезут, и быти в Цареве городе воеводам князю Ивану Ноготкову да Михаилу Александровичу сыну Нагово; в городничих быти Звяге Воейкову; а князю Ивану Гагину итти в Казань; а князя Петра Шеховского да князя Григорья Бельского велено отпустить».

Разрядная книга. 1475 – 1598 гг. – М.: Наука, 1966. – С. 349.

Документ 9. В отрывке летописи начала XVII в., опубликованном М.Н. Тихомировым, в записи за 1584 г. сообщается: «...И поручи ему государю (царю Федору Ивановичу – А.А.) бог царство Сибирское и повеле на Тоболе град поставити в лето 7092 (1584 г. – А.А.). Того же году и в Черемисе Царев город».

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. – Т. 10. – М., 1941. – С. 94.

Alexander Akshikov

**TO THE QUESTION OF THE FOUNDATION
OF THE CITY OF YOSHKAR-OLA**

The article provides a new reading of the historical sources relevant to the question of the foundation of the city Yoshkar-Ola, in the past called Tsarev city, Tsarevokokshaisk. The author came to the conclusion that the city was founded by decree of Tsar Fyodor Ivanovich by policemen from the Governor of Kazan and the Kazan suburbs in September 1584. Prince D.P. Yeletskiy, who is currently considered the founder of the city; in fact, he did not founded this city. He went on a campaign against the rebels of Mari, who lived in Zakamye region, and built some nameless city there.

***Keywords:** Tsarev city Tsarevokokshaisk, Kazan land, Kazan district, Meadow Mari, Mari Zakamye, D.P. Yeletskiy, XVI century.*

С О О Б Щ Е Н И Я

Ольга Теуш
Екатеринбург

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КОМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА: ЛЕНСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: Сообщение посвящено севернорусским лексемам, выявленным в диалектах Ленского района Архангельской области в ходе полевых работ Топонимической экспедиции Уральского университета. Рассматриваются слова, не фиксировавшиеся ранее на обозначенной территории. Предлагаются этимологии лексем, описывается их фонетическая и семантическая адаптация.

Ключевые слова: русский язык, язык коми, лексика, диалект, этимология, адаптация.

Новые материалы, полученные в результате полевых работ Топонимической экспедиции Уральского университета в Ленском районе Архангельской области, позволяют расширить имеющиеся представления о коми влиянии на севернорусскую диалектную лексику, а также внести коррективы в представленные в научном обороте данные и существующие этимологии. В сообщении рассматриваются лексемы коми происхождения: а) впервые зафиксированные в результате полевых сборов; б) отмеченные ранее либо в ином фонетическом облике, либо имеющие семантические отличия от предшествующих данных, либо как бытующие на других территориях; в) фиксировавшиеся в XIX в. и пока не подтвержденные современными источниками; г) известные, но не рассматривавшиеся в качестве коми заимствований; д) позволяющие уточнить предложенные ранее этимологии.

Зиб ‘вершина горы’, ‘высокая гора’.

< Коми: *дзиб(-й-)* ‘возвышенность, холм, горка’, *дзиб йыв* ‘вершина холма’ [1, с. 178], скр. *дзиб йыв*, нв. *дзиб йив*, вв., печ. *дзиб йил*, вв., вым. *дзиб йыы*, лл. *дзиб* ‘верхушка возвышения, гребень (холма, горы)’, ‘выпуклость щеки’ [2, с. 103]. Коми *дзиб* ‘возвышенность, холм, горка’ является исконным по

происхождению [3, с. 90]. Палатальная аффриката *дз*, нехарактерная для русского языка, закономерно упростилась в *з*, ср.: *зелина* ‘прут, тонкая дранка, используемая для плетения’ < коми *дзав*, *дзал* ‘дранка, дрань’ [4, с. 118].

Лабда́ ‘топкое, грязное место на болоте’, ‘болотная грязь’, *лобда́* ‘окно воды в болоте’, *лябда* ‘топкое болотистое место’, ср.: *ла́бда* ‘подмытый берег реки, где любят гнездиться выдры и норки’ (Прикам.) [5, т. 16, с. 214].

< Коми *лабда* ‘корни вывернутых деревьев’, диал. ‘низинный высокий ельник’ [1, с. 342], вс., вым., л., сс. *лабда* ‘корни вывернутых деревьев в воде’, л. ‘дикое, трудно проходимое сырое место, поросшее густыми елями’ [2, с. 191]. Коми *лабда* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки, поросшее кустарником’, *лабжа* ‘низина’ являются общепермскими по происхождению и сопоставляются под «?» с фин. *lampi* ‘пруд, лесное озеро’ [3, с. 156]. С тем же источником связывают *ла́вда* ‘плавучий остров’ (сиб., урал., перм.), ‘топкое место, зыбун, трясина’ (перм., урал.), *ла́бза* ‘топкое место, зыбун; трясина, болото’ (тобол., новос., том., перм.) и *ла́бжа* ‘низина’ (ср.-урал.) [6, с. 28; 7, с. 348–349]. Новые данные фонетически наиболее близки к коми языку.

Ла́домость, ла́домость ‘глубокая яма, провал, рывина’, *как в ла́домость упасть, как в ла́домость упасть* ‘как сквозь землю провалиться’, *как в ла́домость провалиться, как в ла́домость провалиться* ‘то же’.

< ? Коми: *ладзмес* ‘пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)’ [2, с. 191], лет. *лядз*, вв. *лядзмес* ‘то же’ [2, с. 11], нв. *лажмӧс* ‘низкий, низменный; отлогий, пологий, покатый’ [2, с. 192]. Несоответствия в фонетике могут объясняться русской адаптацией сложной консонантной группы *дзм* или же утратой фрикативного компонента аффрикаты *дз*, что свойственно некоторым коми диалектам [2, с. 457].

Но́рос ‘высокий берег на повороте реки’, ‘высохший водоем с топкой илистой почвой’, ‘топкое место на болоте’.

< Коми: *но́рыс* ‘возвышенность, холм’, ‘бугор, пригорок, кряж’, *ю но́рыс* ‘высокий берег реки’ [1, с. 195], скр., сс. *но́рыс*, вв. *но́рис* ‘небольшая возвышенность, холмик, бугор, увал’, уд. *но́рыс*, лет. *но́рӧс* ‘излучина, крутой поворот, изгиб (реки)’ [2, с. 246]. Общепермское слово (< **nõris*), ср. кя. *нэ́рис* и *но́рис* ‘возвышенность, холм’, ‘бугор, пригорок, кряж’ с соответствиями в манс. [3, с. 195]. Второе и третье значения русского слова зафиксированы единично и, скорее всего, являются либо ошибкой собирателя, либо отражают неуверенное знание информантом реалии.

Ны́лем ‘ключ, заваленный валежником’, ср.: *ны́лем* ‘скользкий берег после спада или спуска воды’ (Арх.: Вил.) [8].

< Коми: *ны́лӧм* ‘жиропот (на овечей шерсти)’, ‘влажный налет (напр., на окнах)’, ‘пот’, ‘испарина’ [1, с. 443], вс., вым., л., лет., печ., скр., сс. *ны́лӧм*, вв., иж. *ны́лэм*, нв., уд. *нилӧм* ‘пот, испарина’, вс., л., лет., печ., скр., сс. *ны́лӧм*, вв. *ны́лэм*, л. *ны́лым* ‘органическая грязь в немытой шерсти’ [2, с. 250], л. *ны́лым*, *ны́лӧм* ‘слизь (у рыб на чешуе)’ [2, с. 399]. Общепермское слово (ср. удм.

нюлам ‘пот’, ‘осадок на окне’) с соответствиями в мар. *ноло* ‘влажный’, ‘слизь’, ‘опрелость, мокрота’ и морд. мокш. *навла* ‘слизь’, *наволемс* ‘сопреть’, эрз. *наволо* ‘то же’ [3, с. 199]. Географическая семантика русского слова заставляет предполагать незафиксированное промежуточное значение *‘почвенная влага, грязь’.

Пóдчек ‘участок леса, выжженный под поле для льна’, ср. *пóдчек*, *пóдчека* ‘вырубка леса под пашню’ (Киров.), *пóдчека* ‘расчищенное под пашню место, подсека’ (Вят., Киров.) [5, т. 28, с. 247].

< Коми: уд. *потчек* ‘подсека, рощисть’, ср. нв. *подсек* [2, с. 389]; иж. *пöчэха* ‘то же’ [25, с. 301] (< русск. подсека). Предположение об обратном заимствовании вятских слов из коми было высказано С.А. Мызниковым [9, с. 168–169].

Сёрт ‘труднопроходимое место в лесу с буреломом’.

< Коми: *сьóрт* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки’ [1, с. 627], вв., вым., нв., печ., сс., уд. *сьóрт* ‘речная долина с густым еловым лесом’ [2, с. 357], *сьóрд* ‘лес’, которые имеют обско-угорские соответствия, ср. манс. *sori*, *sar-*, *sår-* ‘седловина между двумя вершинами гор’, ‘перемычка между двумя болотами’ [3, с. 271], скр. *сёрд* ‘лес позади полей’, кя. *s'ord* ‘задняя часть какой-нибудь площади’ при общек. **s'ord* [3, с. 253]. Коми лексемы восходят к *сьóр* ‘центр, средоточие, середина’, исходное значение реконструируется как ‘то, что в середине (в седловине, в долине реки)’, ‘то, что между двумя предметами’ [3, с. 271].

Ты́кала, *ты́кало* ‘пересыхающий заболочиваемый залив’, ‘озеро с заболоченной водой’, *ты́колаы* ‘топкое болото’, ‘рукав реки’, ‘пересыхающая старица’, ‘окно воды в болоте’, ‘засохшее болото’, ср.: *ты́кола* ‘озерное место’ (Влг) [10, с. 234], ‘многоозерное, озеристое место’ (Влг) [10, т. 4, с. 447].

На «зырянское» происхождение слова указывал В. И. Даль [10, т. 4, с. 447]. Источником заимствования является коми вым., нв., скр., уд. *ты́кола*, вв., печ., уд. *ты́кола*, иж. *ты́кела* ‘небольшое озерко; сырое заболоченное место (на старицах, вокруг озера) с небольшими озерками’ [2, с. 389], лет. *tj-kol* ‘мелкий залив’, ‘старое русло реки’, *tj-kęla* ‘низина, куда весной заходит вода’, крч. *tj-kola* ‘заболочивающееся озеро’, нв., уд. *tj-kęla* ‘озерко’, нв. *tj-kęla* ‘маленький залив в озере’, печ. *tj-kola* ‘маленькое лесное озеро’ [3, с. 140]. Коми лексема является сложным словом: состоит из *ты* ‘озеро’ [3, с. 292] и второго фонетически варьирующегося по диалектам компонента *кóла*, < *kęla* ‘маленький залив в озере или старице’, < общек. **kól-* ‘маленький залив, маленькое озеро’, < доперм. **kǝl̥s-* ‘маленькое озеро, залив’ [3, с. 140]. Этимологию см. в [12, с. 40].

Выявленные в диалектах Ленского района Архангельской области коми заимствования по большей части представляют русский диалектный материал, не фиксировавшийся ранее в лексикографических источниках. С точки зрения семантики – это географическая лексика, в большинстве случаев номинирующая специфические реалии северного ландшафта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь. – Сыктывкар, 2000. 811 с.
2. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961. 491 с.
3. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970. 386 с.
4. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А–И. – Екатеринбург, 2004. 142 с.
5. Словарь русских народных говоров. М.; Л., – СПб., 1965–. Вып. 1–. 302 с.
6. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959. 100 с.
7. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск, 2000. 772 с.
8. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета).
9. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб, 2004. 492 с.
10. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. 300 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.
12. Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. – Helsinki, 1927. S. 1–56.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Языки и диалекты

вв.	– верхневыхегодский диалект коми-зырянского языка
вс.	– верхнесыольский диалект коми-зырянского языка
вым.	– вымский диалект коми-зырянского языка
доперм.	– допермское
иж.	– ижемский диалект коми-зырянского языка
л.	– лузский диалект коми-зырянского языка
лет.	– летский диалект коми-зырянского языка
лл.	– лузско-летский диалект коми-зырянского языка
манс.	– мансийский язык
мар.	– марийский язык
мокш.	– мокша-мордовский язык
морд.	– мордовский язык
нв.	– нижневыхегодский диалект коми-зырянского языка
общек.	– общекоми
печ.	– печорский диалект коми-зырянского языка
русск.	– русский язык
скр.	– присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сс.	– среднесыольский диалект коми-зырянского языка
уд.	– удорский диалект коми-зырянского языка
удм.	– удмуртский язык
фин.	– финский язык
эрз.	– эрзя-мордовский язык

2. Географические пометы

Арх.	– Архангельская область
------	-------------------------

Вил.	– Вилегодский район Архангельской области
Вят.	– Вятская губерния
Киров.	– Кировская область
новос.	– новосибирское
перм.	– пермское
Прикам.	– Прикамье
сиб.	– сибирское
ср.-урал.	– среднеуральское
тобол.	– тобольское
том.	– томское
урал.	– уральское
3. Прочие	
в.	– век
диал.	– диалектное
см.	– смотри
ср.	– сравни

Olga Teush

**NEW MATERIALS ON KOMI LOANS IN THE GEOGRAPHICAL
TERMINOLOGY OF THE RUSSIAN NORTH: LENSKIY DISTRICT
OF ARKHANGELSK REGION**

The article is devoted to the Northern Russian lexemes identified in the dialects of Lenskiy district of the Arkhangelsk region in the field of Toponymic expedition of the Ural University. The words that had not been seen previously in the designated area are discussed. The etymology of lexical items is assumed, their phonetic and semantic adaptations are described.

***Key words:** the Russian language, the Komi language, vocabulary, dialect, etymology, adaptation.*

Ярослав Пилипчук
Киев

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ФИННОВ И КАРЕЛ

Аннотация: В данном сообщении раскрываются особенности военной истории некоторых прибалтийско-финских народов – карел, финнов (хяме и суоми). Тактика карел была типичной для своего региона. Они совершали морские набеги, которые были стремительны как походы викингов. Сухопутные операции также отмечались быстротой и в основном были вызваны соперничеством с квенами и норвежцами за торговлю мехами и дань с саамов. Походы карел на Норвегию и Швецию не согласовывались с Новгородом. Общие операции с новгородцами и другими прибалтийско-финскими народами осуществлялись в случае войны против Хяме, Суоми и Тевтонского Ордена. Первые два шведских похода по сути не были крестовыми походами, а преследовали цель покорения племен суоми и хяме. Третий шведский крестовый поход был направлен на подчинение Карелии, что удалось лишь частично. Тактика Хяме походила на карельскую. Они совершали нападения на лодках с моря, озер и рек. Для Хяме и Суоми был характерен приблизительно тот же комплекс оружия, что и для карел, то есть меч, топор, копье, лук со стрелами. Основными противниками Хяме были карелы и новгородцы. Покорение шведами земель хяме можно датировать 1249 г. Поход шведов в устье Невы был осуществлен Ульфом Фаси и епископом Томасом, а не Биргером ярлом. Покорение шведами земель суоми можно датировать началом XIII в. Третий шведский крестовый поход был целой серией событий конца XIII в.

Ключевые слова: карелы, суоми, хяме, финны, Швеция, Новгород, прибалтийско-финские народы, военное искусство.

Одним из интереснейших аспектов военной истории Восточной Европы является история балтийско-финских народов. В данном сообщении раскрываются особенности военной и этнополитической истории прибалтийско-финских народов в период эпохи викингов и крестовых походов. Наиболее изученным аспектом в этом отношении является военное дело карел. В советское время историей карел занимались С. Гадзяцкий, Д. Бубрих, И. Шаскольский, В. Седов [1; 2; 3; 4; 5]. В современной России историю карел исследуют С. Титов, С. Кочуркина и А. Сакса [6; 7; 8; 9; 10; 11]. В финской

историографии этим вопросом занимались П. Уйно, А. Койвисто и Ю. Корпела [12; 13; 14; 15; 16]. Вопросами истории завоевания шведами Финляндии и Карелии занимаются европейские исследователи Д. Кристиансен, Ф. Лине, Д. Линд [17; 18; 19]. Истории хяме посвящены статьи А. Кузнецова [20; 21], Д. Хрусталева и П. Аалто [22; 23; 24]. История суоми интересовала О. Прицака, П. Виранкоски, В. Напольских, А. Эрви-Эско [25; 26; 27; 28].

Одним из самых воинственных народов Севера были карелы. Самоназванием этого народа было *karjalaizet*, финны же называли их *karjalaiset*. При этом у прионежских карел самоназвание было *lüüdiläine* (людики), а у олонечских карелов *livvikoi* (ливвики). Северные карелы называли людиков *vepsä* из-за вепского компонента в их этногенезе. Людики же называли северных карелов *lappi*, указывая на участие в их формировании саамов. Скандинавы называли карелов *kirjalar/karialar*, а их страну *Kirjalar*. Торговая деятельность карелов распространялась от Новгорода до Ботнического залива [27, с. 6–7, 14–16; 25, с. 556–557].

Вооружение карел состояло из меча, копья, топора. На территории Карелии находили каролингские мечи. Для богатых карел мечи украшались серебром или позолотой. Мечи были обоюдоострыми, а копья аналогичны древнерусским. Наконечники стрел представлены срезнями, черешковыми и ромбическими, а также гранеными черешковидными броневойными. Броневойные наконечники были необходимы для того, чтобы противостоять шведам. Позже появились арбалеты. Топор был широко распространенным оружием как пеших рядовых воинов, так и конницы. В погребениях карел найдено пять мечей длиной около метра. Также нашли тридцать наконечников копий. Это были копья с ланцетовидным наконечником и узкие наконечники, предназначенные как для охоты, так и для боя. Среди наконечников стрел найдены только черешковые. Также найдено много топоров разных типов. Типы топоров были аналогичны распространенным в Восточной и Центральной Европе в это время. В договорах Новгорода с Готским берегом русские предупреждали, что не могут гарантировать безопасность купцам в землях карел [7; 11, с. 97–102; 6, с. 64–152].

Мечи карел и финнов обычно делят на мечи эпохи викингов и мечи эпохи крестовых походов. К эпохе викингов относятся 11 мечей. Мечи эпохи крестовых походов характеризуются трехчастным навершием, основания навершия и перекрестия изогнуты для того, чтобы оружие было удобным в ближнем бою. Это оружие поступало из Восточной Европы и Прибалтики (той части которую населяли балты). Мечи с латинскими надписями, вероятно, производились в Германии. В Прибалтике эти мечи снабжались балтскими рукоятями. Мечи с линзовидным навершием и длинным перекрестием производились в Западной Европе. На них найдены надписи, созданные европейскими мастерами, производившими мечи. Также встречались мечи с дисковидным навершием и прямым стержневидным перекрестьем, которые обычно изготовляли для

европейских рыцарей. Был найден и меч с шарообразным навершием, который был удобен для манипулирования им в бою. Карелы снабжались привозными мечами.

Необходимо сказать, что Финляндия ощутила территориальные изменения в эпоху викингов. Аландские острова были полностью заняты шведами. В связи с набегами викингов прекратили существование и поселения в западной Уусимаа на Карье около 800 г. Южное побережье Финляндии в сагах о Ньялее и Святом Олафе называлось Балагарсиддом. В упадок пришли районы Острботнии, которые до того активно развивались. В Финляндии появились англо-саксонские, немецкие и арабские монеты. Вдоль восточного пути суоми, хяме и карелы также активно торговали в районе полуострова Ханко, Порккалы и островов в Финском заливе. Также они торговали с восточными финскими народами. Так, в Финляндии найдены изделия, произведенные в Пермском Предуралье и Прикамье. В финском эпосе это время отмечено как война стран Калева и Похйолы. В район озер Миккели проникает финское племя хяме. Западнофинское население проникает в район Ладоги. Также западные финны и карелы начали проникать в регионы, где раньше жили саамы. Карелы, хяме и суоми активно обживали внутренние районы Финляндии [29; 30, р. 470–482; 6, с. 71–92].

В народном эпосе финнов «Калевала» отмечена эпоха, когда финны и карелы расселялись на север. Естественно, в сказаниях нет точной датировки, однако О. Прицак предполагает, что это происходило уже в 800–1200 гг. Карелы наступали на север от Ладоги. Карелы взяли под свой контроль торговый путь от Ладожского озера до Ботнического залива. Балтийские финны активно взаимодействовали и со славянами, что было обусловлено экспансией славян и их аккультурацией среди местного прибалтийского населения. Так, в IX в. в рамках государства Русь славяне активно с вепсами, а в XII–XIII вв. Новгород взаимодействовал с карелами. Инфильтрация славян по археологическим данным в эпоху викингов достигала Карельского перешейка и северного берега озера Ладоги. В связи с этим неудивительно заимствование финнами у славян слов, обозначающих земледелие, дом, христианство, одежду, рабочий инвентарь, рыболовство, общество, еду, торговлю. П. Уйно датирует время заимствования VIII в. Язык, в который они проникли, называется финскими учеными восточным прото-финским или протоладожским. Однако гидронимия региона Приладожья была почти исключительно финской. Финский субстрат ощущался и в новгородском диалекте. Местное население до прихода славян занималось рыболовством. Керамика делалась вручную без гончарного круга. Поселение Старая Ладога было в окружении финского населения, что однако не исключало присутствия славян, которое обозначено поселением Любша. Старой Ладогой правили скандинавы, которые были связаны торговыми связями с западом, обоснование скандинавов в этом регионе позволило им путешествовать по путям «Из варяг в греки» и по Великому Волжскому пути.

Процесс взаимодействия славян и финнов был обоюдным и наблюдалась конвергенция. Так, в Новгороде находили финскую керамику. Кроме того, там были Неревский и Людинский концы. Людин конец можно связать с карелами-людиками. Карельские вещи находились на всех концах Новгорода. Кроме того, среди берестяных грамот найдена одна финская, написанная кириллицей (по мнению Е.Хелимского, заклинание), а карельских грамот было обнаружено восемь. Нужно сказать, что предшественник Новгорода – Рюриково городище – также имело финский компонент [30; 25, с. 548–549; 11, с. 343–352; 2; 13, р. 356–357, 359–369; 31; 32; 33; 8, с. 272–275].

Впервые о карелах славянские источники заговорили достаточно поздно. Корела была упомянута в контексте противостояния Новгорода и Хяме в 1143 г. Позже карелы займут важное место в конфликтах между новгородцами и шведами. Корела пользовалась широкой автономией в составе Новгородской Республики. С появлением новгородских и немецких купцов языческая северная ориентация покойников в захоронениях была заменена на христианскую западную. Нужно сказать, что христианство среди прибалтийских финнов активно распространялось благодаря английским и скандинавским проповедникам. Среди населения Корелы было и иноэтничное население (эсты, захваченные в рабство) [18, р. 85–88; 7; 15; 14; 32; 36].

Пожалуй, самым известным эпизодом истории прибалтийско-финских народов являлось нападение на Сигтуну. В «Хронике Эрика» сказано, что карелы наносили большой урон шведам. Отмечалось, что их походам не мешали штормы и они доходили до озера Меларен. Шхерами они дошли до Сигтуны и сожгли ее. Олай Петри, Лаврентий Петри, Юхан Магнус и Йоханес Мессениус называли напавших эстами (эстонцами). В различных источниках указывается, архиепископ Уппсалы Иоанн погиб от рук язычников у Альмарнум, и те же сожгли Сигтуну в августе 1187 г.

Олай Петри и Лаврентий Петри приняли язычников не за карел, а за эстонцев. Олай Петри говорил, что ингры, эсты и русские то и дело проникали в озеро Меларен, а посему Биргер ярл приказал соорудить Стокгольм. Йоханн Лоцений считал, что на Сигтуну нападали эсты, карелы и русские. Йоханнес Мессений упоминал об эстах и куршах. В 1198 г. новгородцы напали и взяли город Або (Турку) в шведской части Финляндии [3; 22, с. 154–155; 26, s. 67; 39, s. 40, 84; 39, s. 49; 40, с. 56; 41, s. 43; 42, s. 13, 107].

В «Истории Норвегии» монаха Теодорика отмечено, что во времена хрониста (XII в.) на северо-восток от Норвегии живут кирьялы, квены (финно-скандинавское население Ботнии), рогатые финны (саамы). В «Легендарной Саге о Олафе Святом» сказано, что через Кирьяланд Олаф добрался в Гардарики. В саге «Красивая кожа» также сказано об этом. Снорри Стурлусон говорил, что конунг Уппсалы Эйрик покорил Финнланд, Кирьялаланд, Эйстланд (Эстония в целом) и Курланд (земля куршей). В «Саге о Эгиле Скалагримсоне» написано, что конунг квенов Фаравид просил Торольва прийти на помощь,

поскольку кирьялы победили его. Квенов было три сотни, а норвежцев была четвертая сотня и они напали на карел, которые находились вверху на горе. Они нанесли поражение карелам. Потом Торольв и Фаравид совершили нападение на Кирьяланд. Снорри Стурлусон вспоминал, что когда-то Эйрик конунг Уппсалы покорил Финнланд, Кирьялаланд, Эйстланд, Курланд. В «Саге о Хальфдане сыне Эйстейна» сказано, что Грим правил и в Кирьялботнаре. Хальфдан и Харек не нашли его в этой стране. В Кирьялботнар отправили Свиды Смелого в нападении, где он должен был стать хёвдингом и владеть землями ярла Скули. Позже Валь убил Свиды и завладел Кирьялботнаром. В «Саге о Оде Стреле» сказано, что в Новгороде собралось большое войско, куда также входили войска из Кирьялаланда, Реваланда (эстонский мааконд Ревеле), Вирланда (эстонский мааконд Вирумаа), Эйстланда, Ливланда (земля ливов). В древнескандинавском сочинении «Какие земли лежат в мире» упомянуты Кирьяла, Ревала, Тавейстланд (Хяме), Вирланд, Эйстланд, Ливланд. В «Описании земли III» в Европе упомянут Кирьяланд. В «Фрагменте о древних конунгах» упоминалось, что конунг Ивар приходил в Кирьялботнар. С этой земли начиналось королевство Радбарда. В середине XIII в. согласно данным Стурлы Тодарсона в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» было сказано, что правитель русских и норвежский король договорились между собой. Русский правитель обязывался не допускать нападений финнов (саамов) и карел на норвежские земли. В исландских анналах сохранился ряд данных об их нападениях на Норвегию. В 1271 г. карелы и квены совершили большие опустошения в Халогаланде. В 1279 г. карелы схватили Торберна Скени, управляющего конунга Магнуса и убили тридцать человек. В 1296 г. господин Торсгиль разбил карел и две части их крестил. В 1302 г. на Норвегию с севера напали карелы и Эгмунд Унгаданц воевал против них. При этом в источниках повторяются сообщения, что карел заставляли на горах. Карелы селились на возвышенностях и через сигнальные башни передавали информацию. В землях саамов карелы основывали свои крепости для того, чтобы удачно конкурировать с норвежцами. После побед над квенами и норвежцами карелы получали большое количество мехов горностая, бобра, соболя, куницы. В «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» Адам Бременский упоминал о стране женщин. Он неправильно перевел древнескандинавское *Kvenir* как женщины, а не как квены [43; 36; 44; 45; 11, с. 315–319; 46].

Экспансия привела карел на побережье Ботнического залива. В зону влияния Новгорода попала Южная Лапландия. Археологические исследования дают возможность говорить о продвижении карел в зону шведской Лапландии. Часто финны, квены и норвежцы нападали на карел. Карелы жили в основном на селищах на каменистых возвышенностях, где строились крепости из дерева. В XII–XIV вв. карелы начали ограждать свои селища каменными стенами. Политическими центрами Карелы были несомненно города Кяки-сялми (Корела) и Тиури (Тиверский городок). Тиури возник значительно

позже, чем Кякисялми. Дендрохронологические данные позволяют датировать существование Корелы от 1184 г. до времени приблизительно 1332–1420 гг. Первоначально Корела была городищем карел и была центром средневековой Корелы. Городище находилось на речке Вуокса. Местное население, кроме рыболовства, занималось ремеслами, торговлей и земледелием. Возникновение у карел городищ обозначило важную веху – образование Корельской земли. Ее население было нацелено на торговую и военную экспансию. Для защиты от Хяме на речке Вуокса у карел строились более хорошо укрепленные городища. Корела находилась на важном перекрестке торговых путей. В 800–1000 гг. там торговали скандинавские викинги. В 1000–1150 гг. с Новгородом начали торговать готландцы, а с 1150 г. – немцы. Сами карелы поставляли меха в Ладогу и Новгород. В Новгороде карельские грамоты датируются периодом 1100–1300 гг. Карельские купцы благодаря торговле богатели и их погребения были с богатым инвентарем.

Куда приходили купцы, туда рано или поздно приходят проповедники. Карелия была посередине пути из Швеции в Новгород и шведы хотели контролировать этот путь. В Карелию с запада проникали католические проповедники. Отобразилась христианизация и в археологических находках. Из 87 погребений в 11 были обнаружены вещи с христианской символикой. Это подвески в форме креста и броши с орнаментом в форме креста. Умерших хоронили по обряду ингумации в эпоху крестовых походов (XII–XIV вв.). Погребения с языческой ориентацией на север сменились христианской западной ориентацией в конце XIV в. Карелы контактировали с христианским миром и часть из них принимала христианство, но христианство у карел было синкретичным. Язычество долгое время не было изжито, и у карел, и у финнов было двоеверие. Финский мыслитель Михаэль Агрикола указывал, что было 12 карельских и 12 финских богов. Язычники поклонялись богам Укко, Рауни, Пелонпекко, Вираннканос, Егрес, Кондос, Хийси, Ведхенеме, Нюкрес. По сведениям русских церковных иерархов, карелы продолжали поклоняться лесам, камням, солнцу, луне, звездам, холмам, а также приносили им в жертву животных. Из христианских святых особую популярность приобрел святой Илья. В карело-финском эпосе было много нехристианских персонажей. В эпосе смешивались языческие и христианские представления. В 1137 г. в землях карел были установлены погосты для взывания дани. Ее платили люди, жившие вокруг озер Ладога и Онега, а также реки Свирь. В 1216 г. Семен Петрилович уже брал дань с Терского берега. В 1227 г. Ярослав Всеволодович совершил рейд в Карелию, что обусловило зависимость от Новгородской республики всей Корельской земли. В 1278 г. русские под командованием Дмитрия Александровича снова воевали в Карелии. П. Лиги считал, что элита карел была христианизирована в XI–XIII вв. [5; 11, с. 164–277, 320–342; 47, р. 215; 48, с. 117–130; 14, р. 167–176; 15, р. 111–114; 16, р. 21, 23–26, 47–56, 105–106; 33; 8, с. 242–243, 255–258].

И. Шаскольский считал, что квены (каяне) составляли особенную группу населения в подвластной новгородцам Приботнии. В. Напольских считает их группой смешанного финно-скандинавского населения. Квены были известны Адаму Бременскому, также упоминались в норвежских исторических сочинениях и сагах. Скандинавы знали их как *Kvenir*. В сочинении норвежского автора XII в. Николаса Бергссона упомянуто о двух Квенландах. В «Истории Норвегии» сказано, что на восток от Норвегии живут язычники карелы и квены. В «Северном Таттре» указано, что Сигурд защитил свою страну от набегов куров (куршей) и квеннов. В «Саге о Финнмарке» упомянуто, что Торольф путешествовал с сотней людей и, что он пошел на восток в Квенланд, где встретил короля квеннов Фаравида. В «Саге о Эгиле Скларагримсоне» сказано, что Кирьяланд восточнее, чем Финнмарк, а Финнмарк восточнее, чем Квенланд. Сказано, что квены активно торгуют в землях саамов. В «Орозии короля Альфреда» Вульфстан указывал, что квены живут около Ботнического залива. Этот этноним упомянут в форме *Swenas*. Около 1056 г. шведский принц Анунд воевал против квеннов. Йоханнес Мессениус сообщал, что этот принц погиб в битве против квеннов со всей дружиной. Следует отметить, что и сейчас в Норвегии проживает этот финский субэтнос [25, с. 553–555; 44; 49; 27, с. 11–12; 50; 36].

Первый шведский крестовый поход является гипотетическим. Однако некоторые ученые, как К. Гретенфельт и Р. Йохансен, верят в его реальность. Данные о нем содержатся в «Житие Святого Эрика», составленном в конце XIII в., и «Шведской хронике» Олая Петри. С. Тунберг указывал, что в «Житии Святого Эрика» соединены факты, вымыслы и агиографические клише. Э. Кристенсен указывал, что Первым шведским крестовым походом стоит считать целую серию рейдов шведских войск. Установление христианства в Финляндии он считает результатом датских крестовых походов в 1191 и 1202 гг. Т. Линдквист выступал против возможности этого. С ним соглашался Р. Йохансен. Сообщалось, что король основал Або (Турку), назначил туда епископа. В Новгородской Первой летописи зафиксировано, что 60 шведских шнеков во главе с епископом напали на три новгородских корабля и находились вблизи от финского побережья в 1142 г. Вероятно, и эта кампания может быть интерпретирована как первый шведский крестовый поход. Однако, кроме военного давления, использовались и мирные способы влияния. Первые миссионеры появились в Финляндии в 70-х гг. XI в. Их возглавлял Иоанн из Бирки. В шведских рунических надписях на камнях упоминалась страна *Finnland*. В 1123 г. в флорентийском документе упоминалась епископия *Findia*. Название *Finlandia* для обозначения территорий с финским населением впервые употребил Марино Санудо в своей карте мира. Потом это название переняли шведы. Обращением в христианство финских племен (суоми и хяме) занимались католические миссионеры. Один из них – епископ англичанин Генри около 1157 г. нашел свою смерть на льду Кёйллиё от руки финна Лалли. Человек с таким именем упоминается в собрании финских

песен – «Кантелетар». Католичество было принято под давлением со стороны христиан-шведов. Судьбе же Генри было посвящено «Житие и Чудо Святого Генриха». Олай Петри указывал, что король Эрик, когда был избран, решил распространить христианство в Финляндии и двинулся во главе войска вместе с уппсальским епископом Генрихом. Он нанес поражение финнам в битве. Генриху он приказал проповедовать христианство среди финнов и оставил его в Финляндии епископом. Всего через год после похода Генрих был убит финнами. В позднем финском историческом сочинении Йоханнес Мессениус датировал поход 1154 г. и сообщал, что Эрик Святой и уппсальский епископ затеяли крестовый поход. Финнам предлагалось признать власть короля и принять христианство, но те отказались от этого и дали бой. Они были побеждены, но еще не скоро война закончилась, пока край не оскудел людьми. После этого финны покорились. Полулегендарный первый шведский крестовый поход в Финляндию Г. Мейнандер и А. Эря-Эко датировали 1155 г. Д. Хрусталева считает датой похода 1157 г. Дж. Линд полагал, что к Первым шведским походам относятся кампании 50–60-х гг. XII в. Р. Йохансен датировал его 50-ми гг. XII в. А. Эря-Эско предполагал, что легенда о гибели епископа Генри неисторична и археологические исследования указывают на то, что в районе Эура-Кейлиё было достаточно людей, чтобы организовать сопротивление и нанести поражение захватчикам. Однако, уже с середины XI в. обряд кремации у финнов заменяется ингумацией. Христианство не вытесняет, а сосуществует с язычеством [25, с. 545–550, 552, 554–555; 18, р. 81–83, 97; 22, с. 153–154; 26, с. 65–66; 51, с. 212–213; 52; 40, с. 47; 39, с. 270–277, 331–343; 50; 28; 19; 53; 54; 55, р. 14–19; 17].

Римский Папа Александр III в письме от 1171 г. указывал, что шведская власть утвердилась в Финляндии. Отмечалось, что финны обращены в христианство под угрозой вторжения, однако были готовы от него отречься, как только угроза для них исчезла. В письме от 1216 г. Папа Иннокентий III писал, что финские земли были отняты предками Эрика Кнутсона у язычников. В 1193 г. Кнут Эриксон совершил поход для того, чтобы распространить влияние католической церкви на востоке. Это было зафиксировано в папском письме. Экспедицией командовал Эрик Эдвардсон. Вероятно, эта его кампания и запомнилась как первый крестовый шведский поход. Для обращения Хяме в католичество в 20-х гг. XIII в. было создано самостоятельное Финское епископство. Возглавлял его англичанин епископ Томас.

Страна племени Хяме была известна в шведских рунических надписях как Тавастланд. На руническом камне из Гастрикланда указывалось, что викинги совершили рейд в страну Тафсталонти. Русские называли ее Емь, сами же финны называли ее по самоназванию – Хяме (Häme). В 1042 г. Ярослав совершил поход на Хяме. В 1123 г. новгородцы во главе с Всеволодом воевали против Хяме и победили их. Также отмечается конфликт в 1142 г., тогда хяме пришли в

новгородские земли Новгорода, но проиграли бой у Ладоги и потеряли четыре сотни воинов. В 1143 г. карелы совершили набег на земли Хяме. В 1149 г. хяме организовали нападение в ответ. Однако, новгородцы вместе с водью их разгромили и преследовали. Целью похода хяме было завоевание води. Войско новгородцев насчитывало 500 человек, а сколько было води неизвестно. Хяме потеряли все войско – около тысячи человек. В 1178 г. карелы совершили поход на шведские владения в Финляндии и от их рук погиб второй финский епископ Родульф. В 1186 г. новгородцы Вышаты Васильича совершили рейд на Хяме и вернулись с добычей. В 1191 г. новгородцы и карелы ходили походом на Хяме и уничтожали даже скот врага. Согласно «Хронике епископов Финляндских» Паави Юстена, в 1198 г. новгородцы сожгли Або. Во время этих событий погиб третий финский епископ Фольквин. В 1226 или 1227 гг. Ярослав во главе с новгородцами ходил походом на Хяме. В 1228 г. Хяме совершили нападение на Ладогу, но были разбиты. Новгородцы собрали войско и отправили его на судах во главе с князем. Посадник Ладоги Владислав дал бой, не дожидаясь новгородцев. Одна из ночных атак была результативной. Хяме бежали, бросив полон. По следам Хяме двинулись воины из Ижоры и многих перебили, а кто уцелел, того добивала корела. Летописец считал, что погибло около 2 тыс., а то и больше. Под 1240г. в Новгородской Первой летописи сказано об участии хяме и суоми в составе войск шведов. Собственно эта информация была в описании «Жития Александра Невского», которое было вставлено в Новгородскую Первую и Лаврентьевскую летописи [27, с. 10; 51, с. 21, 26–28, 38–39, 205–206, 212–215, 228, 230–231, 270–272, 291–295, 327; 52; 57; 16, р.20, 150; 20; 21; 6, 165–170].

В «Хронике Эрика» при описании второго шведского крестового похода отмечено, что шведский король собрал войско со всей страны – рыцарей и бондов. Войско возглавил Биргер ярл, который командовал вооруженным войском, и несмотря на то, что язычники Тавастланда были готовы встретить шведов, это не помешало шведам высадиться, а часть хяме мигрировала в глубину страны. Местом битвы было то место, которое прозвалось Тавастборгом (Хямеэнлина). Отмечалась шведская колонизация региона и то, что язычников (тавастов, то есть хяме) убивали мечами. Завоевание Тавастланда (земли Хяме) состоялось в 1249 г. Петри Олай в целом повторял текст «Хроники Эрика», однако размещал рассказ о походе между 1248 и 1250 гг. Сказано, что когда Биргер ярл в 1250 г. находился в Финляндии, скончался король Эрик. Говорилось, что строительство Тавастборга должно было держать в узде строптивых хяме. Эрик Олай указывал, что против христиан восстали тавасты. Шведы пришли морем и высадились. Они победили тавастов и после этого построили Тавастборг. Сообщалось, что в 1250 г., когда умер король Эрик, христианство победило в Тавастланде. Йоханнес Месениус отмечал, что бунтовал народ тавастов. Эрик Шепелявый отправил на судах войско под началом Бригера ярла, которое высадилось в Крестовой бухте, соорудили крепость, что привело к повиновению язычников Эстерботнии. Шведы напали на тавастов, которые отчаянно сопротивлялись,

но были побеждены и принуждены принять христианство. Хяме покорились финскому епископу. Бьёрн Грелсон Балк стал епископом и брал большую подать с тавастов. После завоевания Папа издал буллу о защите исповедующих христианство в Финском диоцезе. Поход Биргера ярла был так называемым Вторым шведским крестовым походом, хотя, по сути, является походом для завоевания шведами земель племени хяме [37; 25, с. 550; 18, р. 74; 40, с. 53; 39, с. 52–53; 55, р. 27–55].

Во время нахождения Хяме под шведской властью новгородцы осуществили несколько походов. В 1256 г. новгородские и владимирско-суздальские отряды совершили нападение на владения шведов на территории Хяме. В Первой Новгородской летописи указано, что перед походом новгородцев на Хяме был поход шведов с суоми и хяме на земли Новгорода в бассейне Нарвы. В летописи отмечен успех похода русских на Хяме. В папской же булле от 1257 г. сказано, что владения шведского короля Вальдемара особенно пострадали от нападения карел и язычников близлежащих областей. Поздние финские хронисты писали даже о бегстве епископа Томаса на Готланд. В 1292 г. новгородцы снова атаковали земли Хяме. Сказано, что в поход выступили воеводы с новгородскими воинами. Они удачно воевали. В том же году 800 шведов атаковали ижору и корелу. Ижора уничтожила отряд в 400 шведов. Шведы, пришедшие в Корелу, были частично или уничтожены, или взяты в плен. В противостоянии шведов с русскими, хяме и суоми выступали на стороне Швеции, а карелы на стороне Новгорода. В 1310 г. новгородцы совершили поход на земли Хяме и дошли до самого сердца земли Хяме – Хакойстенлины, взяли город, однако не его цитадель [51, с. 308–309, 327, 333–335; 23, с. 49–50, 60–62, 272–279; 50; 57; 6, с. 171–186].

Ал-Идриси упоминал, что в стране Табаст находился город Рагвалда на берегу моря. И. Коновалова указывала, что этот город не находился в земле Хяме. О разделении финнов на Суоми, Хяме и Корелу арабский хронист не знал. Касательно городов, то в Тавастланде (Хяме) в конце XIII – в начале XIV вв. находились 19 средневековых городищ, среди них самые исследованные Рапола и Хямеэнлина. Также большим было городище Хакойстенлинна, который в Первой Новгородской летописи был назван городом Ванаем, в котором был неприступный детинец, который не смогли взять новгородцы [68, с. 125–126, 259–261; 18, р. 96–100; 23, с. 65–69; 51, с. 333–335].

Большинство походов новгородцев против Хяме завершились успешно, походы же хяме на Русь обращались большими потерями для нападавших. В отражении нападений хяме часто принимали участие прибалтийско-финские союзники Новгорода. Наиболее часто походами на хяме ходили карелы. Хяме не исчезло сразу после шведского завоевания. В 1280 и 1284 гг. «немцы» (термин мог обозначать как шведов, так и финнов) нападали на Ладогу. По мнению И. Шаскольского, шведский командующий Трунда во главе шведско-финского отряда пришел на Ладогу. 9 сентября 1284 г. у истоков Невы

этот отряд был разбит. В ответ на это новгородцы напали на землю Хяме. Отвлечение внимания русских на Хяме облегчило шведам задачу колонизации части Корелы. Они основывают крепости Выборг и Ландскрону. В папской булле в 1256–1257 гг. провозглашалась необходимость предпринять крестовый поход против язычников-карел. В 1275–1276 гг. в переписке шведского короля с Папой Римским поднимался вопрос относительно карел [37; 4; 18, p. 89–96; 26, s. 76–79; 6, с. 171–175].

Еще в 1274 г. Папа Римский призвал архиепископа Уппсалы совершить поход против карел, которые беспокоили границы Швеции. В Третий шведский крестовый поход вошли кампании 1280, 1284, 1293, 1295, 1300 гг. При этом в «Хронике Эрика» мы не встречаем термина крестовый поход. Этот термин более характерен для папских посланий. В 1293 г. шведы осуществили экспансию в Карелию. В «Хронике Эрика» сообщалось, что шведы построили в стране язычников крепость из камня, сообщалось, что из под власти русских была изъята земля, которая прежде принадлежала им. Фогт шведов покорил своей власти 14 погостов карел. В хронике указывалось, что шведы были вынуждены совершить поход, чтобы помешать вторжениям карел в земли, которые находились под властью шведского короля. Эрик Олай трактовал события в похожем ключе, указывая, что ярость карел вызвана их язычеством, от которых страдали христиане. Сообщалось, что карелы нападали на Тавастланд и Финляндию. Кроме того, сказано, что против русских и карел воевали маршал Тюргильс Кнутссон и епископ Петер Вестероский. У Олая Петри сказано, что в 1293 г. в ответ на карельские походы в Тавастланд и на Финляндию шведы совершили поход. Господин Торгильс и вестероский епископ Петер возглавляли его. Кексгольм был взят шведами, но вскоре был отвоеван русскими. В «Древней Хронологии» указано, что в 1293 г. была большая война в Карелии и что был сооружен замок Выборг. В источниках, написанных в год проведения крестового похода, указано, что шведы победили карел. Йоханес Мессениус констатировал, что флот с войском в 1293 г. прибыл к берегам врагов. Епископ Вестероса и маршал Торкель возглавили войско, которое смело сразилось с русскими и не устояли против них карелы. Шведы построили Выборг, который потом русские не смогли взять. Кексгольм (Корелу) шведы не смогли отстоять из-за немногочисленного гарнизона и недостатка продовольствия. Однако в 1294–1295 гг. они соорудили на месте прежнего карельского поселения свой форт. Шведы в 1295 г. призвали на помощь конунга Биргера Магнуссона и основали Ландскрону, она же Нотебург, между Невой и Черной рекою. Сообщалось, что русские нападали на Финляндию. В Новгородской Первой летописи указано, что зимой 1293–1294 гг. у новгородцев и карел было мало сил, они вышли неподготовленными, поэтому они и не смогли отвоевать занятые шведами земли. В 1293 г. шведы покорили Западную Карелию, включительно с Саволаксом [37; 4; 26, s. 81; 38, s. 42, 63, 87; 39, s. 71; 40, с. 70; 50; 69, p. 41; 16, p. 25; 55, p. 46–63; 6, с. 178–184].

Дж. Линд высказал мнение, что Третьим шведским крестовым походом может считаться не только поход 1293 г., но и весь период 1285–1323 гг. с несколькими кампаниями шведов против русских. В 1295 г., согласно сведениям «Хроники Эрика» указано, что Кексгольм был взят христианами. Отмечен, что много язычников было убито в тот день. Пленных же увели в Выборг. Сообщалось, что русские быстро подошли и около недели держали город в осаде, из осажденных спаслось только два шведа. Командующим шведов в «Хронике Эрика» назван Сиге Локке, в «Хронике Эрика Олая» – Сиге Лоба, в «Древней Хронологии» – Сиге Лоба. В «Древней хронологии» в 1295 г. сказано об уничтожении русскими шведского гарнизона Кексгольма, а в «Аннотированной хронологии» Арвирда Тролля гибель шведов датируется 1296 г. В новгородских летописях назван воевода Сиг. После победы над шведами карелы значительно укрепили свою столицу – Корелу. Они построили новые стены из бревен, которые были лучше, чем старые. В 1310 г. ее укреплением занялись новгородцы. В 1314 г. карелы восстали против новгородцев и впустили шведов в город. Однако, в том же году новгородцы и проновгородско настроенные карелы отвоевали Корелу. В 1317 г. шведы проникли на Ладугу. Новгородцы ответили набегом на Хяме в 1311 г., а также походом на Або в 1318 г. В 1300 г. Тюргильс Кнутссон с войском из 800 человек пришел в устье Невы. Задачей похода было овладение Карельским перешейком и, если повезет, берегами Невы. В 1322 г. попытка шведов овладеть Корелой была неудачной. В 1323 г. между новгородцами и шведами был заключен мир, по которому признавалась шведская власть над Суоми, Хяме и Западной Карелией с Саво и городом Выборгом. Опорным пунктом новгородцев и карел была крепость Кякисалми (Корела) [4; 47, р. 215–221; 26, s. 82; 39, р. 72; 19; 6, с. 182–191].

Таким образом, военная история финских народов фиксируется новгородскими летописцами и шведскими хронистами в связи с историей своих стран. Карелы отличались большей автономностью и их часто упоминают отдельно от Новгорода. Карелы в новгородских летописях упоминались в контексте походов и отражения нападений Хяме. Активное взаимодействие карел с новгородцами датируется XII–XIII в. Отдельные карельские отряды могли участвовать в войнах против Полоцка и его литовских союзников. Кампании карел против шведов и норвежцев не согласовывались с Новгородом. Комплекс вооружения карел характерен и для Хяме, и для Суоми. Карелы продолжительное время сохраняли свою обособленность от Новгорода, принимая христианство в синкретической форме.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гадзяцкий С.* Карелы и Карелия в новгородское время. – Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финнской ССР, 1941. 196 с.
2. *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. – Петрозаводск: Государственное

издательство Карело-Финской ССРС, 1947. 50 с. <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/bubrih/bubrih0.htm>

3. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. – Л.: Наука ЛО, 1978. http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/shask_kr/shask3.htm http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/shask_kr/shask4.htm

4. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии конец XIII–XIV в. – Петрозаводск: Карелия, 1987. http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/shask_13/shask0.htm

5. *Седов В.В.* Корела // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. С. 44–52.

6. *Титов С.М.* Очерки военной истории древней корелы. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 234 с.

7. *Кочкуркина С.И.* Корела и Русь. – Л.: Наука ЛО, 1986. 144 с. <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/korrus/korrus0.htm>

8. *Кочкуркина С.И.* Этнокультурные процессы эпохи Средневековья // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 230–275.

9. *Кочкуркина С.И.* Древнекарельские городища эпохи средневековья. – Петрозаводск, 2010. 262 с.

10. *Кочкуркина С.И.* История и культура народов Карелии и ее соседей. – Петрозаводск: Республика Карелия, 2011. 240 с.

11. *Сакса А.И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э.: происхождение, история, культура населения летописной Карельской земли. – СПб.: Нестор История, 2010. 400 с.

12. *Uino P.* Ancient Karelia: archaeological studies. – Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistis, 1997. 426 p.

13. *Uino P.* The Background of the Early Medieval Finnic Population in the region of the Volkhov river: Archaeological aspects // *Slavica Helsingiensia*. Vol. 27. – Helsinki, 2006. p. 355–373.

14. *Koivisto A.* Trade Routes and their significance in Christianization of Karelia // *Slavica Helsingiensia*. Vol. 27. – Helsinki: University of Helsinki Press, 2006. P. 167–178 <http://www.helsinki.fi/venaja/nwruusia/eng/Conference/pdf/Koivisto.pdf>

15. *Koivisto A.* Thoughts on the Karelian Baltic Sea Trade in the Twelfth and Thirteenth Century AD // *Slavica Helsingiensia*. Vol. 32. – Helsinki: University of Helsinki Press, 2007. p.111–115 <http://www.helsinki.fi/venaja/nwruusia/eng/sbornik2008/koivisto.pdf>

16. *Korpela J.* The World of Ladoga: Society, Trade, Transformation, State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest zone, c. 1000–1555. – Berlin: Lit, 2008. 400 p.

17. *Christeansen E.* The Northern Crusaders. London: Penguin Books, 1997. 320 p. <http://ru.scribd.com/doc/103277336/The-Northern-Crusades-Eric-Christiansen>

18. *Line P.* Swedenes Conquest of Finland: A clash of Cultures? // The clash of cultures on the medieval Baltic frontier. Leeds: Ashgate, 2009. p. 73–102.

19. *Lind J.* The First Swedish Crusade a part of the Second Crusade? // The Second Crusade: The Holy War on the periphery of Latin Christendom. Turnhout: Brepols, 2015. pp. 303–322.

20. *Кузнецов А.А.* Элементы военной экономики в отношениях владимирских князей с мордвой и емью в 1220-е годы // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV чтения В.Т. Пашуто. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 164–169.

21. *Кузнецов А.А.* Конфликты Руси с финно-угорскими племенами (на примере мордвы и еми) // Альманах по истории средневековья и Раннего Нового Времени. № 3-4. 2012–2013. – Нижний Новгород: М-Принт, 2012–2013. С. 69–76.

22. *Хрусталеv Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. Т.1. – СПб. Евразия, 2009. 416 с.
23. *Хрусталеv Д.Г.* Северные крестоносцы . Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. Т.2. – СПб. Евразия, 2009. 464 с.
24. *Aalto P.* Swells of the Mongol-Storm around the Baltic // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XXXVI . (1-3). – Budapest: Akademiai Kiado, 1982. P. 5–15.
25. *Прицак О.* Походження Русі. Т.2. – К.: Обереги, 2003. 1304 с.
26. *Virankoski P.* Suomen historia 1-2. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Sura, 2009. 1138 s.
27. *Нанольских В.В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. 268 с.
28. *Эря-Эско А.* Племена Финляндии // Славяне и скандинавы. М., 1986. http://historylib.org/historybooks/Pod-redaktsiey-E-A--Melnikovoу_Slavyane-i-skandinavy/34
29. *Кирпичников А.Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы // Финно-угры и славяне. – Ленинград: Наука ЛО, 1979. <http://www.priozersk.ru/1/text/0017.shtml>
30. *Edgren T.* The Viking age in Finland // The Viking World. – London-New York: Routledge, 2008. P. 470–484.
31. *Пашков А.А.* Средневековые источники. <http://www.vepsia.ru/history/st02.php>
32. *Варенов А.Б.* Карельские древности в Новгороде. Опыт топографирования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы международной научной конференции. – Новгород, 1997. <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/56.htm>
33. *Ленрот Э.* Калевала. – М., 1985. http://lib.aldebaran.ru/author/lyonnrot_yelias/lyonnrot_yelias_kalevala
34. *Сакса А.И.* Древняя Корела в эпоху железного века // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. – СПб.: СПбГУ, 2006. С. 282–307. <http://archeology.vbrg.ru/articles/101/>
35. *Шаскольский И.П.* К происхождению карел // Финно-угры и славяне. – Л.: Наука ЛО, 1979. <http://www.vottovaara.ru/k-proisxojdeniyu-karel.html>
36. *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах. – Петрозаводск, 1996. http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/pizv_sag/pizv_s0.htm
http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/pizv_let/pizv_11.htm#s2
37. Хроника Эрика. Перевод А.Ю. Желтухин. – М.: РГГУ, 1999. <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Erik/frameset1.htm>
38. *Scriptores Rerum Svecicarum Medii Aevi. Т. I.* – Upsaliae, 1828. http://books.google.com.ua/books?id=caVMBOX11nYC&printsec=frontcover&hl=uk&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
39. *Scriptores Rerum Svecicarum Medii Aevi. Т. II.* – Upsaliae, 1828. http://books.google.com.ua/books?id=hNP9JrER1dcC&printsec=frontcover&hl=uk&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
40. *Олаус Петри.* Шведская хроника. – М.: Наука, 2012. 421 с.
41. *Ioanni Loccenii.* Rerum Svecicarum Historia. Stockholmiae: Ex officina Johannis Kanssonii, 1654. <http://books.google.com.ua/books?id=q0QPAAAAQAAJ&pg=PP5&lpq=PP5&dq=Johannis+Loccenii+Rerum+Svecicarum+Historia.&source=bl&ots=yLBUhge54G&sig=rjIYP7BV6yk4LXsZuhWCgj5-F8&hl=uk&sa=X&ei=MGdvVN7DIqnoywo9o4DoAw&ved=0CD0Q6AEwBTgK#v=onepage&q=Johannis%20Loccenii%20Rerum%20Svecicarum%20Historia.&f=false>
42. *Messenii Johannes.* Scandia illustrata: seu Chronologia de rebus Scondiae hoc Sueciae, Daniae, Norvegiae atque una Islandiae, Gronladiaeque. Stockholmiae: Typis O. Enaei, 1700.

- https://play.google.com/store/books/details/Johannes_Messenius_Johannis_Messenii_Scandia_illus?id=-HNUAAAAAYAAJ&hl=uk
43. *Снуридонов А.М.* Исландские саги как источник по раннесредневековой истории Карелии // Скандинавский сборник. Вып. XXXII. – Таллин: Ээсти Раамат, 1988. <http://ulfdalir.ru/literature/0/797>
 44. A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Olaffr. – London: University College, 2001. <http://ulfdalir.ru/sources/42/480/483>
 45. *Islandske Annaler.* Oslo: Grondal und Sons Bogtykkeri, 1977. <http://ulfdalir.ru/sources/42/490/492>
 46. *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви. Перевод В.В. Рыбаков // Из ранней истории шведского государства: первые описания и законы. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br/frameadam_buch4.htm
 47. *Zetteberg P., Saksa A., Uino P.* The early history of the fortress of Kakisalmi, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // *Fennoscandia archaeologica.* Vol. 12. 1995. p. 215–221.
 48. *Сакса А.И.* От племенного городка карел к административному центру Новгородской земли Кякисалми-Корела в XIII–XIV вв. // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья.* – СПб., 2014. С. 117–130.
 49. *Матюзова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М., Наука, 1979. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/IX/880-900/Alfred/Orosius/text1.phtml>
 50. *Мессениус Йоханесс.* Рифмованная хроника о Финляндии и ее обитателях. Пер. Я.Лапатка. Электронный вариант 2013 года. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Messenius_1/frametext.htm
 51. НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
 52. ПВЛ – Повесть временных лет. Прозаический перевод на современный русский язык Д. С. Лихачёва. <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest1.php>
<http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest4.php>
<http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest5.php>
 53. Финляндская хроника. Перевод Я. Лапатка. Электронная версия 2011 года. доступу. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Finland/text.phtml?id=9748
 54. *Legendi Sanctici Henrici.* <http://personal.inet.fi/koti/sirola/index50.html>
 55. *Johansen R.* The Political impact of Crusading Ideology in Sweden 1150-1350. Master thesis. Oslo: Department of Linguistics and Scandinavian Studies, 2008. 96 p.
 56. *Alexander Papa III Vpsellensi Archuepiscopo e suffragensis eius e c. Guthermo duci.* http://www.histdoc.net/historia/paavi_alex_III.html
 57. *Chronicon episcoporum Finlandensium.* <http://www.columbia.edu/acis/ets/Sweden/Abo/abo.html>
 58. *Paavi Innocentius IV: n suojelukirje kristillisen opin tunnustajille Suomesa.* <http://www.histdoc.net/historia/innoc.html>
 59. *Pope Innocentis IV Letter of Protection to confessors of Christian faith in Finland. 27 august 1249.* <http://www.histdoc.net/history/innoc.html>
 60. *Мейнандер Г.* Історія Фінляндії. Лінії, структури, переломні моменти. – Львів: ЛА Піраміда, 2009. 216 с.
 61. *Линд Д.Г.* Невская битва и ее значение. <http://a-nevskiy.narod.ru/library/35.html>
 62. *Послание епископа Вик-Эзельского Генриха. 12 апреля 1241 г. // Матюзова В.И.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. <http://www.vostlit.info>

info/Texts/Dokumenty/Livonia/XIII/1240-1260/Episkop_vik_eselskij/poslanie_13_04_1241.phtml?id=2948

63. *Lind J.H.* Early Swedish-Russian rivalry. The battle on the Neva in 1240 and Birger Magnusson // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 16. Issue 4. – Oslo: Roudedge, 1991. pp. 269–295.

64. Рукописание Магнуша. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4975>

65. Svenska medeltidens rim-krönikor 1. Gamla eller Eriks-krönikan. Folkungarnes brödrastrider med en kort öfversigt af närmast föregående tid. 1229–1319. Stockholm: Nordsted P.A. und Söner. Kongl. Boktryckare, 1865. https://books.google.se/books?id=LokAAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

66. *Бегунов Ю.К.* Древнерусские источники об Ижорце Пелгусии-Филиппе участнике Невской битвы 1240 г. <http://www.a-nevsky.ru/library/drevnerusskiye-istochniki-o-pelgussii-filippe.html>

67. *Шаскольский И.П.* Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-50-х годов XIII в. <http://a-nevskiy.narod.ru/library/21.html>

68. *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европе. М. Восточная литература, 2006. 352, [3] с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idrisi/text12.phtml?id=9419>

69. *Kankainen T., Saksa A., Uino P.* The early history of the fortress of Kakisalmi, Russian Karelia – archaeological and radiocarbon evidence // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. 12. Helsinki: University of Helsinki Press, 1995. p. 41–47.

Yaroslav Pilipchuk

THE ART OF WAR THE FINNS AND KARELIANS IN THE MIDDLE AGES

This article analyzes the warfare of some Baltic and Finnish peoples of Karelia, Häme, Finland. Tactics of Karelians was typical for their region. They have made sea raids, which were rapid as the Vikings. A land operation was also noted speed and was mainly caused by competition with Kwens and Norwegians in the fur trade and the tribute of the Saami. Raids of Karelians to Norway and Sweden were not consistent with Novgorod. Total transactions with Novgorod and other Baltic and Finnish peoples were carried out in the event of war against Häme, Suomi and the Teutonic Order. The first two of the Swedish campaign in fact was not the Crusades; it pursued the conquering tribes of Suomi and Häme. The third Swedish crusade was aimed at the subordination of Karelia, which was only partially successful. Tactics of Häme were like Karelian. They have attacked boats from the sea, lakes and rivers. For Häme and Suomi was characterized by approximately the same weapons complex as for Karel, that is a sword, an axe, a spear, a bow and arrows. The main opponents of Häme were Karelia and Novgorod. The conquest of the Swedes of Häme lands can be dated to 1249. The campaign of the Swedes in the Neva estuary was carried out by Ulf Fasi and Bishop Thomas, and not by Birger Jarl. The conquest of the Suomi lands by Swedes can be dated to the beginning of the XIII century. The third Swedish crusade was a series of events at the end of the XIII century.

Key words: *Karelians, Suomi, Häme, Finns, Sweden, Novgorod, Baltic and Finnish peoples, warfare.*

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ВЛИЯНИЕ ОБЩИННОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация: В данном сообщении на основе опубликованных источников и полевых материалов анализируются факторы влияния общинного менталитета на сохранение традиций костюма у луговых марийцев в конце XIX и начале XX веков.

Общинные представления луговых марийцев о способах ношения костюма, качестве его тканей, орнаментации, цветовой гамме, красоте, эстетичности, скромности сохраняли древние традиции, что было связано с желанием сохранить свою этничность, свои религиозные устои, нравственность.

Ключевые слова: община, общинный менталитет, традиции, костюм луговых марийцев, традиционная религия.

Сельская община на протяжении длительного исторического периода вплоть до 20-ых годов прошлого столетия обладала функцией воспроизводства традиций, этнической культуры и выполняла стабилизирующую роль в марийском сообществе. Несомненно, сельская община влияла и на воспроизводство марийского костюма в традициях той или иной этнографической группы народа. Традиционный марийский костюм был многофункциональным – он не только был приспособлен к природно-климатическим условиям, а также демонстрировал этническую и территориально-локальную принадлежность, социальное, имущественное положение и возраст носителя, эстетические и этические представления о красоте и гармонии в одежде. Известно, что традиционный костюм марийцев сохранился у луговых марийцев вплоть до 30–40-ых годов прошлого столетия. Эта тенденция в большей степени характерна для женского костюма, чем для мужского, поскольку мужчины были более восприимчивы к новым формам одежды и обуви.

Традиционные локально-территориальные особенности в женском костюме различных групп луговых марийцев сохранялись длительный период времени. Для него была характерна консервативность, которая существовала и за счет общинных представлений о нормах и правилах изготовления, орнаментации,

составных частей костюма и особенностей ношения его как повседневном быту, так и во время празднично-обрядового периода. В данном сообщении приводятся факторы влияния общинного менталитета на сохранение традиций костюма у луговых марийцев в конце XIX и начале XX веков.

Сельская община участвовала в регламентировании хозяйственных вопросов – все работы нужно было делать в определенный период времени. Это относилось и к производству материалов для одежды: прядение ниток, ткачество домашних тканей, сукна, отбеливание и мягчение холстов. Многие виды технологических процессов, связанных с обработкой волокнистых растений, прядением, ткачеством проводились по сезонам, иногда коллективно в виде помочей, во время посиделок. Так, готовые холсты можно было мягчить до Семика, до цветения злаковых растений. Когда цвели зерновые растения, нельзя было нарушать тишину в селении, шуметь у посевов, по представлениям членов общины это могло снизить урожай хлеба [1, с. 61–62]. По древним традиционным представлениям марийцев, рукотворный холст обладал магической, охранительной силой, защищавшей от порчи, воздействия злых духов. Из фольклорно-этнографических материалов известно, что на период проведения важных языческих молений священную рошу у марийцев опоясывали холстом [2, с. 51].

У марийцев существовал древний общинный обычай, запрещавший брать невесту из населенного пункта, где носили костюм, отличавшийся от того который бытовал среди женщин родной деревни. Ветлужские марийцы, удаленные на значительное расстояние от основной массы горных мари, не брали себе в жены девушек из соседней локальной группы, где женщины носили иной головной убор сороку, а предпочитали брать жен из горных мариек [3, с. 187]. Территориально-локальные группы с различными женскими головными уборами в дореволюционный период были эндогамными. Эта же тенденция была характерна и для представителей различных конфессиональных групп марийцев [4, с. 63–64].

Нужно также отметить роль религиозных представлений сельского сообщества в сохранении традиционных элементов одежды. Так, старшее поколение, представители жречества считали, что одежда иного покроя и расцветки, фабричная обувь могли приносить болезни, неурожаи, бедствия и привести к потере нравственных устоев. В этнографической литературе неоднократно отмечалось, что луговые марийцы в 80-ые годы XIX века неоднократно выступали против использования фабричных материалов для изготовления одежды, и лишь в виде крайнего исключения можно было встретить кашемировые алые кушаки и пестрые ленты. С появлением фабричных материалов среди луговых марийцев возникли гонения. Так, в с. Купран-Сола Уржумского уезда в 80-ых годах XIX века была попытка уничтожения женских нарядов из фабричных материалов, особенно у девушек, нарядов, которые по мнению марийцев, ведут к легкому поведению. «Собирались сходки,

по решению которых народ ходил по домам и собирал нарядные фабричные платки, фартуки, пояса и т.п. и все это потом, так или иначе уничтожалось» [5, с.106]. Использование фабричных тканей и одежды воспринималось луговыми марийцами пристрастностью к русской одежде, отказом от этничности. Т.Семенов в этнографическом очерке конца XIX века отмечал, что влияние русского костюма на марийский было бы существенным, «если бы этому не препятствовали религиозные суеверия, которые проявлялись довольно резко». Автор констатировал, что в д. Тореш Кювар Сернурской волости Уржумского уезда распространился слух, что одна девушка в блестящих и пестрых нарядах, фабричном платке отправилась на гороховое поле и там была поднята на небо и ее обличили в пристрастии к русскому наряду. Девушка только через три дня вернулась на землю онемевшая, в рыданиях, знаками объяснила, что случилось с ней. Слух об этом облетел весь уезд. Марийцы, видя в неурожаях предыдущих лет кару божию за наряды из фабричных материй, – «произведений нечистых сил», на сходе решили все наряды, «как мужские, так и женские из фабричных материй – все яркие платки, ситцевые наволоки, жилеты, шаровары, фуражки, поддевки, яркие блески (чинчы), исключая женских кафтанов из зеленого фабричного сукна – все это предать уничтожению». «Толпы народа с яростью бросились обыскивать своих однодеревенцев и все нечистое хваталось, рвалось, рубилось и топилось в реках, озерах или зарывалось в землю, но никак не жглось, дабы смрадный дымный запах этой «нечистивщины» не доходил до богов» [6, с. 33].

Авторитет общины сказывался и на проведении традиционных языческих религиозных праздников и обрядов, проводившихся в священных рощах. Вопросы, связанные с проведением молений, жертвоприношений, обсуждались на совете жрецов – картов. В прошлом карты были наиболее почитаемыми людьми в сельском сообществе. Некоторые особенности ритуального костюма языческих жрецов описаны в дореволюционной литературе. Во время молений они отличались своим костюмом от других рядовых членов общины. Карты облачались в особый костюм, основными частями которого были прямоспинный кафтан и высокая берестяная шапка. Кафтан украшался кумачовыми нашивками на груди, а на спине орнаментом из черного сукна. На молитвенном кафтане они трактовались как изображение света и тьмы, бога и шайтана [7, с. 45; 8, с. 55].

По этнографическим сведениям в XIX веке рубаха (тувыр) карта изготавливалась всем деревенским миром (мер), т.е. в создании ткани, орнаментации и шитье участвовали все женщины селения. Эта рубаха и давала ему полномочия главного жреца. Такая ритуальная рубаха была обнаружена в д. Шергуял Советского района МАССР в 1966 году. Она была изготовлена женщинами этого селения в 1881 году [9, л. 12]. В современных условиях костюм для картов шьется и орнаментируется народными мастерами или в ателье. Перед тем, как облачиться в новый костюм, одежда жреца вывешивается

во время традиционных молений на перекладину в священной роще, т.е. она освещается во время жертвоприношений и «приобретает статус» специальной ритуальной одежды жреца [10, с. 9].

Старинная берестяная шапка жреца (кумыж упш), вероятно, имела примерно такую же форму, как древний женский головной убор «шурка» с высокой берестяной основой. Головные уборы подобной формы, по представлениям славянских финно-угорских народов, предохраняли от нечистой силы и злого глаза. Примечательно то, что присутствующие на молении мужчины все были в головных уборах, но в то время когда совершались поклоны тому или иному божеству, шапку обязательно снимали. Необходимым атрибутом карта был рябиновый посох, которому также придавалось значение оберега, так как у марийцев, как и у других народов, рябина была одним из самых почитаемых деревьев [7, с. 45; 8, с. 55].

В общественном быту и обрядах марийцев всех групп полотенца играли большую роль. Во время важного языческого аграрного праздника «Агавайрем» молодые женщины должны были жертвовать свои лучшие полотенца мужчинам, состязавшимся в конных скачках. Холсты, полотенца, платки во время молений языческим богам вешались на священные деревья. Считалось, что чем выше находятся на дереве подношения, тем быстрее дойдут до божеств молитвы жертвующих. Также традиционно полотенца вешались на могильный крест и шест у крещеных и некрещеных марийцев [1, с. 103].

В традиционном сельском сообществе большое значение имело общественное мнение. Девушки, склонные к лености, не овладевшие искусством прясть, ткать холсты, вышивать, порицались общиной, их подвергали осмеянию и им давались нелюбимые прозвища [4, с. 11]. Такой девушке нельзя было рассчитывать не только на хорошего жениха, но и на замужество. Лучшей невестой в сельском сообществе была та девушка, которая была мастерицей в изготовлении домашних тканей, вышивке. В сельской общине следили за поведением, нравственностью, внешним видом молодежи, поощряли особо старательных и работающих [5, с. 104–105]. Девушки и молодые женщины уделяли большое внимание своей одежде. Особенно тщательно следили за своим нарядом девушки-невесты. Если какая-нибудь из них отличалась неряшливостью, то среди односельчан о такой девушке говорили, что она даже за собой следить не может. И, по мнению окружающих, такая девушка не могла стать хорошей женой и хозяйкой. На ее опрятность, чистоту костюма и манеру обувания лаптей обращали внимание и молодые парни. Поэтому девушки с особой тщательностью наворачивали онучи. На это уходило много времени, так как на ноги сначала надевали холщовые и суконные онучи, затем обували лапти с оборами, которые нужно было красиво завязать. Ноги должны были быть похожи на два ровных столбика. О тех, кто обувал лапти не по размеру или небрежно заворачивал онучи, в народе с насмешкой говорили, что «пока она или он один раз наступит, лапти три раза слетят с ноги» [4, с. 71].

Соответственно скромно себя должны были вести замужние женщины. Замужняя должна было носить головной убор, соответствующий той или иной локально-территориальной группе луговых марийцев. Женские головные уборы возникли из древних магических представлений о необходимости оберегать и прятать волосы, а также из обычаев, подчеркивающих состояние в браке и зависимое положение жены от мужа. Ношение головного убора было обязательно: по представлениям марийцев, простоволосая женщина могла навлечь неурожай, засуху и эпидемии на селение. В таких случаях виновница подвергалась жестокому наказанию со стороны общины [6, с. 33]. Нельзя было появляться с непокрытой головой, голыми ногами молодухе перед старшими родственниками мужа, что было связано и с обычаями избегания. Если такой случалось, то молодуха должна была платить своеобразный штраф в виде подарков – платок, пояс, кисет для табака и т.п.

В Святочных играх принимали участие ряженые, у луговых марийцев ими становились мужчины, для женщин это было не дозволительно [5, с. 97].

По сложившимся общинным представлениям молодая женщина в будни могла носить небольшое количество украшений: шейные ожерелья, серьги, кольца, нагрудные фибулы. Только в празднично-обрядовых случаях она надевала полный набор украшений, в который входили всевозможные нашейные, нагрудные, наручные и поясные украшения. В целом костюм мариек в этот период отличался богатством не только съёмных украшений, но и орнаментации. По традиционным представлениям с прекращением фертильного возраста она должна была носить одежду со скромной отделкой, где меньше применялся бисер, стеклярус, фабричная тесьма, пуговицы и т.п. Даже на чью-либо свадьбу женщина такого возрастного статуса надевала ограниченное количество украшений [4, с. 72].

Общинные представления луговых марийцев о способах ношения костюма, качестве его тканей, орнаментации, цветовой гамме, красоте, эстетичности, скромности сохраняли древние традиции, что было связано с желанием сохранить свою этничность, свои религиозные устои, нравственность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Молотова Т.Л.* Традиционное марийское ткачество: Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152с., ил.
2. *Спиридонов А.* Югорно. Песнь о вешем пути. Эпос мари. – Йошкар-Ола, 2002. 240 с.
3. *Козлова К.И.* Марийцы Горьковской и Кировской областей // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИЯЛИ. Вып. 16. – Йошкар-Ола, 1961. С.181–194.
4. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола, 1992. 112 с. с ил.
5. *Васильев В.М.* Отношение черемис к половой распущенности // ИОАИЭ. Т. XXIX, вып. 1–3. 1915. С. 92–115.
6. *Семенов Т.* Черемисы. Этнографический очерк // Православный Благовестник. – М., 1893. № 6. С. 30–42.

7. *Овсянников А.* Очерки и картины Поволжья. географические очерки и картины. – СПб, 1878. Т. 1. 335 с.
8. *Рагозин В.* От Оки до Камы. Исторический очерк. – СПб, 1881. Т. 3. 499 с.
9. *Крюкова Т.А.* Отчет об экспедиционной работе в Марийской АССР в 1966 г. Архив ГМЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1579. 16 л.
10. *Молотова Т.Л.* Экспедиционный отчет 2005 года в Моркинский р-он РМЭ. НРФ МарНИИЯЛИ. Материалы этнографических экспедиций. Моркинский р-он 2005 г. №147. 16 л.

Tamara Molotova

**THE INFLUENCE OF THE COMMUNAL MENTALITY OF THE
TRADITIONAL COSTUME OF MEADOW MARI
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

This report based on published sources and field research, analyzes the influence factors of community mentality to preserve the tradition of costume of the Meadow Mari in the late XIX and early XIX centuries.

Community views of Meadow Mari on the ways of wearing a costume, the quality of its fabrics, ornamentation, colours, beauty, modesty, maintained the ancient traditions, was connected with the desire to preserve their ethnicity, their religious principles, morality.

***Key words:** community, community mentality, traditions, costume of Meadow Mari, traditional religion.*

ПЕРСОНАЛИИ

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

ВКЛАД А.А. ВАСИНКИНА В РАЗВИТИЕ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (к 65-летию со дня рождения)

30 июля 2015 года исполнилось 65 лет со дня рождения кандидата филологических наук критика марийской литературы Аркадия Афанасьевича Васинкина. Рано он ушел из жизни, покинул наш мир 15 января 2008 года в полном расцвете сил и творческой энергии.

Родился А.А. Васинкин в 1950 году в деревне Люсинер Мари-Турекского района Марийской АССР в семье учителей. Окончив Марийский государственный университет (1977), поступил работать в МарНИИ. В 1979–1982 годах учился в аспирантуре Института мировой литературы им. А.М. Горького. В 1983 году под руководством доктора филологических наук Н.С. Надъярных успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роман о Великой Отечественной войне в литературах народов Поволжья».

На основе диссертационного исследования в 1987 году была издана монография «Героические годы. Жанр военного романа в литературах народов Поволжья». Объектом исследования послужили романы Н. Лекайна «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны», марийский), Т. Архипова «У реки Лудзинки» (удмуртский), К. Турхана «Деревня в ветлах» (чувакский), И. Антонова «В семье единой» (мордовский), а также рассказы и повести. Книга состоит из введения и трех глав. В первой главе анализируются малые жанры прозы о Великой Отечественной войне: публицистические статьи, рассказы и повести. Нельзя не согласиться с мнением исследователя о том, что они дали толчок зарождению произведениям крупного плана, в том числе военного романа. Один из параграфов посвящен писателям-фронтовикам, написавшим романы про войну. Во второй главе рассматривается проблема человека на войне, прежде всего его психологического состояния. С разных точек зрения

раскрывается характер человека на войне и в тылу. На основе анализа текстов произведений автор выявляет, как сохранили герои свой моральный облик в тяжелейших условиях войны. В третьей главе представляется поэтика военного романа, излагаются художественные особенности сюжетных линий, композиция, хронотоп.

Следующая монография Аркадия Васинкина посвящена творчеству известного марийского поэта Валентина Колумба. В 2005 году исследование вышло отдельным изданием под названием «Поэтический мир В. Колумба». Монография состоит из шести глав, в которых освещаются традиции марийской поэзии в творчестве писателя, рассматриваются поэмы, сатирические произведения и переводы на марийский язык стихотворений русских поэтов. Автор раскрыл особенности становления В. Колумба как поэта. А.А. Васинкин подчеркивает, что предшествующие критики не всегда верно оценивали творчество великого марийского поэта. При этом он отмечает три момента. Во-первых, литературоведы рассматривали творчество В. Колумба сквозь призму социалистического реализма. Во-вторых, для полного раскрытия темы им мешала идеология коммунистической партии. И в-третьих, жизнь писателя изображалась односторонне – только с наилучшей стороны. По мнению А.А. Васинкина, подобные ошибки встречаются при изучении творчества не только В. Колумба, но и других писателей.

В докладе «Основные проблемы современной марийской литературы», прочитанном на конференции «История и культура марийского народа: прошлое и настоящее» (2000), А. Васинкин ставит вопрос, с какого времени считать марийскую литературу современной. В 1991 году была отменена цензура, это дало свободу для развития творчества, поэтому, на взгляд исследователя, современной следует рассматривать литературу с этого времени. В докладе критик обращает внимание на то, что предстоит немалая работа по развитию марийской литературы в современный период: это решение вопросов в кадровом, творческом, экономическом и других отношениях. Им особо отмечаются проблемы преподавания марийского языка и литературы. Эта тема продолжена в статье «Кажне пагытын – шке мурыжо. Кызытсе марий прозо нерген шонкалымаш» («У каждой эпохи своя песня. Размышления о современной марийской прозе»), опубликованной в журнале «Ончыко», (2000, № 3). Литературовед размышляет о переменах в жизни государства, уходе коммунистической идеологии, о писательском пути; размышляет, с чьими именами связана марийская проза, какого плана изданы произведения, дает им общую оценку. А. Васинкин отмечает, что в литературе последних лет ведущее место занимают хроникальные повествования, мемуары, исторические и фантастические произведения, указывает достоинства и недостатки марийской литературы. Он выражает беспокойство по поводу того, что в марийскую литературу проникает порнография. В этом отношении автором выделен роман Ю. Галютина «Георгий Пушкин», написанный на основе дневника. К данной

проблеме критик возвращается и в работе «Историй, традиций, ”шўшпык пыжаш” да молат...» («История, традиции, “гнездо соловья” и другое...»), напечатанной в «Ончыко» (2001, № 3), где большое внимание уделяет роману «Юмын капка ончылно» («Перед Божьими вратами») А. Александрова-Арсака. По мнению А. Васинкина, писатель разрушил духовно-нравственную основу, название и содержание произведения не соответствуют друг другу. Также в публикации проанализированы произведения Г. Алексева, В. Любимова, М. Кудряшова, И. Шубина и Л. Яндака.

Размышляя о книге Валерия Апакаева «Парым», критик приходит к выводу, что писатель опирается на традиции М. Шкетана («Ончыко», 2002, № 1). О творчестве прозаика Геннадия Алексева в журнале «Ончыко» (2002, № 8) им опубликована статья «Мутын чеверже, верже, эмже...» («Красота, место, новизна слова...»). В ней раскрывается творческий рост писателя, отмечается, что многие его произведения автобиографичны, сюжетные линии не растянуты, каждое слово стоит на своем месте, что им утверждаются традиции своего земляка Валентина Колумба.

Марийский литературовед с большой радостью встретил выход в свет книги Анатолия Спиридонова «Югорно». Об этом свидетельствует и название его статьи «Шукертсек вучымо книга. А. Спиридоновын «Югорно. Песнь о вешем пути. Эпос мари. Опыт синтеза» у книгаж нерген шонкалымаш» («Долгожданная книга. Размышления о новой книге А. Спиридонова «Югорно». Песнь о вешем пути. Эпос мари. Опыт синтеза: размышления о новой книге»), вышедшей в журнале «Ончыко» (2002, № 11). А. Васинкин сопоставляет русский текст с переводом на марийский язык, дает всестороннюю оценку эпосу: отмечает недостатки, композиционные особенности, качество перевода и мастерство переводчика.

Поэзия народного поэта Семена Николаева отличается своеобразной мелодией стиха. А. Васинкин обращает внимание на эту специфику в своей статье «Сарсаде садерын сандугасше» («Соловей из Сарсады»), которая опубликована также в «Ончыко» (2004, № 11). Опровергая замечания некоторых критиков, творчество С. Николаева он сравнивает с творчеством русского поэта Николая Заболоцкого.

Говоря о поэзии, нельзя оставить в стороне статью критика о творчестве Зои Дудиной «Куаныме годым, шортшо кумыл» («Душа, плачущая в радость»), напечатанную на страницах журнала «Ончыко» (2007, № 5). В работе литературовед знакомит читателя с жизнью и творчеством поэтессы, раскрывает индивидуальные черты ее поэзии. Он рассматривает творчество З. Дудиной с разных позиций. Отмечает, что поэтесса умело пользуется разными формами марийского фольклора и у нее нет заимствованных образов. В ходе глубокого изучения критик приходит к заключению, что раздел «Саликалан малтымуро» («Колыбельная Салике») появился на основе русского фольклора. Он рассмотрел и активную переводческую деятельность поэтессы. З. Дудиной переведены стихи Николая Заболоцкого. Автор замечает, что они, очевидно,

стали одной из причин создания монографических исследований Руслана Бушкова про русского поэта.

А. Васинкин охватил вниманием развитие каждого жанра марийской литературы. Выше мы отметили его работы о поэзии и прозе, им написано немало и о марийской драматургии. Так, в статье «Кавашке кўзаш шочыт мландыште» («Чтобы парить в небе, надо родиться на земле»), помещенной в качестве послесловия к книге В. Абукаев-Эмгака «Пьесе-влак» («Пьесы», 2005), рассматривая представленные произведения, он утверждает, что в каком бы жанре ни работал писатель, его талант сразу же бросается в глаза, что в его творчестве большое место занимают нравственные проблемы и он умело пользуется символами.

В марийской драматургии рубежа XX–XXI вв. широко известно имя другого писателя – Юрия Байгузы. А. Васинкин проследил творческий путь драматурга, обозначил его мировидение через пьесы в статье «Чонжо калык верч азапланен» («Душа его болела за народ»), опубликованной в журнале «Ончыко» (2006, №№ 5, 6). По мнению критика, в пьесе «Кресудыр» («Крестница») образы созданы не традиционно, нет имен героев. Автор заключает, что все пьесы писателя написаны на основе мифов, большое место занимает символика, главным конфликтом пьес выступает борьба добрых и злых сил, большинство героев романтического плана, персонажи стараются изменить жизнь в лучшую сторону.

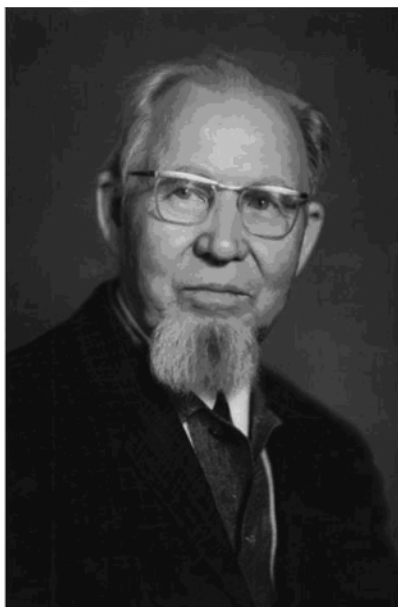
А.А. Васинкин – ответственный редактор коллективной монографии «История марийской литературы» (1989). Одной из насущных проблем он видел развитие марийской критики и литературоведения. Он исследовал периодизацию горномарийской литературы, ставил вопрос периодизации финно-угорских литератур («Литературная Россия»), умел видеть творческий мир писателя и старался давать объективную оценку.

А.А. Васинкин почти 30 лет проработал в МарНИИЯЛИ, из них 22 года был заведующим отделом литературы, с 1984 года возглавлял секцию критики Союза писателей Республики Марий Эл, с 1986 года был членом редколлегии литературно-художественного и общественно-политического журнала «Ончыко» («Вперед»). Его материалы включены в энциклопедии и справочники России, а также Украины. Аркадий Афанасьевич Васинкин внес большой вклад в марийское литературоведение.

8 декабря 2015 года на родине А.А. Васинкина, в Арборской школе Мари-Турекского района, где он учился, установлена мемориальная доска.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

**В.И. ЛЫТКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИННО-УГРОВЕД
XX СТОЛЕТИЯ (воспоминания)**

Лыткин Василий Ильич
(1895–1981)

Имена большинства людей, проживавших в разное время на этом белом свете, а также и ныне здравствующих, простому обывателю неизвестны, память о них хранят лишь близкие родственники. Но есть личности, подобные ярким звездам на ясном небосклоне, их деятельность на протяжении многих веков восхищает потомков. Таким человеком с полным правом можно считать и В.И. Лыткина, 120 лет со дня рождения которого чуть более года назад отметили финно-угроведы всего мира.

Из числа основополагающих работ ученого хотелось бы особо отметить «Краткий этимологический словарь коми языка», составленный в соавторстве с Е.С. Гуляевым. Эта небольшая по своему объему книга до сих пор является единственным изданием, где устанавливается происхождение коми слов на все буквы алфавита. Словарь, созданный с учетом всех достижений этимологической

науки того времени и вполне соответствующий современным требованиям, получил высокую оценку в нашей стране и за рубежом. В своей рецензии в венгерском журнале «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae» (т. 23, Будапешт, 1973) профессор К. Редечи, почитавший В.И. Лыткина как своего наставника, пишет: «Для специалистов совершенно очевидно, что начинание В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева – за сравнительно короткий срок создать этимологический словарь коми языка – необычайное достижение. За это от имени специалистов по финно-угорскому языкознанию надо сказать искреннее спасибо и глубокую благодарность». Через год после выхода Словаря

его составители были отмечены государственной премией Коми АССР. По примеру коми этимологистов в дальнейшем были предприняты попытки создать аналогичные работы по другим финно-угорским языкам России – марийскому («Этимологический словарь марийского языка», Йошкар-Ола, 1979, 1983, автор Ф.И. Гордеев), удмуртскому («Этимологический словарь удмуртского языка», Ижевск, 1988, автор В.И. Алатырев), эрзя-мордовскому («Этимологиянь валкс», Саранск, 1988, авторы Д.В. Цыганкин и М.В. Мосин). Следует отметить, что все последующие этимологические издания, за исключением школьного мордовского словаря, представляют собой незаконченные работы. Так, словарь Ф.И. Гордеева содержит этимологии марийских слов на буквы *А–Б* (т. 1) и *В–Д* (т. 2), а словарь В.И. Алатырева дает этимологии на *А* и *Б*.

Имя В.И. Лыткина мне знакомо с моих ранних лет, прежде всего как автора популярных в народе стихотворений для детей. Позже, когда я учился в старших классах, на меня произвел сильное впечатление его сборник, вышедший в 1959 году под названием «Шонді петігөн» («При восходе солнца»), куда были включены не только стихотворения, но и поэма о гражданской войне «Мунёны» («Идут»). Эта поэма благодаря своим высоким идейно-художественным достоинствам вошла в золотой фонд коми классической литературы.

В годы учебы на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института мне открылась еще одна сторона деятельности Василия Ильича – как крупного лингвиста-ученого. На занятиях по коми языку мы постоянно пользовались его публикациями – статьями, монографиями, а также учебниками и словарями, в подготовке и издании которых он принимал непосредственное участие. Приезжал ли в те годы В.И. Лыткин из Москвы в Сыктывкар, я сейчас сказать не могу. Но точно помню, что каких-либо встреч маститого ученого со студентами коми отделения не было.

В 1970 году мы начали учиться на последнем курсе нашего пединститута. Этот год был юбилейный для Василия Ильича – ему исполнилось 75 лет. На факультете было решено в декабре отметить эту дату – провести вечер, посвященный жизни и деятельности великого земляка. В связи с этим студентам коми отделения, в том числе и мне, было поручено подготовить несколько докладов и выступить с ними на этом студенческом мероприятии. В качестве гостя на вечер был приглашен кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Коми филиала АН СССР (так тогда назывался Коми научный центр РАН) Е.С. Гуляев – бывший аспирант В.И. Лыткина. В своем выступлении Евгений Семенович рассказал о своем научном руководителе, а также о том, как проходила их совместная работа по составлению «Краткого этимологического словаря коми языка», который незадолго до встречи вышел в Москве, и показал нам это уникальное издание.

В следующем году после окончания пединститута меня пригласили в Коми филиал АН СССР для поступления в целевую аспирантуру при Институте

языкознания АН СССР в Москве. При этом мне было сказано, что моим научным руководителем согласился быть профессор В.И. Лыткин, который в то время являлся заведующим сектором финно-угорских языков в Институте языкознания. После приезда в Москву осенью мне сообщили, что мой будущий научный руководитель находится в отпуске и собирается уехать на месяц на юг. И я вместе с одним коми аспирантом, также обучающимся в столице, но уже знакомым с В.И. Лыткиным, решили поехать на вокзал, чтобы увидеть Василия Ильича перед отправлением поезда. На этой первой нашей встрече профессор пожелал мне успешно сдать все вступительные экзамены и стать аспирантом, чтобы после его возвращения вплотную заняться решением моих дел и в первую очередь определиться с темой моей диссертации.

Потом с первого курса аспирантуры меня призвали на службу в армию. После того как я отслужил, оказалось, что Василий Ильич ушел на пенсию и как научный консультант только изредка появлялся в Институте. Но это изменение несколько не повлияло на характер его отношений со своими учениками. Общаться с ним всегда было легко и просто, потому что он считался с нами как с равными собеседниками, невзирая на разницу между всемирно известным ученым и человеком, делающим только первые шаги в науке. Наш учитель всегда стремился быть в курсе не только наших аспирантских, но и домашних дел. У меня, например, часто спрашивал, что нового в Деревянске, как живут мои родители и т.д. Оказывается, он не раз бывал в моей деревне. Останавливался в доме родителей Е.С. Гуляева во время следования в село Помоздино для участия в мероприятиях, посвященных коми писателю Тима Веню. А в молодости после демобилизации из царской армии и до призыва в Красную армию в период гражданской войны работал у нас учителем в школе.

Если возникала необходимость в срочной консультации или передаче ему для проверки какого-либо написанного раздела диссертации или статьи для журнала, он приглашал нас к себе домой. Такие встречи всегда заканчивались чашкой чая на их уютной кухне. Если же у кого-либо из его аспирантов заканчивался срок учебы в Москве и тот собирался возвращаться домой, Василий Ильич по такому поводу собирал у себя всех своих учеников и устраивал посиделки. В этом отношении аспиранты других институтов, проживающие в нашем общежитии, завидовали нам, потому что, как они рассказывали, их руководители не являлись такими «доступными», как наш, а просьбы о встрече постоянно откладывали то на неделю, то на месяц, а то и на полгода из-за чрезмерной занятости, или из-за подготовки выезда за рубеж, или по какой-либо иной причине. А если речь шла о завершающей стадии нахождения в аспирантуре, то выпускник обязан был организовать прощальную встречу со своим руководителем или в ресторане, или в кафе.

Много раз за помощью к Василию Ильичу я обращался в Ленинской библиотеке. Его можно было найти в читальном зале для докторов наук, куда он частенько приходил для ознакомления с новой научной литературой по своей

теме исследования или по теме диссертации аспиранта, которая отсутствовала в его домашней библиотеке. В таких случаях мы с ним выходили в фойе библиотеки и обсуждали интересующую нас проблему. При этом время от времени к Василию Ильичу подходили какие-то люди и с большим почтением здоровались и разговаривали с ним. Многие из этих людей были его коллегами или бывшими аспирантами. Бросалось в глаза, что мой учитель искренне радовался успехам своих учеников. Потом, когда мы оставались опять одни, он с гордостью говорил мне, что вот этот человек еще совсем молодой, а уже доктор наук.

Действительно, велика заслуга В.И. Лыткина в подготовке кадров для отечественной науки. Список лыткинских аспирантов состоит из 29 человек. 28 из них защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Среди его аспирантов были не только коми-зыряне и коми-пермяки, но и удмурты, марийцы, мордва, карелы, эстонцы, русские.

Из Коми республики под руководством В.И. Лыткина подготовили и защитили диссертации 10 человек (Г.Г. Бараксанов, Е.С. Гуляев, Е.А. Игушев, З.И. Кузнецова, В.А. Ляшев, А.Н. Ракин, Э.С. Сергеев, В.С. Суханова, А.И. Туркин, Э.Е. Хозяинова), из различных областей Российской Федерации – 5 человек (Е.Н. Борисова, О.П. Ермаков, З.П. Никулина, В.Н. Новопокровская, В.Г. Руделев), из Удмуртии – четверо (В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, С.В. Соколов, Т.И. Тепляшина), из Марийской республики – трое (М.Ф. Дружинина, Н.Т. Пенгитов, В.А. Саваткова), из Коми-Пермяцкого округа – двое (Р.М. Баталова, Е.В. Ботева). По одному человеку защитили диссертации из Эстонии (А.-Р. Хаузенберг), Карелии (И.В. Сало), Мордовии (А.В. Якушкин). Впоследствии из числа аспирантов В.И. Лыткина 8 ученых стали докторами наук, в том числе по пермским языкам – 6 человек: Е.А. Игушев, А.Н. Ракин, А.И. Туркин – по коми зырянскому языку, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин – по удмуртскому языку, Р.М. Баталова – по коми-пермяцкому языку.

Надо отметить, что многие всемирно известные ученые, хотя и не были непосредственными аспирантами В.И. Лыткина, его также считали своим наставником, например, венгерские профессора Карой Редее и Петер Домокош, немецкий профессор Вольфганг Феэнкер, коми фольклорист, литературовед и критик А.К. Микушев.

Большую работу В.И. Лыткин проводил в качестве авторитетного эксперта в области отечественной филологии. Его часто приглашали оппонировать диссертационные работы не только по лингвистике, но и по фольклору и литературоведению, в том числе и у представителей коми науки. Он являлся официальным оппонентом при защите диссертаций А.Е. Ванеева, Ю.Г. Рочева, В.В. Пахоруковой.

В.И. Лыткин для меня навсегда останется примером порядочности, принципиальности, скромности, искренности, уважительного отношения к окружающим, высокого чувства ответственности по выполнению своих обязанностей, трудолюбия и беспредельной преданности любимой профессии.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Е.Ласточкина. Лексико-семантические особенности омонимов в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. – Тарту, 2016. – 206 с.

26 августа 2016 г. на факультете гуманитарных наук и искусства Тартуского университета состоялась защита диссертации Елены Ласточкиной. Работа выполнена под руководством доцента хунгарологии и уральских языков Тартуского университета Тыну Сейленталя, профессора финно-угорских языков Тартуского университета Герсона Клумппа и доктора филологических наук профессора Марийского государственного университета А.Н. Кукулина. Официальным оппонентом выступил кандидат филологических наук, доцент О.А. Сергеев.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются омонимы разных сфер употребления. Они, как и антонимы, составляющие один из важных разделов марийской лексикологии, до сих пор не подвергались всестороннему лингвистическому анализу. Из-за неразработанности данной проблемы многие лексические единицы в одном словаре даны как многозначные, а в другом – как разные слова, омонимичные друг другу.

Предметом исследования выступают омонимия и смежные с ней явления, относящиеся к звуковой и графической сторонам речи. Кроме того, на каждом из этапов исследования марийский языковой материал по мере возможности сопоставляется с иноязычными эквивалентами. Диссертационная работа Е. Ласточкиной является оригинальным научным исследованием. Она охватывает все стороны языка: лексику, фонетику, грамматику, словообразование, по необходимости привлекаются лексические данные как родственных, так и неродственных языков.

Выбор темы не вызывает никакого сомнения, она очень актуальна и своевременна. Актуальность исследования обусловлена: недостаточной изученностью проблемы омонимии в марийском языке, практической неразграниченностью омонимии и многозначности, значимостью результатов анализа омонимии и смежных явлений для семасиологии, неполной представленностью омонимов в лексикографических изданиях и отсутствием словаря омонимов марийского языка.

Цель исследования – изучение омонимов марийского языка, разграничение омонимии от полисемии, анализ путей возникновения омонимов, классификация омонимов по семантическим признакам и характеристика их функциональной роли. Для достижения цели ставятся следующие задачи частного характера: 1) рассмотреть омонимию и историю ее изучения в финно-угорской и русской лингвистике; 2) проверить на марийском языковом материале эффективность известных критериев разграничения разнотипной полисемии и омонимии; 3) предложить психолингвистический способ разграничения омонимии от полисемии, представляющий собой одно из инновационных направлений лингвистических исследований; 4) описать функционально-стилистическую роль омонимов; 5) исследовать пути и способы образования омонимов; 6) разграничить типы омонимов и определить их понятийно-семантическую связь; 7) провести количественную характеристику омонимов; 8) составить перечень омонимов современного марийского литературного языка; 9) определить место слов-омонимов в марийской языковой системе (с. 12–13). Поставленная цель и задачи в диссертационной работе были успешно достигнуты.

Диссертант пользовался такими методами лингвистического исследования, как аналитический (анализ литературы по проблемам диссертационного исследования); метод наблюдения, описания и составления списка омонимов; метод статистического описания материалов (для выявления количества омонимов и их семантических групп); метод структурного и сопоставительного анализов (для определения омонимии и полисемии); метод психолингвистического эксперимента (опрос/анкета) (с. 13).

Источником исследования, как отмечает соискатель, послужили данные десятитомного словаря марийского языка толкового типа и двуязычных словарей, личная картотека автора, составленная путём выбора материалов из марийских художественных произведений, устного народного творчества и периодической печати (с. 14). Однако, нужно заметить, в разделе «Источники исследования» (с. 106) произведения устного народного творчества и периодической печати не отражены.

В общей сложности диссертантом выявлено 1100 пар лексических единиц марийского языка, совпадающих по форме (звучанию и/или написанию), но имеющих разную семантику и не связанных ассоциативно.

Научной новизной настоящей работы является то, что в ней впервые произведен опыт комплексного анализа омонимов марийского языка. Результаты изысканий по вопросам омонимии в большинстве случаев представлены в различных статьях и тезисах автора.

В диссертации глубоко освещаются вопросы омонимии и полисемии, новые подходы к разграничению этих двух явлений, пути возникновения омонимов, их классификация, а также статистическая характеристика марийских омонимов.

Наиболее ценным в данной работе является то, что в ней впервые представлен словарь омонимов марийского языка, который состоит из двух

частей. Первая часть имеет подзаголовок «Словарь омонимов марийского языка» (с. 112–179), вторая – «Словарь омонимов марийского языка (русские заимствованные слова)» (с. 180–183).

Методы изучения поставленных задач отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен в изложении. Это, бесспорно, придает достоверность исследованию.

Структура работы определяется концепцией, целью, задачами и логикой исследования. Диссертация, общий объём которой составляет 206 страниц, состоит из четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и двух приложений. Следует особо отметить, Е. Ласточкина хорошо знакома с источниковедческой литературой. Список использованной литературы содержит около 100 наименований теоретических работ, список источников – 19 наименований, список словарей – также 19.

В первой главе «Введение» (с. 10–15) автор весьма аргументировано обосновывает выбор темы, её актуальность, определяет конкретные цели и задачи, раскрывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость, описывает методы лингвистического анализа, позволившие проникнуть в суть явления омонимии, указывает источники и основные методы работы, определяет основные положения, выносимые на защиту, дает краткий обзор истории изучения вопроса.

Вторая глава «Омонимия марийского языка и принципы их лексикографического описания» (с. 16–58) посвящена фундаментальному вопросу в этой области – разграничению омонимии от полисемии с привлечением инновационных критериев наряду с традиционными приёмами дифференциации этих явлений. Несомненным достоинством работы является то, что в ней представлены такие важные разделы, как «Психолингвистические факторы в разграничении омонимии от многозначных слов» (с. 35–43) и «Функционально-стилистическая роль омонимов в марийской поэзии» (с. 49–56).

Диссертантом правильно замечено, что «омонимы в каждом языке являются одним из исторических явлений лексикологии...», ср. также «Омонимия как естественное закономерное лексико-семантическое свойство речи – историческая категория» (с. 16). Конечно, при описании истории изучения марийской омонимии большую помощь могли оказать памятники письменности. Например, в рукописных словарях XVIII–XIX вв. можно наблюдать подачу омонимичных слов в словарных статьях. В отдельных глоссариях омонимы даны в составе одной словарной статьи, в других они правильно выделены и оформлены отдельными словарными статьями.

В третьей главе «Омонимия в её взаимодействии и связях с другими уровнями языка» (с. 59–84) даётся полный анализ типов омонимов марийского языка. Омонимы с учётом их лексического значения и грамматической характеристики совершенно правильно разделены на следующие типы: лексические, морфологические (омоформы), орфографические (омографы),

фонетические (омофоны). Дается четкое определение каждого типа омонимов, подробно рассматриваются их структурные группы. В диссертационной работе подвергнуты интерпретации не только слова-омонимы, но и морфемы-омонимы (с. 69–72).

В разделе «Квантитативный анализ марийской омонимики» (с. 78–83) даётся количественная характеристика омонимов. Выявлено свыше 1100 омонимических групп, содержащих около 5000 омонимов. Все данные показаны в виде диаграммы (с. 78–79). В этом же разделе проводились такие расчеты, как объём омонимического ряда и распределение омогрупп по структурным типам, производилось распределение омонимических единиц разных уровней по структурным типам. Тщательный анализ показал, что чаще всего встречаются субстантивно-глагольные омогруппы, т.е. образованные с участием существительных и глаголов. Все это представлено в виде таблицы (с. 80–82).

В четвертой главе (с. 85–96) рассматривается влияние различных факторов на возникновение омонимов. Диссертант выделяет шесть путей образования омонимов в марийском языке: вследствие морфологических преобразований (словообразование, формообразование, словоизменение, конверсия, подчинительные соединения слов, спряжение глаголов), фонетических изменений, случайных совпадений, семантического развития (распад полисемии), заимствования, диалектизмов. Теоретическая часть подтверждается богатым иллюстративным материалом.

На наш взгляд, уточнения требуют омонимичные слова *атма* I Г. ‘намет’, *атма* II Г. ‘перепонка на лапах (у водоплавающих птиц)’ и *морко* I Г. ‘морковь’, **морко** II Г. ‘кисть (пояса)’ (с. 95). Лексемы *атма* ‘намет’ и *атма* ‘перепонка на лапах (у водоплавающих птиц)’ даны с пометой Г., т.е. горное наречие марийского языка (в горном наречии вместо *a* на самом деле выступает графофонема *ǎ*). Однако в «Словаре марийского языка» стержневым словом выступают луговомарийские варианты слов. К омонимичным словам *морко* I Г. ‘морковь’, *морко* II Г. ‘кисть (пояса)’ можно добавить забытое слово марийского языка *морко* ‘лес’. Оно встречается лишь в небольшом микроареале, также зафиксировано в диалектном словаре Э. Беке.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 97–103), содержащим умело сформулированные выводы по всем главам. Отдельным списком даются использованные лексикографические источники под заголовком «Словари» (с. 105), далее следуют «Источники исследования» (с. 106), диссертационная работа завершается списком научной литературы на иностранном (с. 107) и русском языках (с. 107–111).

В конце рецензируемой работы представлены два приложения. Первое приложение состоит из двух частей: словаря омонимов марийского языка (с. 112–179) и словаря омонимов марийского языка (русские заимствованные слова) (с. 180–183). Безусловно, данное приложение является ценным вкладом

в марийскую лексикологию и может стать базой для составления словаря омонимов марийского языка. Многие лексические омонимы и их диалектные варианты в научный обиход вводятся впервые. Второе приложение имеет заголовок «Пример анкеты психолингвистического эксперимента» (с. 184–189), оно дано на двух языках – марийском и русском.

В первой части приложения «Словарь омонимов марийского языка» словарной статьей выступают омофоны *ику I – II*: *Ику I* – мужское имя, *ик у II* – одна буква *у* (с. 117). Возникает вопрос, являются ли омофонами такие пары, как, например: *кока* ‘тетя, тетка’ – *кок а* ‘две буквы а’, *кума* ‘кума, кумушка’ – *кум а* ‘три буквы а’, *шыма* ‘нежный, ласковый; гладкий; мягкий’ – *шым а* ‘семь букв а’ и некоторые другие?

В отдельных местах не достаёт четкого разграничения таких лингвистических понятий как, например, неологизмы и окказионализмы. Сравните *тодыш I – II*: *тодыш I* уст. – грамматическое спряжение, группа глаголов с одинаковыми формами словоизменения; *тодыш II* уст. – сгиб, загиб, подгиб, место где загнуто или подогнуто (с. 151). Лексема *тодыш I* ‘спряжение’ дана с пометой уст., т. е. устаревшее слово; сравните также аналогичные лексические единицы – грамматические термины: *вочмык* ‘падеж’, *у́жык* ‘приглашение’, *тайык* ‘наклонение’, *тёртык* ‘закон’ и некоторые другие. Они тоже устаревшие слова или окказионализмы?

В работе лексемы *брак II* семейный союз мужчины и женщины (с. 180), *мир I 1*) мир; отсутствие войны; 2) мир; мирный договор; 3) в поз. опр. мирный (с. 181), *союз II* часть речи (с. 182) отнесены к заимствованиям. Следует констатировать, приводимые в качестве иллюстрации лексические единицы являются не заимствованиями, а проникновениями. Они вытеснили собственно марийские слова из активного употребления, ср.: *брак* ‘мужыранмаш’, *мир* ‘тыныс, тыныслык’, *союз* ‘ушем мут’.

Рецензируемая работа является весомым вкладом в исследование лексикологии марийского языка. Существенна практическая значимость работы. Собранный автором богатейший фактический материал, как уже отметили, может использоваться при составлении полного словаря омонимов марийского языка. А разработка теоретической части исследования может служить опорой для составителей двуязычного филологического словаря разных уровней.

Работа Елены Ласточкиной представляет собой серьезное, самостоятельное, законченное исследование с обоснованными выводами и результатами. Комплексное исследование, проведенное на фактическом материале с применением разных методов и приемов, открывает новое направление в изучении омонимии в современном марийском языке и расценивается как вклад не только в марийское языкознание, но и в финно-угорскую лингвистику.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

Рец.: Н.А. Ракин. Коми перевод «Калевалы» в контексте некоторых аспектов истории и теории (художественного) перевода. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. – Тарту, 2014. – 338 с.

Тема докторской диссертации является весьма актуальной для современного коми языкознания, так как еще не предпринималось ни одной попытки подробно исследовать переводы с финского языка на коми-зырянский литературный язык такого значительного в общекультурном и художественном отношении эпического произведения, как «Калевала». Работа Н.А. Ракина является практически первым монографическим исследованием в области теории перевода в пермском языкознании, хотя зарождение коми письменности во второй половине XIV в. берет начало именно с церковных переводов, сделанных просветителем коми народа Стефаном Пермским и его учениками. Так было у большинства народов мира: первые опыты книжно-письменного языка, как правило, представляли из себя переводы. И в XVIII–XIX вв. главным анклавом письменно-литературного языка были переводы, также и в начале периода классической коми литературы в середине XIX в. важное место стали иметь художественные переводы. Так, основоположник коми литературы и первый коми поэт Иван Куратов (1839–1879) перевел на коми язык избранные произведения Анакреона, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, Ф. Шиллера, Г. Гейне, А.А. Рудаки и др. В XX в., часто в нехорошем смысле упоминаемое советское время, с 20-х до начала 60-х гг. практика переводов на коми язык достигла своего апогея (две трети книг, выпускаемых в год, были переводами художественной, учебной, общественно-политической и отраслевой литературы). После этого так называемый период застоя действительно стал настоящим застоєм и в области переводов: перестали выпускать переводные книги, а художественный перевод ограничился небольшими публикациями в газетах и журналах, очень немногих антологиях. Эпоха гласности и последовавшие десятилетия открыли все возможности для переводчиков, однако поставили новый «железный занавес» – финансовый голод и невнимание властей к национальному книгоизданию, из-за чего выпуск переводной литературы в Республике Коми стал эпизодическим, а тиражи немногих книг мизерными. Добавлю одну информацию о гримасах современного российского капитализма: правительство Республики Коми лет десять назад приватизировало, т. е. выставило на торги, государственное Коми книжное издательство, в результате чего новый его хозяин вообще

перестал заниматься выпуском книжной продукции, а редакторы и сотрудники были уволены. Кстати, необходимость переводов на коми язык подвергается сомнению и в наши дни. Несколько лет назад в Национальном музее Республики Коми была организована дискуссия, основной темой которой было выяснение того, нужно ли вообще переводить художественную литературу на коми язык. Организаторами дискуссии были директор музея и ее муж, преподаватель культурологии в Коми пединституте (лица не коми по национальности и, естественно, не владеющие коми языком).

Диссертационная работа Н.А. Ракина была выполнена на кафедре финно-угорского языкознания Института эстонского и общего языкознания Тартуского университета под научным руководством широко известного и авторитетного исследователя финно-угорских языков, кандидата филологических наук, доктора философии, доцента Тыну Сейленталя.

Композиционно диссертация Н.А. Ракина состоит из введения (с. 5–7), двух основных глав, заключения, списка условных сокращений, списка источников, развернутого резюме на эстонском и английском языках, а также приложения. Объем диссертации составляет 206 с., приложения – 150 с. текста. Список использованной и цитированной научной литературы состоит из 330 названий работ, опубликованных на многих языках, что говорит о хорошем владении диссертантом специальной научной литературой. Приложение состоит из двух частей: «История переводческой деятельности с коми языка и на коми язык (художественный перевод)» и «Тексты переводов «Калевалы» А.И. Туркина, примечаний к этому переводу, переводов фрагментов В.И. Лыткина, М. Елькина и коми-пермяцкой поэтессы А. Истоминой. Материалы приложения очень важны и презентабельны при чтении основной части диссертации. Композиция самой работы отличается стройностью и рациональностью, исходящих из логики изложения материала.

Во введении определяются актуальность темы диссертации, объект и предмет исследования, цели, задачи и методы, теоретическая база исследования, материалы и источники, даются сведения о научной новизне и практической значимости работы и т. д. Особо необходимо отметить полноту использованного диссертантом языкового материала как в области основы перевода, исходного текста, так и в части переведенных текстов и их вариантов (рукописных, печатных), тщательно собранного на протяжении ряда лет из различных опубликованных и рукописных источников.

Первая глава под названием «Вопросы истории переводческой практики (художественный перевод)» (с. 8–46) состоит из двух основных частей: в первой дается краткая информация о переводческой деятельности с коми языка и на коми язык, во второй содержится комплекс сведений об исходном тексте финского эпоса и его создателе Элиасе Лённроте, об основных публикациях эпоса «Пра-Калевала» (1833 г.), «Старой Калевале» (1835 г.), «Новой Калевале» (1849 г.). Первая часть главы о переводах на коми язык и с коми языка дает

лишь очень схематичное представление о переводческой деятельности и изобилует цифрами. Интересно, что наибольшее число переводов с коми языка произведено на эстонский язык и, соответственно, на коми язык с эстонского. В список переводов с эстонского языка на коми необходимо включить одно неучтенное в работе издание – книгу рассказов известного эстонского детского писателя Эно Рауда «Сипсик – ловья акань» (Сыктывкар, 2006. 34 с.), переведенную оппонентом и выпущенную на спонсорские средства.

Максимально полное представление о переводах на коми язык и с коми языка можно получить из материалов приложения (с. 2–54), где благодаря усидчивости и внимательности автора диссертации составлен большой список художественных переводов на коми язык с XIV в. до наших дней и переводов с коми на русский язык, языки народов бывшего СССР, европейские языки, а также даны сведения о взаимных финно-угорских переводах по языкам, как на коми, так и с коми на финно-угорские языки. В научной литературе эти сведения собраны и системно представлены в диссертации Н.А. Ракиным впервые. Естественно, список переводов, данных в приложении, не является и не может являться полным, он требует дальнейшего пополнения. Так, в нем отсутствуют названия двух книг, переведенных с русского языка коми поэтом Александром Некрасовым: сборник популярных песен прежних лет «Лёз ёзын» (Сыктывкар, 2010. 304 с.) и сборник стихов Сергея Есенина «Лымьялысь лём» (Сыктывкар, 2005. 288 с.).

Вторая часть главы о «Калевале» и ее переводах построена на анализе богатой историко-лингвистической литературы о создании и публикации финского эпоса. Здесь приводится масса фоновых знаний об эпохе, эстетических и художественных течениях в Европе в XIX в. Постулируется, что эпос «Калевала» как сложное многослойное художественное произведение, находящееся между фольклором и художественной литературой, характеризуется сложностью языка, который уже изначально был труден для восприятия даже самим финнам (с. 18–20). Это естественным образом отражается и на процессе перевода эпоса, сведения о котором изложены в пункте 2.2.2. диссертации (с. 20–46). Н.А. Ракин дает информацию о самых первых и последующих переводах эпоса вначале на европейские языки, затем на финно-угорские (венгерский, эстонский, удмуртский и т. д.). Особый интерес представляет обзор переводов «Калевалы» на коми литературные языки (с. 36–46). Эпизодические переводы частей рун осуществили поэты Илья Вась (В.И. Лыткин), Михаил Елькин, Анна Истомина, однако с финского языка на коми 14 рун в объеме 5132 строки перевел и опубликовал доктор филологических наук А.И. Туркин. Если в отношении биографии создателя финского эпоса Э. Лённрота и историко-культурного фона создания «Калевалы» был сделан обстоятельный обзор, то об основном переводчике Адольфе Ивановиче Туркине (1936–1996) в диссертации дана очень краткая информация, состоящая из шести строк (с. 37), и совсем нет сведений об общественно-политической обстановке в Республике Коми и СССР во время

перевода и публикации 13 рун. Необходимо отметить, что переводчик был тесно связан с культурной и литературной жизнью республики, все его книги, словари были изданы в Коми, он преподавал в Сыктывкарском государственном университете, печатался в коми газетах и журналах, все отпуска проводил на родине. Вероятно, вовсе не случайно, что первый текст перевода увидел свет в 1985 г. – непосредственно перед проведением в Сыктывкаре VI МКФУ и когда уже забрезжила на горизонте заря эпохи перемен, а остальные руны изданы в 90-е гг., последние были опубликованы уже после кончины переводчика. Нужно здесь подчеркнуть, что А.И. Туркин идеально подходил для роли переводчика «Калевалы» как лингвист, выпускник кафедры финно-угорских языков ЛГУ, профессионально владевший финским языком, в молодости писавший стихи и рассказы на родном коми языке, знаток коми диалектов, специалист в коми топонимике, филолог в широком смысле слова. Кроме перевода «Калевалы», А.И. Туркин в постперестроечные годы издал отдельной книгой литературное наследие широко известного ученого и русского писателя, коми по духу и происхождению Каллистрата Жакова, эмигрировавшего в Эстонию, затем в Латвию. Также перевел с финского языка и частично опубликовал работы коми-пермяцкого исследователя Игнатия Мёсшега, жившего после революции в Финляндии. Сама личность А.И. Туркина вполне может быть темой отдельного исследования. Далее в диссертации следует интересный подраздел «Калевала» и коми литература, фольклор и культура» (с. 41–36), где выявлены факторы влияния финского эпоса на развитие коми литературы и культуры, драматургии и театра.

Вторая глава «Вопросы теории художественного перевода (лингвистические аспекты)» (с. 47–178) является основной аналитической частью диссертации, она, в свою очередь, разделяется на три блока. Первый блок посвящен теоретическим основам диссертационной работы. На базе изучения обширной специальной литературы Н.А. Ракин концептирует свое понимание сущности перевода и переводческих трансформаций, определяет их типологию и классификацию. В работе выделяются три вида трансформаций: 1) лексические (конкретизация, генерализация, свертывание значений и т. д.); 2) грамматические (развертывание, замена, перестановка, вставка, опущение); 3) компенсация (с. 51). В соответствии с этой классификацией и построена вторая глава, где автору удалось представить наглядно и в необходимом объеме очень большой сопоставительный материал. Хотя коми и финский языки являются родственными друг другу и имеют ряд схожих черт, в современном состоянии это отличающиеся языки, где многие элементы лексики, морфологии и синтаксиса не имеют прямых соответствий, что вынуждает переводчика выражать смысл исходного текста при помощи иных средств, свойственных языку, на который совершается перевод. Наиболее наглядно это проявляется на уровне лексики. Диссертант начинает рассмотрение с приема конкретизации, т. е. подбора для перевода слов с более узким и конкретным

значением; например, финское слово *vuõ* имеет широкое значение «пояс, ремень», прямого соответствия ему нет в коми языке, поэтому переводчик передает смысл слова при помощи двух слов *тасма* «ремень» и *вõнь* «пояс» (с. 52). В следующем подразделе «Генерализация» (с. 54–56) представлены случаи обратного порядка, когда из-за отсутствия соответствующих значению финского слова параллелей переводчик употребляет родовое слово с более общим значением; например, финское *nokka* «клюв, твердая, выступающая часть рта птицы» переводится родовым словом *ныр* «нос, клюв» (с. 54). Это говорит также о том, что в финском языке множество абсолютно финских слов со своеобразным значением, отражающих национальное «видение», фрагментацию действительности, свидетельствующих об особом отражении и выделении природного, психо-физиологического и культурного окружения этноса. От себя хочется дополнить материал Н.А. Ракина одним наблюдением. В некоторых случаях переводчик не использует существующие в коми языке прямые соответствия финским словам. Например, слово *salo* «большой и глухой лес» переведено родовым словом *вõр* «лес» (с. 54), хотя в диалектах и литературном языке есть более точный эквивалент – лексема *тіль* со значением «глухой густой лес, густые заросли, чаща», ср. коми-пермяцкое слово *тэлля* «еловый лес», удмуртское *тэль* «лес». Это слово употребляет в своем романтическом стихотворении о лесе коми поэт Ананий Размыслов:

<i>Пемыд вõр, тэнад кõнджык пом?</i>	Темный лес, где у тебя конец?
<i>Кõни пемыд тіль помасьõ тэнад?</i>	Где темная густая чаща кончается твоя?
<i>Кымын пõtкальсь пõtкõдлин вом?</i>	Сколько дичи ты прокормила?
<i>Кымын зверõс тэ быдтин ас дїнад?</i>	Сколько зверей ты взрастила у себя?

Далее диссертант раскрывает приемы свертывания и развертывания значений, где последнее отражает существенную особенность финского языка – изобилие сложных слов, которым в коми соответствуют словосочетания. Из нескольких приведенных в работе соответствий видно, что переводчик в процессе перевода, на наш взгляд, не использовал прием создания коми неологизмов; например, значение финского слова *uros* передано сочетанием *вына морт* «богатырь», хотя вполне можно было образовать слово *вынморт*. Кстати, это слово возникло и употребляется в современном коми языке.

Грамматические замены в языке перевода так же естественны, как и лексические, т. к. коми язык сильно отличается от финского, особенно в области глагола, его инфинитных форм. Н.А. Ракин скрупулезно изучил оба текста эпоса и выделил следующие виды замен: замена формы слова, замена части речи, замена членов предложения, грамматические перестановки и вставки. В одних случаях такие замены просто необходимы, например, замена финских существительных *pluralia tantum* существительными в единственном числе (ср. фин. *kasvot* и коми *чужõм* «лицо»), изменение порядка слов и т. д. В других случаях они обусловлены тем, что при структурном и дословном переводе с финского на коми сразу же теряется естественность языка, а о его поэтичности

не может быть и речи. Нет смысла здесь подробно все реферировать и приводить примеры из-за огромного объема материала, скажем лишь, что многочисленные вставки и компенсации для переводчика были также необходимы в целях сохранения стихотворного размера и длины строк исходного текста.

В рассматриваемой главе очень интересна третья часть «Безэквивалентная лексика в оригинале и переводе» (с. 116–146). В ней системно представлены способы перевода т.н. реалий, или народных слов, тесно связанных с бытом и мировоззрением создающего их народа (с. 117), в данном случае – с традиционным хозяйством и культурой финнов. Реалии обозначают природно-географические, этнографические, общественно-политические объекты или явления. Диссертант на основе изучения специальной литературы представляет два основных способа передачи реалий в переводе: транскрипция (транслитерация) и перевод (замена) (с. 119). Н.А. Ракин в приведенных списках слов, к сожалению, не заметил одну непоследовательность переводчика, а именно: вместо транскрипции и транслитерации многих этнографических реалий, антропонимов и топонимов слова были просто заимствованы из русского перевода «Калевалы», т. е. не были использованы возможности коми правописания в передаче истинного звучания реалий, а именно – обозначение твердости предшествующего согласного путем употребления букв *i* и *э*. К примеру, *Lemminkäinen* передается как *Лемминкяйнен*, а не как *Лэмминкайнэн*, финское *kantele* – как *кантеле*, а не как *кантэлэ*, *Vioksi* – как *Вуокси*, а не как *Вуоксі*. Это также относится к названию эпоса, следовало бы его писать как *Калэвала*. Читающий по правилам коми языка будет произносить многие слова-реалии в переводе А.И. Туркина совсем не так, как они звучат в финском языке.

Следующая часть главы под названием «Стилистика оригинала и ее отображение в переводе» (с. 146–169) дает четкое представление о комплексе переводческих приемов, нацеленном на передачу поэтического и метрического своеобразия стихов финского эпоса. Она состоит из ряда подразделов, в которых рассматривается использование переводчиком диалектизмов, архаизмов, неологизмов, способов передачи аллитерации и параллелизма оригинального текста. Диссертант приходит к выводу, что сложный, многослойный и смешанный в диалектном отношении язык финского оригинала адекватно передать ни на каком языке невозможно в принципе, но переводчику все же удалось выразить основную стилистику и поэтичность оригинального текста, зачастую также путем использования редко употребляемой и диалектной коми лексики. Однако в представленном в диссертации списке коми диалектизмов и архаизмов (употребленных переводчиком) не все приведенные слова теперь являются ими. Многие лексемы уже вошли в фонд литературного языка и даны в последнем по времени издания большом коми-русском словаре «Коми-роч кывчукор» (2000, авторы: Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева) как норма, без пометы *диал.*: *чужмөр* «горностай» (КРК, с. 715), *орс* «плеть» (КРК, с. 460), *чумпель* «берестяной черпачек для питья» (КРК, с. 719), а при

словах *сёкыр* «мерин» (КРК, с. 585) и *кырта* «скала» (КРК, с. 337) помета *диал.* на самом деле не нужна. Не являются архаизмами также слова *весът* «пядь (мера длины)» (КРК, с. 95) и *енкõла* «мир, вселенная», т. к. они употребляются в речи коми по сей день, причем во многих диалектах. Вообще, в последние два десятилетия значительное количество диалектно окрашенных слов активно вошло в фонд литературного языка, наряду с многочисленными созданными неологизмами.

Завершает вторую главу подраздел «Переводческие ошибки» (с. 170–178), который имеет большое значение как для переводческой практики вообще, так и для тех, кто в будущем будет готовить тексты переводов «Калевалы» для переиздания или издания в виде отдельной публикации. Внимание диссертанта привлекли переводческие ошибки трех разновидностей: семантические (неверно переведены отдельные лексемы), синтаксические (неверно поняты и переведены конструкции), смысловые (неверно переданы содержание высказывания или части текста).

Достаточно сжатое заключение (с. 179–184) отражает основные положения и выводы диссертационной работы. Все его пункты обоснованы и логически вытекают из проведенного в главах лингвистического анализа.

Список использованной и цитированной литературы содержит 330 наименований изданий на разных языках и представляется почти полным. К сожалению, он не разделен на части, поэтому алфавитный принцип составления нарушен, т. к. здесь сначала даны опубликованные тексты самой «Калевалы», затем идет список источников (в основном словарей) в сокращениях, а далее – работы отдельных авторов. В список можно было включить также издание «Коми гижан культура паньсыяс» (Сыктывкар, 2002. 156 лб. Авторы: И.А. Плосков и Е.А. Цыпанов), где освещаются и переводы на коми язык XIX в. Кроме того, в списке отсутствует ряд научных статей о текстах переводов Библии на коми язык. По мнению многих исследователей, текст Библии также представляет коллективное произведение, близкое к традиционным мировым эпосам, считается, что это специфический историко-философский эпос с религиозно-мифологическим содержанием. В последние два десятилетия лишь текст Библии переводится на коми язык последовательно и организованно, евангелия и «Новый завет» изданы большими тиражами.

В целом диссертация Н.А. Ракина является законченной, самостоятельной исследовательской работой. Кроме несомненного общенаучного значения в области переводоведения, она имеет и большое практическое значение для преподавания теории перевода применительно к коми языку в высших учебных заведениях, для переводчиков на коми язык фольклорных и поэтических произведений, для разработки новых основных и специальных курсов, при написании новых учебно-методических пособий, учебников нового поколения для вузов. Текст диссертации наглядно представляет богатство и разнообразие языка как исходного текста, так и текста перевода А.И. Туркина. Иллюстративный

материал подан последовательно и в достаточном объеме. Приходится только изумляться трудолюбию и усидчивости автора диссертации, его умению классифицировать и описывать финско-коми сопоставительный материал, получать статистические данные, умению работать с многочисленными словарями и справочниками.

В тексте были замечены очень немногие стилистические недочеты, например, *Г.С. Лыткин – поэт, переводчик, философ литературы*. По содержанию это предложение также некорректно, так как Г.С. Лыткин опубликовал лишь несколько стихотворений, не представляющих большой художественной ценности, нет у него и никаких специальных литературоведческих работ. В диссертации иногда допущены опечатки, грамматические ошибки и пропуски запятых. Эти замечания имеют частный характер и не снижают большой научной ценности работы.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

Рец.: Садигов Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография) / Р.Р.Садигов. Уфа: ООО «Первая типография», 2016. – 276 с.+20 с. илл.

Особенностью территории Республики Башкортостан является компактное проживание финно-угорских народов, которым посвящено данное исследование. Автор монографии доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им.Р.Г.Кузеева Уфимского НЦ РАН Ранус Рафикович Садигов. Многие годы он исследовал историю и культуру марийцев, удмуртов, мордвы и эстонцев, представленными различными этнографическими и конфессиональными группами. Это первое издание, где совместно рассматриваются исторические и демографические процессы, конфессиональные особенности, различные аспекты материальной и духовной культуры этих этносов. Проживая в иноэтничном окружении, и в отрыве от материнских этносов, финно-угорские народы Башкортостана отличаются заметным своеобразием и самобытностью, они сохранили многие архаичные традиции и обычаи, элементы материальной культуры, утраченные в метрополиях. Вместе с тем, проживая отдельными анклавами среди преобладающего по численности тюркского населения, они приобрели новые особенности, которые им раньше не были свойственны. Основными источниками при написании монографии являются собственные богатые полевые материалы автора, собранные в ходе многочисленных экспедиций и научных командировок к финно-угорским народам Башкортостана. В работе использован уникальный архивный материал из различных российских и зарубежных архивохранилищ. Автор опирается и на предшествующие опубликованные источники и исследования.

В начале очерков по каждому народу рассматривается этнокультурная характеристика: численность и расселение в России и Башкортостане; локальные и субэтнические группы; языковые особенности; конфессиональная характеристика. Автором раскрывается история формирования этнотерриториальных групп финно-угорских народов в республике. Отдельные разделы посвящены историографии и источникам по истории и культуре этих народов.

В разделе хозяйственная деятельность и материальная культура Р.Р.Садигов рассмотрел: традиционные виды хозяйственной деятельности; поселения и жилища; народную одежду; кухню и традиции гостевания. Отдельный раздел посвящен календарным праздникам и обрядам каждого финно-угорского народа. Автор кратко рассматривает и семейную обрядность, связанную

с родильными, свадебными, похоронно-поминальными ритуалами. При раскрытии тех или иных аспектов культуры данных групп народов, автор умело использовал различные материалы и сведения о культуре материнских этносов из различных исследований и источников. Нельзя не отметить разделы, связанные с конфессиональными особенностями данных групп, которые автором раскрыты особенно подробно.

В специальном разделе осяцается этнокультурное развитие финно-угорских народов Башкортостана в XX–XXI веках, которое имело в своей истории яркие особенности у каждого финно-угорского народа Башкортостана. Для рассмотрения этнокультурных процессов выбраны наиболее знаковые явления, которые характеризуют тот или иной народ.

Испытав влияние традиций тюркских народов на культуру, финно-угорские народы заимствованные элементы адаптировали в соответствии со своими этническими и этическими представлениями. Автор подчеркивает, что у них заметно меньше чувствуется русского влияния, которое присуще остальным группам этих народов, проживающих в титульных республиках. Финно-угорским народам Башкортостана характерны высокая степень этнического самосознания и высокий уровень сохранения родных языков. Р.С.Садиков объясняет это стремлением к самосохранению этих народов как отдельных этнокультурных групп в иноэтничном и иноконфессиональном окружении и позитивной этнокультурной политикой, проводимой в данном регионе.

Однако, как отмечает автор, в последние десятилетия в этнокультурном и демографическом развитии финно-угорских народов наметились и негативные тенденции. Это проявляется в заметном сокращении их численности, что особенно характерно эстонцам и мордве. Эта тенденция вызвана как высокой смертностью, миграцией в другие регионы, особенно молодежи, так и процессами ассимиляции.

Значительную часть финно-угорского населения Башкортостана составляют сельские жители. Общая нестабильность экономики села негативно сказывается на этнокультурных показателях финно-угорских народов. Из-за отсутствия работы происходит размывание и разрушение некогда стабильных сельских этнических сообществ. В деревнях остаются люди пенсионного возраста, постепенно прекращается воспроизводство этнических традиций. На этнокультурной ситуации плохо сказываются отсутствие хороших дорог, низкий уровень медицинского обслуживания, оптимизация сети сельских школ, неудовлетворительное состояние учреждений культуры. Многие нерешенные проблемы ведут к усилению этнического нигилизма. Но вместе с тем, как отмечает автор, в последние годы наблюдаются некоторые положительные тенденции, активизируется социальная активность представителей финно-угорских народов, в том числе при решении этнокультурных проблем в данном регионе.

Монографическое исследование является научно обоснованным, весьма востребованным в современных условиях глобализации, поставленные цели

и задачи в нем раскрыты на хорошем уровне. Оно характеризуется логичным, научным стилем изложения. Данное исследование, несомненно, является ценным вкладом в изучении истории, культуры, демографии периферийных групп финно-угорских народов, проживающих вне материнских территорий. Научная и практическая значимость исследования очевидна.

В книге имеются цветные и черно-белые фотоиллюстрации по всем финно-угорским народам региона, собранные и сфотографированные во время экспедиций и командировок автором. В конце книги имеется интересное и ценное приложение, где впервые опубликованы уникальные архивные материалы о финно-угорских народах, обнаруженных Р.С. Садиковым в фондах ЦИА РБ.

Материалы монографии могут быть использованы в научной работе сотрудников историко-краеведческих музеев, привлечены при составлении учебных программ, разработке курсов лекций по истории и этнической культуре финно-угорских народов Башкортостана.

Книга предназначена для этнологов, историков, краеведов.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

Х Р О Н И К А

ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МАРИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

30 сентября 2016 года в Марийском государственном университете состоялась очередная (третья) научно-практическая конференция по теме «Проблемы марийской и сравнительной филологии». Как и в 2015 году, она была заявлена как мероприятие всероссийского уровня и с международным участием.

За последние три года, в течение которых проводилась конференция, сформировалось и объединилось вокруг университета профессиональное сообщество российских и зарубежных ученых, заинтересованных в обсуждении актуальных проблем современной филологической науки и филологического образования, готовых к широкому научному сотрудничеству.

Конференция «Проблемы марийской и сравнительной филологии» и издаваемая на основе ее материалов одноименная серия сборников статей призваны освещать современные теоретические и прикладные проблемы марийской, финно-угорской, урало-поволжской филологии, а также активизировать включение марийского языкознания, фольклористики и литературоведения в актуальное поле сравнительных и междисциплинарных исследований, осуществляемых сегодня в России и за рубежом.

Инициатор конференции и научного издания – кафедра финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации. Конференция проводится ежегодно в рамках научных мероприятий Международной ассоциации финно-угорских университетов и Марийского государственного университета, при поддержке Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ. Наряду с учеными, аспирантами, студентами МарГУ, активное участие принимают в ней сотрудники МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева.

В этом году конференция была посвящена 85-летию со дня основания кафедры марийского языка и литературы. Кафедра была создана 30 сентября

1931 года в Марийском агропединституте. Первым заведующим был доцент Василий Тимофеевич Соколов. С этого времени она прошла длительный путь развития в рамках Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской и Марийского государственного университета, в условиях множества структурных изменений.

Кафедра, входившая в разное время в структуру историко-филологического, филологического, гуманитарного факультетов, института финно-угроведения, института национальной культуры и межкультурной коммуникации, дала начало смежным кафедрам, вышедшим из нее, имевшим финно-угорскую направленность, связанным с марийской и сравнительной филологией. В разные годы этими кафедрами руководили И.С. Галкин, Ю.В. Андуганов, И.Г. Иванов, И.С. Иванов, А.Н. Куклин, Н.Н. Глухова, О.А. Сергеев, В.Н. Максимов, С.С. Сабитов, Л.С. Матросова, Е.М. Андрианова и др.

Заметим, непосредственно подготовкой вышеуказанной конференции занималась кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, активно взаимодействуя с дирекцией и всеми кафедрами института, а также с учеными других подразделений университета.

В конференции приняли участие в очной и заочной форме более 170 человек из российских регионов (Москвы, Марий Эл, Чувашии, Удмуртии, Татарстана, Мордовии, Югры и др.), а также из Австрии, Эстонии, Туркменистана и Таджикистана. Доклады и сообщения представили более 50 студентов бакалавриата и магистратуры Марийского университета и других вузов России, около 20 педагогов общеобразовательных учреждений.

Открыл конференцию директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Р.И. Чузаев. Ключевым докладом-презентацией «Кафедра марийского языка и литературы Марийского государственного университета: история и современность» выступила заведующая кафедрой марийского языка и литературы Л.С. Матросова.

С приветственными словами и поздравлениями выступили: проректор по научной работе и инновационной деятельности профессор А.Н. Леухин, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей РМЭ Г.С. Ширяева, начальник управления общего и дошкольного образования Минобрнауки РМЭ О.М. Майкова, заместитель директора МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева доцент Л.Я. Григорьева, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова профессор А.М. Иванова, заведующая кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета профессор Т.И. Зайцева.

Профком университета во главе с Л.А. Садовиной подготовил подарки и поздравил ветеранов университета – профессоров Н.И. Исанбаева, И.С. Иванова и Е.Н. Мустаева, доцентов З.К. Иванову, С.С. Сабитова и М.Н. Кузнецову.

С пленарными докладами выступили: научный сотрудник Венского университета (Австрия) Джереми Брэдли («Марийский язык в университетах Вены и Мюнхена: 2014–2017» – в онлайн-режиме), профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова В.Г. Родионов («Истоки художественного сознания уральских народов (к постановке проблемы)») и профессор Марийского государственного университета Л.А. Абукаева («Лингвопрагматический аспект употребления марийских запретов»).

Докладчиками были затронуты актуальные вопросы изучения национальных языков, фольклора и литературы, новые аспекты их исследования и представления в социуме. Так, Джереми Бредли продемонстрировал огромный интерес зарубежных исследователей как к теоретическим проблемам марийского языка, так и к вопросам прикладного характера, в частности к вопросу использования компьютерных технологий в изучении и распространении марийского языка. Профессор В.Г. Родионов поделился с коллегами своими идеями о генезисе художественного сознания финно-угорских народов, вызревшими в результате его многолетних и глубоких исследований в рамках сравнительной методологии. Эти истоки он видит в пещерном искусстве Урала, в мифопоэтическом творчестве финно-угорского этноса. В своем докладе В.Г. Родионов обосновал необходимость установления связи между последовательными звеньями эволюционной цепочки художественного сознания финно-угорских народов с учетом традиций всех видов народного искусства. Профессор Л.А. Абукаева рассмотрела особенности функционирования марийских запретов (ойӧрӧ) с точки зрения прагмалингвистики. Она показала, что запреты свидетельствуют об ориентации адресанта на вежливые, социально приемлемые формы выражения мысли. Ойӧрӧ регулируют отношения между человеком и природой, определяют иерархию отношений между членами этнической общности и семьи, имеют огромную воспитательную силу, выступают как одно из гармонизирующих начал, способствующих определению места человека в мире.

В рамках конференции работали шесть секций: «Актуальные проблемы современного марийского и сравнительно-сопоставительного языкознания», «Опыт развития национальных литератур и перспективы сравнительного литературоведения Урало-Поволжья», «Опыт и перспективы междисциплинарных исследований в области филологии и культурологии», «Марийская и сравнительная филология в системе общего и профессионального образования», «Проблемы истории, поэтики, стилистики и функционирования марийской и финно-угорской художественной словесности», «История и современное состояние марийского языка и языков народов Урало-Поволжья», «Проблемы межкультурной коммуникации и международных отношений». Последние три секции были студенческими.

На секционных заседаниях активно обсуждались вопросы, которые вытекали из основных тематических направлений конференции, предложенных оргкомитетом:

- история и современное развитие вузовского национального образования в Республике Марий Эл и регионах Урало-Поволжья;
- выдающиеся ученые-филологи, их роль в развитии марийской, финно-угорской науки и вузовского образования;
- история и современное состояние марийского языка и его диалектов;
- актуальные проблемы марийского литературоведения и фольклористики;
- языки, фольклор и литература финно-угорских народов в контексте сравнительной филологии;
- опыт развития национальных литератур и перспективы сравнительного литературоведения Урало-Поволжья;
- язык писателя в контексте проблем стилистики художественной речи;
- национальные языки и художественная словесность в контексте теоретических и практических проблем перевода;
- современное состояние типологических исследований в финно-угроведении;
- диапазон и горизонты междисциплинарных исследований по филологии;
- социолингвистические аспекты изучения национальных языков;
- русско-национальное и национально-русское двуязычие;
- родные, государственные и иностранные языки в межкультурной коммуникации;
- лингвокультурологическая проблематика;
- лингводидактические и социокультурные технологии и практики;
- традиции и новации в филологическом и культурологическом образовании в школах с этнокультурным компонентом;
- проблемы изучения родных языков, литературы и культуры в школе и вузе в соответствии с ФГОС общего и высшего профессионального образования;
- проблемы формирования информационной культуры филологов и других специалистов гуманитарной сферы.

При подведении итогов работы участники единодушно высказались за продолжение практики проведения конференции «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (в том числе юбилейной) и издания одноименного сборника статей на основе ее материалов.

По итогам конференции в ноябре 2016 года опубликован третий выпуск сборника статей «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (Йошкар-Ола, 2016. 263 с.), постатейно проиндексированный в научно-информационной базе РИНЦ. Редакционная коллегия издания: проф. Р.А. Кудрявцева (ответственный редактор), проф. Л.А. Абукаева, доценты Е.М. Андрианова и Т.Н. Беляева, заведующий лабораторией «Марийская школа» В.Т. Михайлов.

Раисия Кудрявцева
Йошкар-Ола

ПАМЯТИ ГУРИЯ ИВАНОВИЧА ЛАВРЕНТЬЕВА (1933–2016)

Финно-угорское языкознание, исследователи и преподаватели марийского языка понесли тяжелую утрату. 14 ноября 2016 года не стало Гурия Ивановича Лаврентьева, доктора филологических наук, крупного специалиста по марийской лингвистике.

Гурий Иванович родился 4 октября 1933 года в деревне Семисола Моркинского района Марийской АССР.

В 1950 году после окончания Моркинской средней школы поступил на факультет механизации сельского хозяйства Казанского сельскохозяйственного института. Однако вскоре понял, что специальность инженера-механика ему не по душе, после трех месяцев учебы он возвратился домой. Стал работать

учителем немецкого языка и физкультуры в одной из школ родного района.

В 1953–1958 гг. Г.И. Лаврентьев учился на отделении русского языка и литературы для национальных школ Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. В 1957 году, будучи студентом, в составе фольклорно-диалектологической экспедиции получил навыки транскрибирования звучащей речи, начал постигать тайны звукового строя родного языка, усвоил особенности говора исследуемой территории (очевидно, этот факт в значительной степени повлиял на дальнейшую судьбу Гурия Ивановича, на выбор им будущей специальности). После института преподавал русский язык в школах Моркинского района.

В 1962–1965 гг. проходил обучение в аспирантуре при кафедре марийского языка и литературы Марийского пединститута им. Н.К. Крупской под научным руководством профессора Н.Т. Пенгитова. В 1967 году в Тартуском университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Волжский говор марийского языка». В исследовании была представлена системная фонетическая

и морфологическая характеристика говора. При этом многие языковые явления проанализированы с точки зрения их формирования и отношения к другим диалектам.

В 1967–1974 гг. преподавал русский язык в Глазовском педагогическом институте (Удмуртия). В этом учебном заведении, по признанию самого Гурия Ивановича, он получил основательную филологическую подготовку по русистике и общему языкознанию.

В 1974–1985 гг. Г.И. Лаврентьев был доцентом кафедры русского языка Марийского государственного университета, преподавал различные дисциплины историко-лингвистического цикла русского языкознания. В 1985–1998 гг. работал заведующим кафедрой, доцентом кафедры русского языка и литературы Марийского института образования.

В 1994 году на Совете по защите докторских диссертаций при Марийском государственном университете защитил научный доклад на тему «Морфемная структура слова и словообразование в современном марийском языке», где многосторонне проанализировал словоизменительную и словообразовательную морфемистику марийского языка. В ноябре этого же года ВАК присудил ему ученую степень доктора филологических наук.

В 1998–2005 гг. являлся профессором кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета.

Круг научных интересов Г.И. Лаврентьева довольно широк. Он опубликовал свыше 100 исследовательских работ по таким направлениям марийского языкознания, как диалектология, фонетика (например, «Система фонем волжского говора марийского языка», 1968; «Об одном фонетическом явлении в волжском говоре марийского языка», 1969), морфология («Императив и оптатив в волжском говоре марийского языка», 1965; «Категория числа имен существительных в волжском говоре марийского языка», 1971; «Семантико-грамматический статус марийского инфинитива», 2010), морфемистика («Членение марийского слова на морфемы», 1975; «О некоторых морфонологических явлениях в марийском языке», 1981), историческая грамматика марийского языка («К вопросу об историческом развитии глагольной формы 3-го лица настоящего-будущего времени в марийском языке», 1972), орфография («К проблеме обогащения словаря, совершенствования алфавита и орфографии марийского литературного языка», 1993; «История марийского письма: ряд существенных поправок и дополнений», 2004), а также методика преподавания марийского и русского языков («Изучение в школе строя русского и марийского языков на основе сопоставления их структуры», 1993).

Г.И. Лаврентьев часто выступал как официальный оппонент на защите докторских и кандидатских диссертаций, живо откликался на авторефераты соискателей ученых степеней.

Гурий Иванович был активным участником международных, всероссийских, региональных, республиканских конференций и симпозиумов. Его

выступления, как правило, содержали детальный анализ объекта исследования и вызывали большой интерес у коллег.

Профессор Гурий Иванович Лаврентьев пользовался заслуженным уважением и авторитетом не только в коллективе Марийского государственного университета, но и среди научной и педагогической общественности Республики Марий Эл и всего финно-угорского мира. Он навсегда останется в наших сердцах как ученый, внесший огромный вклад в исследование языка марийского народа.

**Валерий Максимов,
Олег Сергеев**
Йошкар-Ола

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУКЛИНА (1948–2016)

Финно-угорское языкознание, исследователи и преподаватели марийского языка понесли тяжелую утрату, 14 мая 2016 года оборвалась жизнь Куклина Анатолия Николаевича – доктора филологических наук, профессора, отличника народного просвещения, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, члена-корреспондента Российской академии естествознания. А.Н. Куклин – основатель научной школы «Марийская ономотология», член редколлегии журнала «Linguistica Uralica», участник интернет-энциклопедии «Известные ученые России» («Famous Russian scientists»), почетный доктор наук (Doctor of Science, Honoris Causa), награжден орденами «Labore et Scientia» («Трудом и знанием») и «Primus inter pares» (первый среди равных)», медалью имени В.И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки, отмечен благодарностью Президента Российской Федерации.

Более десяти лет Анатолий Николаевич заведовал кафедрой марийского языка и литературы, был инициатором создания и первым директором Института финно-угроведения Марийского государственного университета. Возглавляемый им институт, благодаря его усилиям и организаторским способностям, стал научно-образовательным центром по подготовке учителей марийской национальной школы, работников СМИ и творческой сферы, научных кадров, одним из крупных центров по марийской и финно-угорской филологии, признанным в Республике Марий Эл и за ее пределами.

А.Н. Куклин родился 23 февраля 1948 года в деревне Шургумал (Шүргы-йымал) Ронгинского района Марийской АССР в семье колхозника (Ронгинский район Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 февраля 1958 года был переименован в Советский).

По окончании Верх-Ушнурской восьмилетней школы А.Н. Куклин учился на школьном отделении Оршанского педагогического училища. После училища был направлен учителем черчения, рисования и физкультуры в Шой-Шудумарьскую восьмилетнюю школу Куженерского района. Здесь проработал в течение двух месяцев, до призыва в ряды вооруженных сил СССР. Вернувшись из рядов Советской Армии, поступил на русско-марийское отделение историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской.

В 1971–1973 годах изучал венгерский язык в Ужгородском государственном университете. В 1976 году окончил отделение русского языка и литературы, марийского языка и литературы историко-филологического факультета Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. С августа 1976 года по декабрь 1978 года работал в качестве младшего научного сотрудника в секторе языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В 1978–1981 годах учился в аспирантуре Тартуского государственного университета, где под руководством академика Пауля Аристэ подготовил и в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетика красноуфимского говора марийского языка». В работе методом экспериментального исследования представил анализ фонетической системы одного из неисследованных восточных говоров марийского языка.

В 1982–1984 годах работал научным сотрудником (вначале младшим, позже старшим) в секторе языка МарНИИ им. В.М. Васильева. С 1984 года преподавал в Марийском пединституте им. Н.К. Крупской, где успешно прошел ступени роста от старшего преподавателя до профессора.

В 1998 году стал доктором филологических наук, защитив научный доклад на тему «Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)». Докторская работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Она посвящена исследованию процессов исторической мотивированности гидронимов и фитофорных ойконимов.

А.Н. Куклин был крупным специалистом в ряде областей финно-угорского языкознания. Всю свою жизнь он отдал служению любимой филологии, написал и опубликовал свыше 430 научных работ, в том числе 20 монографий, учебных пособий, программ по языку для высших учебных заведений. Под его редакцией было издано более 20 монографий, учебников и сборников научных трудов. Круг исследовательских интересов А.Н. Куклина был довольно широк. Он плодотворно занимался изучением истории и современных проблем грамматики марийского языка, показал себя прекрасным знатоком и исследователем ономастики Поволжья, немало его работ посвящено вопросам диалектологии.

Для специалистов, исследующих коммуникативно-функциональное разнообразие языков, определенный интерес представляют такие работы Анатолия Николаевича, как «Mari Core Vocabulary» (1999; соавтор – профессор Токийского университета иностранных языков Казуто Матсумура), «Татарско-русско-марийский разговорник» (2012; соавтор – ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ Ф.Ф. Гафарова).

Книги «Марий Элын историйже вер-шӧр лӱмлаште» (2007), «История Марий Эл в географических названиях» (2010), написанные в научно-популярной форме для учителей и учащихся школ, рассказывают о происхождении

топонимов нашей республики, вводят учащихся в мир слов, являющихся наименованиями селений, рек, озер и других географических объектов, знакомят с особенностями природы республики, не обходя стороной и вопросы ее охраны, бережного отношения к растительному миру нашего края.

Учебное пособие по природоведению для учащихся III–IV классов «Шочмо кундем» («Родной край»), написанное на лугово-восточном и горномарийском литературных языках, выдержало несколько переизданий. В нем представлен принципиально новый подход к содержанию курса – экологическое воспитание школьников в условиях глобализации. Отличительной чертой пособия является и то, что в содержании текстов широко отражается этнопедагогический потенциал традиций марийского народа.

Заметный след оставил А.Н. Куклин в совершенствовании марийской орфографии. Об этом свидетельствуют такие его статьи, как «Языковые процессы в Республике Марий Эл» (2000), «Чылажат – шочмо йылме дене» («Всё на родном языке», 2010) и т. д.

А.Н. Куклин принимал непосредственное участие в подготовке много-томного словаря марийского языка – в написании части словарных статей на буквы К, О, Ч.

Работа «Олык-эрвел марий орфоэпий» (2003), предназначенная в первую очередь для учителей школ и студентов филологических факультетов вузов республики, посвящена исследованию становления и развития произносительных норм марийского языка в многообразии его литературных и диалектных форм.

Анатолий Николаевич Куклин активно оппонировал кандидатские и докторские диссертации. Являлся членом диссертационных советов ДМ 212.275.06 Удмуртского государственного университета и Д 212.117.09 Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Выступал в качестве официального оппонента на защите 8 докторских и 27 кандидатских диссертаций.

А.Н. Куклин часто выступал с научными докладами на международных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях и симпозиумах. Являлся участником VII–XI Международных конгрессов финно-угроведов.

Профессор А.Н. Куклин пользовался заслуженным уважением и огромным авторитетом не только в коллективе Марийского государственного университета, но и среди научной и педагогической общественности Республики Марий Эл и всего финно-угорского мира. Анатолий Николаевич навсегда останется в наших сердцах как выдающийся ученый, радеющий за культуру и язык марийского народа.

Валерий Максимов
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акишиков Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Кудрявцева Раисия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Максимов Валерий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, заместитель директора по учебной работе Института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения НАН Украины.

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, заведующий отделом языка МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

CONTENTS

ARTICLES

<i>Sibatrova S.S.</i> the completion of the composition of the Mari interjections addressed to the birds due to the Russian borrowings.	3
<i>Ziyavadinova O.S.</i> The artistic embodiment of the theme of nature in Komi poetry (the end XIX – first third XX centuries).	14
<i>Akshikov A.G.</i> To the question of the foundation of the city of Yoshkar-Ola.	38

REPORTS

<i>Teush O.A.</i> New material on Komi loans in the geographical terminology of the Russian North: Lenskiy district, Arkhangelsk region. ..	50
<i>Pilipchuk Yu.V.</i> From the history of martial arts of the Finns and Karelians.	55
<i>Molotova T.L.</i> The impact of community mentality in the traditional costume of Meadow Mari in the late XIX – early XX centuries.	71

PERSONALITIES

<i>Fedoseyeva N.A.</i> Contribution of A.A. Vasinkin to the development of the Mari literary criticism (to the 65 anniversary from the birthday).	77
<i>Rakin A.N.</i> V.I. Lytkin is outstanding Finno-Ugric researcher of the twentieth century (memories).	81

REVIEWS AND SURVEYS

<i>Sergeyev O.A.</i> Rev.: E. Lastochkina. Lexical and semantic peculiarities of homonyms in the Mari language. Dissertation submitted for the degree of doctor of philosophy. – Tartu, 2016. – 206 p.	85
<i>Tsypanov E.A.</i> Rev.: N.A. Rakin. Komi translation of «Kalevala» in the context of some aspects of the history and theory of (artistic) translation. Dissertation submitted for the degree of doctor of philosophy. – Tartu, 2014. – 338 p.	90
<i>Molotova T.A.</i> Rev.: Sadikov R.R. Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography) / R.R. Sadikov, Ufa: «First printing», 2016. – 276 p. + 20 p ill.	98

CHRONICLES

<i>Kudryavtseva R.A.</i> Anniversary conference at Mari State University. .	101
<i>Maksimov V.N., Sergeyev O.A.</i> In memory of Guriy Ivanovich Lavrentyev (1933–2016).	105
<i>Maksimov V.N.</i> In memory of Anatoliy Nikolayevich Kuklin (1948–2016).	108
Information about the authors.	111

«ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ», 2016, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации пи № 77–5360

Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marii@mari-el.ru

Подписано в печать 13.05.2017. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 11,35. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95